

СНОВИДЕНИЯ
ЕХО

Сундук
мертвеца



Annotation

В этом сундуке предостаточно мертвецов, но все же их гораздо меньше, чем могло бы быть. Освободившееся место заняли безумные ветры, заморские шаманы, страшные куманские ножи-медорубы и даже математические формулы, не к ночи будь помянуты. А что вместо бутылки рома у нас там бутылка осского аша – ну так всегда приходится делать поправку на культурный контекст.

- [Макс Фрай](#)

-

-

- [notes](#)

- [1](#)

- [2](#)

- [3](#)

- [4](#)

- [5](#)

- [6](#)

- [7](#)

- [8](#)

- [9](#)

- [10](#)

- [11](#)

- [12](#)

- [13](#)

- [14](#)

- [15](#)

- [16](#)

- [17](#)

- [18](#)

- [19](#)

- [20](#)

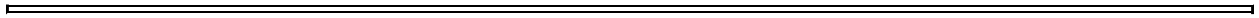
- [21](#)

- [22](#)

- [23](#)

- [24](#)

- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)



Макс Фрай

Сундук мертвеца

© Макс Фрай, текст

© ООО «Издательство АСТ», 2017

* * *

– Почему ты до сих пор не откусил мне голову? – спросил я.

– Потому что мне за это пока не заплатили, – привычно огрызнулся сэр Джуффин Халли. – Ты мало кому по карману, сэр Макс, смиришься.

Но от груды самопишущих табличек он все-таки оторвался. И посмотрел на меня – не то чтобы с интересом, но с тенью надежды на возможность его возникновения.

И то хлеб. Последние несколько дней шеф Тайного Сыска занимался подготовкой каких-то очередных изменений в судебной системе. Понятия не имею, что он при этом чувствовал, но со стороны это выглядело как острый приступ черной меланхолии, отягченный изысканным маниакальным бредом, по большей части, бюрократического характера.

– Но если тебе очень надо, так и быть, – наконец сказал Джуффин. – Давай сюда свою голову, только быстро. Что ты натворил?

– Целую кучу глупостей, – похвастался я.

– Когда успел-то? – изумился шеф. – Полдень только миновал.

– Ну так я не прямо сегодня их натворил. Просто постепенно собралась неплохая коллекция.

Джуффин сразу поскуучнел.

– Значит, уже неактуально, – сказал он. – Конец Мира по твоей милости не наступил, вот и ладно. Кусай свою дурацкую голову сам, не отвлекая занятого человека.

Пришлось срочно выкладывать на стол свой последний козырь.

– У меня с собой кувшин отличной камры. Насильственно изъятой из резиденции Ордена Семилистника, при почти драматических обстоятельствах.

И поставил вещественное доказательство своего преступления на стол.

– Вот с этого и надо было начинать, – одобрительно сказал шеф. – У

сэра Шурфа отличный повар. Рассказывают, что при Нуфлине бедняге приходилось готовить вовсе без продуктов, наскоро превращая в условно съедобное палую листву и дорожную пыль.

– Дорожную пыль?!

– На самом деле это, конечно, просто гнусные сплетни завистников, – ухмыльнулся Джуффин, наливая камру в свою кружку. – Уверен, что повару не возбранялось использовать для кулинарных целей хорошую жирную садовую землю. Накопал с утра пару ведер, и вперед.

– Ужасы какие ты рассказываешь.

– О скаредности покойного Нуфлина ходили легенды. По большей части, завиральные. Я хочу сказать, они приукрашивали действительность. Бывает, знаешь ли, такая действительность, которую невозможно очернить, как ни старайся. Впрочем, Нуфлина можно понять. Ему надо было накопить на Харумбу^[1]; старик не был дураком и прекрасно понимал, что за вход с него сдерут по самой высокой ставке – при такой-то репутации. Им же теперь его вечность терпеть... Но кстати, а почему тебе пришлось насильственно изымать камру у сэра Шурфа? Он что, тоже стал жадиной? То есть, звание Великого Магистра Семилистника действительно становится проклятием для всякого, кто займет это место? В жизни не верил в подобные глупости, и на тебе.

– Еще как становится, – подтвердил я. – Страшным проклятием Многоработы. Бедняга с горя сделался суеверен, как лесной колдун и обзавелся модным волшебным талисманом под названием «новый секретарь», но по-моему, стало только хуже: теперь все его свободное время, то есть, все полчаса в сутки уходят на то, чтобы ввести этого дурацкого нового секретаря в курс дела. Как по мне, лучше бы Шурф и правда просто стал жадиной. Это я бы легко пережил. Платил бы ему за встречи почасово, как няньке или домашнему учителю. И всем было бы хорошо. Пришел, отсчитал деньги, сидишь, наслаждаешься беседой. И самое главное, все остальные адепты Семилистника знают: Великий Магистр занят делом, пополняет Орденскую казну. И не врываются в его бедную голову с воплями: «Все пропало!» – или что там они орут с целью не дать начальству спокойно побездельничать в хорошей компании. Сегодня по их милости я так и не узнал, каким образом Умпонская любовная лирика эпохи Равайоров повлияла на возникновение нового метода ведения бухгалтерских книг в странах Сумеречного Союза. Это ранило меня в самое сердце. Пришлось отобрать у Великого Магистра камру – просто чтобы отвлечься от душевных терзаний. Ну и потом, я ее даже попробовать не успел. Врожденное чувство справедливости

подсказывает, что так мучить людей нельзя. Особенно если эти люди – я.

– Нельзя, – флегматично подтвердил Джуффин. – Но, откровенно говоря, твой поступок вряд ли приведет к новой гражданской войне. Так что откусывать голову тут при всем желании не за что. Подвел ты меня.

– Ладно, – вздохнул я. – Не хочешь – не откусывай. Поди тебя заставь. Ты – начальство. И, если верить ежегодному летнему опросу читателей «Суеты Ехо», по-прежнему самый опасный человек в Соединенном Королевстве. А я как дурак болтаюсь на двадцать каком-то месте. Позорище. С другой стороны, ничего удивительного: Мантию Смерти я больше не ношу, а без нее я, в лучшем случае, умеренно эксцентричный городской хулиган.

– Ты мне скажи человеческими словами: у тебя действительно что-то стряслось? – устало спросил Джуффин. – Или просто потрепаться больше не с кем? Если второе, учти, об Умпонской любовной лирике я тебе ничего вразумительного не расскажу. Я до сегодняшнего дня вообще не знал, что они там еще и стихи пишут. В утешение могу дать почитать мои поправки к уставу Канцелярии Скорой Расправы. Захватывающее чтение! Их уже восемьдесят семь. И я, считай, только начал.

– Ого! – уважительно присвистнул я.

– Сам знаю, что «ого», – отмахнулся Джуффин. – Давай, выкладывай, что там у тебя, пока я твою камру не допил.

– У меня – я.

– Сочувствую всем сердцем, – серьезно сказал Джуффин. – Это действительно беда. Но до сих пор ты как-то справлялся.

– Вот именно что «как-то», – мрачно согласился я.

– Что ты имеешь в виду?

– Что эту штуку, – для наглядности я стукнул кулаком по груди, – можно использовать гораздо эффективней. А пока ерунда какая-то получается. Недавно двое суток кряду ходил невидимым, как дурак, потому что переборщил с заклинанием... Между прочим, зря смеешься, это оказалось довольно неудобно.

– И что, во всей столице никто не мог этому горю помочь? – ухмыльнулся Джуффин.

– Получается так. Ты был занят, леди Сотофа только смеялась: «Ой, мне бы твое горе!», а сэр Шурф неприкрыто издевался. Дескать, всегда подозревал, что я его вымышленный друг, а теперь получил бесспорные доказательства. Даже Абилат, которого считают самым отзывчивым знахарем за всю историю Мира, от меня отмахнулся, дескать, не о чем беспокоиться, само пройдет; впрочем, так оно и вышло. Вчера я наконец-то

стал видимым и на радостях чуть не спалил свой дом. А всего-то и хотел – элегантно испепелить мусор, как это делают все вокруг, включая дошкольников. Получил костер до неба. Счастье, что дело было на крыше, а то недосчитались бы памятника архитектуры.

Джуффин демонстративно зевнул, давая понять, что масштаб описанных трагедий его совершенно не впечатлил.

– Со всеми поначалу случается. Угуландская Очевидная магия в руках могущественных новичков довольно опасная штука, я тебе это уже несколько тысяч раз говорил. Не рассчитал силы, получай катастрофу на ровном месте. Ты же знаешь, с чего началась карьера нашего сэра Мелифаро в Тайном Сыске?

– Да, – кивнул я. – Он рассказывал. Хотел откупорить бутылку, а вместо этого разнес в клочья трактир^[2]. Родная душа.

– Ты даже не представляешь, сколько вокруг таких «родных душ». Почти все через это прошли, включая бывших Орденских послушников, хотя за ними обычно довольно строго следили. Не то чтобы это помогало: от собственной силы не убережешься. Но ничего. Пара сотен лет регулярной практики, и проблема решается сама собой. Для тех, кто каким-то чудом уцелел.

Я бы с удовольствием зарычал, но с Джуффином такая тактика совершенно бесполезна. Его мой гнев даже не насмешит. Поэтому я сказал:

– Ладно, пара сотен лет – ерунда, не о чем говорить, потерплю. И вы все потерпите. Возможно, даже Мир не рухнет, если очень повезет.

– Видишь, получается, даже хорошо, что я не пошел на поводу у твоих капризов и не откусил тебе голову, – заметил Джуффин. – Двести лет без нее прожить вполне можно, но качество жизни, знаешь, немного не то.

– Ну да, жрать нечем будет, – сердито ответил я. – Это моя голова делает мастерски, я бы даже сказал, вдохновенно. И в любой момент готова повторить на бис. А вот соображает она гораздо хуже, чем положено – не только Тайному сыщику, а просто здравомыслящему человеку. Так называемый сновидец, к которому я несколько дней присматривался в полной уверенности, что его пора спасать, в смысле будить – мало ли, что не мерцает, мы все знаем, что бывают исключения – оказался простым куанкурохским путешественником. И вел себя не как лунатик, а как нормальный представитель этой, с позволения сказать, уникальной культуры. Такой уж у них обычай – задумавшись, сквозь стены проходить. А потом, оказавшись в чужом доме, без тени смущения спрашивать, где тут у них выход. Я был совершенно уверен, что наяву люди так себя не ведут. И в «Энциклопедии Мира» сэра Манги о куанкурохцах ничего подобного

не написано – это я уже потом, задним числом специально посмотрел.

– Тебя можно понять, – посочувствовал Джуффин. – Куанкурохцы довольно странный народ. И до нас редко добираются. Я сам за всю жизнь был лично знаком только с одним. И еще нескольких видел издалека.

– Тем не менее, меня это не извиняет. Потому что я мог в первый же день попросить Нумминориха понюхать этого типа. Довольно нелепо сперва выяснить, что сновидения имеют запах, и у нас есть человек, способный его распознать, а потом постоянно забывать применить этот метод на практике. Хотя, казалось бы, что может быть проще? Экономит время и силы, причем не только мне...

– Да, твое поведение довольно сложно назвать разумным, – кротко согласился шеф. – Но, как я понимаю, все в итоге закончилось хорошо?

– Даже почти без скандала. Но боюсь, только потому, что куанкурохцы считают угуландцев крайне эксцентричными людьми. То есть, если называть вещи своими именами, невменяемыми придурками. И заранее готовы прощать нам любые нелепые выходки. А кто не готов, просто не приезжает в Ехо. Когда немалую часть жизни неизбежно посвящаешь войне с безумными ветрами, бытовые конфликты с чужестранцами вряд ли кажутся таким уж соблазнительным развлечением.

– Это, кстати, объясняет, почему они так редко у нас появляются, – оживился Джуффин. – Даже торговые связи почти не поддерживают, с кем угодно, только не с нами. А я-то все удивлялся, что им тут не так.

– Может, теперь наконец поедут, – предположил я. – Я объяснил этому прекрасному человеку, что самый невменяемый придурок в столице Соединенного Королевства – я сам, а с остальными иметь дело гораздо проще и приятней. Он обрадовался и сказал, что тогда вполне можно жить. В общем, с ним все более-менее в порядке. А вот ослепительный белый свет...

– Что за ослепительный свет? – нахмурился шеф. – Кто из вас начал светиться, ты или этот приезжий?

– Светиться никто не начал. Это уже совсем другая история. В которой по ряду причин мог разобраться только я, но дырку в небе над задницей, которая заменяет мне голову, не разобрался. Вернее, отчасти разобрался, но слишком поздно.

– Объясни.

– Несколько дней назад в столице объявился сновидец... вернее, человек, которого я принял за сновидца. Успел побуянить в нескольких трактирах, даже пытался вламываться в частные дома. Причем выбирал помещения, где установили эти новомодные светильники, как их?..

– Звезда Марьеза? – подсказал Джуффин.

– О. Точно. Звезда. Кстати, а что такое «Марьеза»?

– Не «что», а «кто». Магистр Марьез Шудалина, один из друзей и помощников Короля Мёнина. Он эти светильники изобрел. При Мёнине звезды Марьеза вошли в моду, потом, как это обычно бывает, понемногу их нее вышли, при первых Гуригах о них опять вспомнили, но при Гуриге Малыше все дружно помешались на грибах^[3], и звезды Марьеза окончательно убрали с глаз долой, в самые дальние кладовые. А в Эпоху Кодекса они были не просто непопулярны, а строго запрещены, все-таки тридцать третья ступень Черной магии. Поэтому ты их не застал. На самом деле, я рад, что звезды Марьеза понемногу возвращаются в обиход, белый свет мне, пожалуй, нравится больше, чем голубой от газовых фонарей. Не говоря уже об оранжевом свете грибов. На улице еще вполне ничего смотрится, а в помещении – тихий ужас.

– Да, – вежливо согласился я, втайне всегда симпатизировавший сердитым грибным светильникам. – Так вот, сновидец, о котором я говорю, бросался на звезды Марьеза. Врывался в помещения, где они установлены, расталкивал публику, ломился к светильнику, замирал перед ним и стоял столбом, что с ним ни делай. Рассказывают, бормотал что-то непонятное; подозреваю, молился. А какое-то время спустя разворачивался и уходил. Некоторые свидетели утверждают, что рыдая, другие говорят, он просто был зол. Мне об этом бедняге, к сожалению, далеко не сразу рассказали, потом я долго и довольно бестолково его искал, но если бы я быстро сообразил, что происходит, возможно, смог бы ему помочь...

– Что ты должен был сообразить?

– В том мире, где я, условно говоря, родился и вырос, по крайней мере, до сих пор помню, что это было именно так, есть довольно много разнообразных гипотез посмертного бытия. В некоторых версиях рассказывается об ослепительном белом свете, соединение с которым чрезвычайно желательно для умершего. Потому что этот свет – то ли сам бог, то ли кратчайший путь к нему. В общем, теософ из меня никудышный. Но все-таки информация у меня была. А значит, я мог бы...

– Погоди, – остановил меня Джуффин. – Ты считаешь, что к нам уже не только сновидцы навешиваются, но и покойники? По-моему, это как-то чересчур. Что им тут делать? У нас совершенно точно не загробное царство. Верь мне. Я проверял.

– Seriously, что ли, проверял? – изумился я.

– Ну а как еще? Когда на нас толпами посыпались сновидцы из разных миров, мне поначалу было не до шуток. Тут поневоле задумаешься, не

стоит ли за этим весельем кардинальное изменение свойств материи, а значит и самой природы нашего бытия. Такие вещи о себе лучше знать, даже если они угрожают душевному равновесию. Особенно если угрожают! Собственно, согласно контракту с покойным Королем, который с тех пор никто не переписывал, это обязательная часть моей работы: вносить ясность в подобные вопросы. Поэтому сперва мне пришлось изобрести способы проверки, а потом осуществить ее с привлечением лучших экспертов разных эпох. Некоторые, конечно, подняли меня на смех, но свое дело сделали, спасибо им. Я теперь сплю спокойно. Вот уже больше года, как очень спокойно сплю. Ни хрена наша материя не изменилась. Не в ней дело, просто приоткрылись некоторые границы, которые прежде были закрыты и в большинстве случаев не позволяли постороннему вниманию проникать в нашу реальность. Открытие этих границ, как по мне, только на пользу. Хотя бы потому, что работает в обе стороны.

– Ты хочешь сказать?..

– Именно. Нам, причем не лично нам с тобой, а множеству людей теперь тоже стало гораздо легче путешествовать между мирами в сновидениях. А некоторым и наяву. Пока это не особо заметно, но лет сто спустя сам увидишь, у нас появится гораздо больше народу, способного к Истинной магии. И Тайному Сыску, чего доброго, придется то бороться с пьяными драками в Хумгате то за ухо возвращать домой заблудившихся несовершеннолетних беглецов. Думаю, это будут очень интересные времена.

– Здорово! – обрадовался я. – А почему ты никогда мне не говорил?

– Все новости сразу не перескажешь, – пожал плечами Джуффин. – Ты о состоянии материи меня не расспрашивал, а к слову как-то не приходилось. Теперь, как видишь, пришлось. Так что можешь не волноваться: вряд ли этот человек был настоящим мертвецом, который пришел к нам в поисках своего странного светящегося бога. Скорее, просто спящим адептом веры в ослепительный белый свет, которому приснилось, будто он умер, а бог почему-то от него прячется. Наверное, это довольно неприятный сон, но бывают кошмары и похуже. Что с ним, кстати, сейчас?

– Исчез, – сказал я. – Прежде, чем я успел придумать, что можно для него сделать. Я себя за это уже съел с потрохами, но если все, как ты говоришь, получается, ничего особо ужасного не случилось. Этот тип просто проснулся у себя дома. Может, даже не помнит ничего. Но я все равно дубина, это факт. Единственный человек в этом Море, способный понять, что означает маниакальное стремление к белому свету, по

счастливному стечению обстоятельств оказался рядом с беднягой и не смог...

– Но что именно ты должен был смочь?

Я развел руками.

– Как минимум как-то его успокоить, чтобы сам не боялся и другим жить не мешал. А в идеале проводить...

– Куда? – потрясенно спросил Джуффин. – Куда ты собрался его провожать, сэр Макс? К выдуманному богу?

– Ну а вдруг он не выдуманный, а действительно есть? И даже иногда именно так и выглядит? Для начала, наверное, пришлось бы это как-нибудь выяснить. Уверен, та же леди Сотофа должна знать подобные вещи. А если бога именно такой модификации все-таки нет, придумать, что можно сделать, чтобы он появился. Не представляю как, но...

– Вот это, я понимаю, мания величия! – восхитился шеф. – Видывал я много колдунов, свихнувшихся от сознания собственного могущества. Но ни один из них не считал, будто ему по силам создавать специальных загробных богов для каждого нуждающегося покойника. Это ты, конечно, молодец. Всех переплюнул.

– Да ладно тебе, – вздохнул я. – Никакая это не мания величия. Просто специфический опыт человека, у которого то и дело случайно получаются разные странные вещи. Непонятно как. Ладно, как минимум я мог бы успокоить этого беднягу, рассказав ему какую-нибудь утешительную байку, их я сочинять мастер. Но пока я разбирался, что к чему, он исчез. Так никем и не утешенный, только вусмерть перепуганный нашими бравыми полицейскими, которых он, готов спорить, принял за демонов ада, чья задача сбить с толку всякого начинающего мертвеца. Это, как ни крути, мой профессиональный провал.

– Несмываемый позор, – согласился Джуффин. И, конечно, заржал.

И я тоже с ним за компанию, от облегчения. Я же правда думал, к нам приблудился какой-то особо невезучий мертвец, и теперь, чего доброго, оправился в бездну небытия из-за меня, дурака.

– Ну, по крайней мере, одно доброе дело ты сегодня сделал, – отсмеявшись, сказал шеф. – Спас этот Мир от моей лютой тоски. Я теперь еще долго не затоскую, при всем желании. Просто физически не смогу.

– Ладно, – вздохнул я, – насчет ослепительного белого света ты меня более-менее успокоил. А вот...

– То есть и это еще не все? – изумился Джуффин. – В гроб ты меня загонишь. А там уже небось поджидает этот твой сияющий бог. Вы с ним заранее сговорились.

Он не слишком старательно изображал досаду. Ясно, что на самом деле шеф был только рад: при всех моих недостатках я все-таки гораздо привлекательней самопишущих табличек. И поправок к судебному законодательству у меня на лбу можно не писать.

– Но остальное не так смешно, – честно предупредил я. – И лично мне здорово не нравится. Вот, например, леди Кекки Туотли несколько раз видела меня во сне...

– Бедная девочка, – ухмыльнулся шеф.

– Да не то чтобы такая уж бедная. В смысле это не романтическая история. Никто никому на сердце не наступал.

– Еще чего не хватало. Кекки, хвала Магистрам, здравомыслящий человек. И отлично знает, кого из нас под каким соусом следует употреблять.

– Вот именно. Однако это не помешало ей несколько раз увидеть меня во сне, что само по себе действительно невелика беда. Плохо, что в этих сновидениях я был какой-то подозрительно умный. Давал ей советы, она говорит, крайне своевременные. Хуже того, учил каким-то вещам, о которых, боюсь, сам представления не имею. Вроде одновременного присутствия в двух местах. Кекки клянется, что наяву даже не понимает, как к этому подступиться; надеюсь, так оно и есть. При этом о собственных выходках я узнал от нее. Ни хрена об этом не помню. И наверное можно даже не говорить, что ни о чем таком не помышлял. В голову не пришло бы учить чему-нибудь Кекки. И всех остальных.

– Остальных? – почему-то обрадовался Джуффин.

– Поучительные сны с моим участием не ей одной снятся. Есть и другие жертвы.

– В любом случае хорошо, что ты теперь об этом знаешь, – сказал шеф.

Вид он имел не встревоженный, а чуть ли не заскучавший. Спасибо, хоть не зевнул.

– Так ты, получается, в курсе?

– Хорошо бы я был, если бы не. Не бери в голову, в кои-то веки это не твоя любимая проблема утраты контроля над собственными поступками. И вообще не проблема. Им снится не сегодняшней сэр Макс, а тот, кем ты когда-нибудь станешь. И овладеешь полезным древним искусством сниться против течения времени; подозреваю, из одного только пижонства. В любом случае я был рад получить столь наглядное подтверждение, что рано или поздно из тебя гарантированно выйдет толк.

– Но откуда ты?.. – начал было я, но осекся на полуслове. Все-таки

Джуффин есть Джуффин. Один из самых могущественных колдунов в этом Мире. И одновременно идеальный начальник Тайного Сыска, от него ничего не скроешь, хоть на другой край Вселенной беги. Глупо то и дело об этом забывать только потому, что мы перешли на «ты».

– Откуда я все это знаю? – закончил за меня шеф. – Да оттуда, что сам насторожился, когда этот не в меру умный и подозрительно опытный сэр Макс стал сниться Нумминориху с полезными и поучительными лекциями, причем еще в ту пору, когда мы здесь понятия не имели, где ты, что с тобой происходит и жив ли вообще. Я всерьез опасался, что мальчишку взял в оборот какой-нибудь хищник из тех, что охочи до силы начинающих колдунов. Являться своим жертвам во сне таким существам обычно проще, чем наяву. А уж прикинуться кем бы то ни было вообще не проблема. Естественно, я стал выяснять, что происходит. Выяснил и полностью успокоился на твой счет, раз и навсегда. Мало того, что ты, оказывается, проживешь достаточно долго, чтобы успеть поумнеть, так еще и чувство ответственности отрастишь, как отсюда до Арвароха. Что, впрочем, как раз вполне предсказуемо, ты уже сейчас рвешься всех вокруг опекать. Начиная с генерала Бубуты Боха, которого ты по-прежнему исправно снабжаешь сигарами, хотя с тех пор как его заместителем стал Трикки Лай, никакого практического смысла в поддержании дипломатических отношений с руководством Городской Полиции не осталось. Трикки, добрая душа, совершенно бесплатно с нами дружит.

– Просто бедняга успел привыкнуть к сигарам и очень без них тосковал, пока меня не было в Ехо, – объяснил я. – Абилат говорит, Кристаллы Утешения килограммами ему прописывал, но не то чтобы радикально помогло. А взять эти грешные сигары негде, только меня попросить. Обучить Бубуту добывать нужные вещи из Щели между Мирами я точно не возьмусь. И сэр Маба Калох тоже не возьмется, я спрашивал. Он даже почти не смеялся, решил, что я не в себе. Значит придется снабжать Бубуту сигарами до скончания века, а что делать? Я же сам его ним прирастил.

– Вот-вот, именно так и выглядят первые симптомы обострения ответственности, – усмехнулся Джуффин. – Всем еще весело, но пациент уже обречен.

– Ладно, – вздохнул я, – в любом случае новость скорее хорошая. Всегда мечтал прожить пару миллионов лет, а быстрее я все-таки вряд ли поумнею.

– Не выдумывай, – отмахнулся шеф. – Первой тысячи обычно всем хватает. Но, к счастью, прибавление ума совершенно не повод ложиться и

помирать, после этого становится только интересней. А теперь проваливай. С тобой по-прежнему чрезвычайно занятно, но эту работу, – он выразительно постучал пальцем по верхней в куче табличек, – за меня никто не сделает.

– Только еще один вопрос, – поспешно сказал я. – Практический.

Джуффин нетерпеливо поморщился, но согласился:

– Давай свой вопрос.

– Когда я научился ходить Темным Путем...

Шеф с видом мученика возвел глаза к потолку – дескать, так и знал, придумал себе проблему на ровном месте! Ты бы еще на отсутствие аппетита пожаловался.

Но сбить меня с толку ему не удалось.

– Меня научил Шурф, если ты помнишь, – сказал я. – И, как это ему свойственно, очень хорошо все объяснил: какие в этом деле бывают трудности и проблемы, и какие из них меня не касаются, а о чем, напротив, нельзя забывать. Только один момент он не прояснил, просто не сообразил, что его надо как-то специально оговаривать. Обычно так всегда бывает с самыми простыми вещами, о которых, как мы уверены, знают абсолютно все.

– Ты о чем? – нахмурился Джуффин.

– О том, что Темным Путем можно прийти только в заранее выбранное место. А не к какому-то конкретному человеку, который неизвестно где находится. Поначалу я об этом не задумывался и отлично добирался до всех, кто был мне нужен.

– Да, я обратил на это внимание. Надо сказать, изрядно удивился, но решил делать вид, будто так и надо. Очень полезное умение, зачем тебе знать, что ты делаешь невозможное? Чего доброго, поверишь мне на слово и перестанешь. Я правильно понимаю, что этим в итоге дело и кончилось?

– Вот именно. Я сам стал задумываться: как же так? Зачем тогда нужна работа Мастера Преследования, Большое Заклинание Призыва и все остальные хитроумные способы поймать того, кто скрывается, если можно просто прийти к нему Темным Путем? Почему никто так не делает? Начал расспрашивать и внезапно выяснилось, что Темный Путь всегда прокладывают между человеком и выбранной им точкой в пространстве, а не между человеком и человеком, как я полагал. Сэр Шурф объяснил мне, какова природа этого явления. Ну, что для осуществления настолько крупномасштабной трансформации материи нашему сознанию недостаточно зацепиться вниманием за другое человеческое сознание. Сознание просто слишком эфемерно, чтобы стать опорой, тут нужно что-то

гораздо более плотное, незыблемое, в идеале – сама земля. Шурф мне даже схему закрепления потока внимания на объекте устремления нарисовал.

– Это он зря, – меланхолично заметил Джуффин.

– Ну так я сам его попросил. Хотел разобраться. А Шурф физически не способен сделать что-либо на тят-ляп. И раз уж взялся, то позаботился, чтобы до меня дошло. Это было непросто, но он справился. Я все понял и тут же утратил счастливую способность добираться Темным Путем до нужных мне людей. Нелепо, но это так. Весной, когда мы с Нумминорихом за Карвенем Йолли по пригородам гонялись, мне очень не хватало утраченного умения – ррраз! – и оказаться рядом с ним. И вот прямо сейчас, пока я этого беднягу, поклонника белого света по всем трактирам искал. И еще много раз. Пробовал, старался – ни хрена не выходит. Когда речь о знакомом, оказываюсь возле его дома или там, где мы в последний раз виделись. А когда о незнакомом, в месте, название которого более-менее созвучно с его именем-фамилией или хотя бы начинается на ту же букву; почему это чаще всего оказывается какая-нибудь глухая гугландская деревня, отдельный вопрос... Обидно – передать не могу. Получается, мне лучше вообще ничего не знать о мироустройстве? Чтобы вконец не разучиться колдовать?

– Да, невежество долгое время являлось одной из важнейших составляющих твоего могущества, – серьезно согласился Джуффин. – Но было бы ошибкой полагаться на него и впредь. Хотя бы потому, что от знаний не убережешься. Не станешь спрашивать, все равно найдется умник, который расскажет. Или просто случайно что-то где-то услышишь – и что, все? Гораздо более достойным путем мне кажется способность перешагнуть через знание. То есть сперва ты узнаешь правила, а потом учишься действовать вопреки им. Каждый раз говоришь себе: «Это для всех остальных невозможно, а для меня – вполне». И дело в шляпе. Я сам всегда так делаю. И тебе советую. У тебя точно получится, ты упрямый. Надо только нос повыше задирать. В смысле считать себя лучше всех. Но не ради сомнительного удовольствия стать надутым индюком, а исключительно в интересах дела. Гордыня вообще отличная штука, если правильно ее применять.

Я даже рассмеялся от неожиданности.

– Какой отличный совет! Надо будет попробовать. Что-что, а хвастаться я всегда умел.

– Хвастаться дело хорошее, – вздохнул шеф. – Но не совсем то, что в данном случае требуется. Важно наедине с собой ни на минуту не забывать, что ты неописуемо крут. А с этим у тебя как раз проблемы. Ты

всегда был до смешного скромным молодым человеком. Самокритичным и очень чувствительным к похвалам. Это показатель. Того, кто твердо уверен в своем могуществе, комплименты только раздражают: да кто вы все такие, чтобы меня хвалить? Впрочем, как ты себя ведешь с окружающими, не имеет особого значения. Главное – твердо знать: то, что считается невозможным для других, легко получится у тебя. Тем более, что в твоём случае это чистая правда, таких как ты действительно больше нет. Ты у нас со странностями, так уж получилось. И доказательств собственной исключительности у тебя более чем достаточно, чтобы разобраться с такой ерундой, как Темный Путь.

– А ты умеешь добраться Темным Путём до нужного человека? – спросил я.

– Нет, – спокойно ответил Джуффин. – Но только потому, что до сих пор мне не приходило в голову поставить перед собой такую задачу. Не было большой необходимости. Все-таки я, в отличие от тебя, Большое Заклинание Призыва давным-давно, ещё в Кеттари освоил. И талант Мастера Преследования у меня, хвала Магистрам, врожденный, как у большинства потомков шимарских охотников, а в Сердце Мира такие способности обычно обостряются даже без дополнительных усилий, сами собой. И ещё... Впрочем, это совершенно неважно. Есть предложение: давай заключим пари, кто раньше научится. С проигравшего сто корон.

– Это называется – грабить среди бела дня беззащитных сирот, – мрачно сказал я.

– Не прибедайся. У тебя фора: ты этот фокус уже проделывал. А что потом разучился, невелико горе, главное, опыт есть. А я пока даже не знаю, с чего начинать. И неотложных дел у меня примерно в три тысячи раз больше. Это ещё кто кого собрался грабить, сэр Макс.

– Ладно, – согласился я. – После того, как своими глазами увижу, что у тебя получилось, снова поверю, что это хотя бы теоретически возможно, а там глядишь и сам смогу. За такое ста корон не жалко. Договорились. Пари.

– Интересно, на сколько надо было поспорить, чтобы разбудить в тебе настоящий азарт?

– Минимум на мою голову. Но, чур, ты этого не слышал. А то, чего доброго, однажды уговоришь.

С этими словами я все-таки вымелся из его кабинета. Надо сказать, изрядно успокоенный по всем пунктам. Сэр Джуффин Халли, самый опасный человек в Соединённом Королевстве согласно не только дурацкому газетному опросу, но и некоторым неумолимым фактам, всегда действует на меня как мощный транквилизатор. И это тоже неумолимый

факт.

* * *

– У тебя все в порядке? – спросил я.

– Конечно, – ответила Базилио и адресовала мне такой печальный взгляд, что будь на моем месте обычный кровавый тиран и безжалостный убийца, его сердце было бы разбито. Возможно, навек.

Но меня такой ерундой не проймешь.

– Опять ответ не сходится?

Базилио скорбно кивнула. Ее борьба с задачником для средней школы продолжалась уже не первый день и шла с несколько более переменным успехом, чем ей самой хотелось бы.

– Даже куанкурохские головоломки проще, – пожаловалась она.

– Вряд ли, – сказал я. – Подозреваю, эти задачки не сложны, а, наоборот, слишком просты для тебя. Для их решения не нужны ни парадоксальный ум, ни воображение, ни интуиция. Только знание правил и четкое понимание, когда какое следует применять. А школьные правила ты не учила.

– Не учила, – подтвердила Базилио. – Поэтому их приходится угадывать. В смысле логически выводить из решения, которое оказалось правильным.

– Ничего себе! – присвистнул я. – И что, получается?

– Иногда, – вздохнула она. – А иногда бывает, в голову приходит решение, за которым стоит такое красивое правило, хоть на стене его записывай, чтобы перечитывать и радоваться. А потом проверяешь ответ, а он неправильный. Не сходится! И значит, красивого математического правила на самом деле не существует. Ужасно обидно! И почему-то, как назло, подтверждаются самые неинтересные правила. Которые даже запоминать не хочется. Оказывается, математика – совсем не такая захватывающая наука, как мне представлялось.

В глубине души я всегда это подозревал. Но каких бы бессердечных злодеев ни показывали мне время от времени в зеркале, мерзавца, способного обрубить крылья увлеченному новичку, среди них не было никогда. А если однажды появится, я лично его придушу, по примеру арварохских воинов-самоубийц.

Поэтому я возразил:

– Это только школьный курс не особо захватывающий. Самое

интересное начинается позже, когда азы благополучно усвоены. По крайней мере, так говорят.

Кто бы сказал, что однажды мне придется держать речь в защиту математики, ни за что бы не поверил. Но жизнь в магическом мире еще и не до такого цугундера доведет.

– Поэтому на твоём месте я бы забил на дурацкие школьные задачки и взялся бы за какие-нибудь трактаты, написанные полоумными профессорами для других таких же полоумных профессоров, – заключил я. – Если уж все равно обречен ни хрена не понимать, пусть это «ни хрена» будет по-настоящему сложное и увлекательное.

– Мне близок такой подход, – согласилась Базилио. – Но с безумными трактатами придется повременить. Сейчас мне надо подготовиться к вступительным экзаменам в Королевский Университет.

Я так и сел. То есть действительно сел. В кресло. Хотя совершенно не планировал задерживаться в гостиной. Список имевшихся у меня веских причин, серьезных поводов и просто приятных предлогов выйти из дома внушал уважение даже мне самому. Но ничего не поделаешь, пришлось им пойти прахом. Знакомый, неоднократно протоптанный маршрут.

– Ты это серьезно? – наконец спросил я.

– А что, не надо? – встревожилась Базилио. – Ты против?

И угрожающе шмыгнула носом, наглядно демонстрируя готовность зареветь.

Это притом, что уж кому-кому, а ей я вообще ни разу в жизни ничего не запрещал. Даже когда девочка наша была ужасающим с виду василиском с головой индюка, рыбьим туловищем, лисьим хвостом и прочими интересными подробностями. Каковым, строго говоря, и осталась, просто выглядеть стала немного лучше, несмотря на то, что ее постоянным советчиком по части выбора гардероба был, есть и, боюсь, навсегда останется сэр Мелифаро. Потому что я даже это не способен ей запретить.

– Эй, ты чего? – улыбнулся я. – Как я могу быть против? Кто меня вообще спрашивает? Это же твоя жизнь. К тому же государственным преступлением учеба в Королевском Университете совершенно точно не является. Если бы в Кодекс Хрембера внесли соответствующую поправку, я бы знал. Просто удивляюсь, что ты мне до сих пор ничего не сказала.

– Да я бы сказала. Но тебя дома очень долго не было, – напомнила Базилио.

Строго говоря, это не совсем так. Дома я исправно появлялся. Но вступить в контакт с моим разумом в эти прекрасные моменты и правда было несколько затруднительно. Потому что, по свидетельствам очевидцев,

обычно я сперва засыпаю, а уже потом в порыве лунатического энтузиазма отправляюсь Темным путем в свою спальню, сонно бормоча, что человек должен спать дома. Потому что я консерватор и домосед. В глубине души. Где-то на самом дне ее пропасти.

– Ладно, – сказал я. – Учеба в университете, если верить всему, что я об этом слышал, далеко не самое худшее, что может произойти с человеком. Знаю кучу людей, с которыми это случилось; вроде бы все выжили. Но зачем так спешить? Лично я бы на твоём месте ещё пару дюжин лет бездельничал в своё удовольствие. Неужели ты уже заскучала?

– Нет, что ты! – серьёзно возразила Базилио. – Мне рассказывали, что такое скука, а Дримарондо любезно зачитал мне соответствующую словарную статью; честно говоря, сомневаюсь, что мне когда-нибудь доведётся испытать это необычное ощущение. Просто сэр Шурф сказал, что мне следовало бы серьёзно подумать о получении образования. И предпринять соответствующие шаги.

Ага. Вот оно что.

– Ну знаешь. Если все начнут делать все, что говорит сэр Шурф... – на этом месте я умолк, потрясенный масштабами услужливо нарисованной моим воображением катастрофы: идеального, совершенного мира, где безупречные существа, крайне отдаленно напоминающие живых людей, вдохновенно совершают разумные поступки в режиме нон-стоп, прерываясь только ради философских диспутов и чрезвычайно полезных дыхательных упражнений. И отросшие от такого образа жизни ангельские крылья трепещут на умеренно свежем, аккуратном и дисциплинированном ветру. В столь умиротворяющей апокалиптической обстановке мой друг наконец-то сможет спокойно лежать на пляже, не отвлекаясь на исправление бесчисленных несовершенств мира, а больше ему для счастья ничего не требуется. Он, можно сказать, аскет.

– Сэр Шурф чрезвычайно убедительно аргументировал, – заметила Базилио.

– Что-нибудь о необходимости получения систематизированных знаний, способствующих формированию глубокого мышления? – вздохнул я.

– Ну, это, наверное тоже, – неуверенно сказала Базилио. – Но в основном он упирал на то, что мне следует воспользоваться возможностью получить уникальный опыт беспечной студенческой жизни: толпы веселых приятелей, дурацкие ссоры по пустякам, счастливые примирения, бесконечные споры о смысле жизни, незаметно превращающиеся в вечеринки, подготовка к экзамену в последнюю ночь и все в таком роде.

Сказал, будь он сейчас юным бездельником вроде меня, ни за что не упустил бы шанс так весело провести пару дюжин лет. Тем более, что магии в этом доме меня все равно как-нибудь да научат, а вот беспробудно пьянствовать и безответственно флиртовать с кем попало – вряд ли. Для этого ты слишком серьезный человек.

– Так и сказал? – изумился я.

– Примерно так. Наизусть его речь я, к сожалению, не выучила.

– Это ты зря. Изумительный вышел бы компромат на Великого Магистра Ордена Семилистника. Продали бы его «Суете Ехо» за тысячу корон и жили бы потом припеваючи... Впрочем, ладно, и так не особо бедствуем. Но насчет беспробудного пьянства он все-таки погорячился. Ты же даже обычную человеческую еду не ешь. Только иллюзорную.

– Ну так иллюзорное вино тоже можно наколдовать, – отмахнулась Базилио. – Хотя дело, как я понимаю, не в самом вине. А в атмосфере студенческих вечеринок. Сэр Шурф говорит: лучшее, что мы можем сделать для своего сознания – предоставить ему как можно более разнообразный жизненный опыт. И почему бы не начать с приятного, если уж обстоятельства не препятствуют.

– Дело говорит, – согласился я. – По существу мне возразить нечего. Я и сам, честно говоря, с удовольствием стал бы студентом, да на вступительных экзаменах провалюсь. У тебя гораздо больше шансов.

– Я так уже не думаю, – мрачно сказала Базилио. – Во всяком случае, не в этом году. За лето я точно не подготовлюсь. Все говорят: легко, легко. А я даже не знаю, с чего начинать!

– Я тоже не знаю. И хотел бы тебе помочь, но только с толку собою... Но слушай! В этом Мире полно людей, которые прекрасно знают, с чего следует начинать подготовку к вступительным экзаменам. И на каком месте ее заканчивать, чтобы не сойти с ума. Получается, тебе просто нужен такой человек. Репетитор. В смысле учитель. Или даже несколько, по числу предстоящих экзаменов.

– А что, бывают такие люди? – удивилась Базилио. – А где с ними можно познакомиться? И как уговорить, чтобы помогли?

– Совершенно точно бывают. И уговаривать их особо не нужно, достаточно заплатить. Это же просто профессия. Нумминорих наверняка может порекомендовать кого-нибудь стоящего. Я с ним пого... Нет, лучше сама поговори.

– Потому что ты забудешь? – вздохнула Базилио.

Я развел руками. Дескать, все правильно понимаешь.

И был таков.

Это было мое первое лето в Ехо после очень долгого отсутствия. И я вовсю наверстывал упущенное, которое, разумеется, невозможно наверстать. Но все равно хочется. И желание это неодолимо. И счастье, когда на него не хватает времени, ощущается почти как беда, но все равно остается счастьем, таким огромным, что ни в одного живого человека не поместится, будь он хоть сто раз угуландский колдун. И жизнь от всего этого становится совершенно невыносимой. Невыносимо прекрасной, но кому от этого легче.

Уж точно не мне.

Тем не менее, я кидал и кидал дрова в эту топку. Больше, еще больше всего – новых впечатлений, работы, друзей, заклинаний, зрелищ, прогулок, загадок, требующих немедленной разгадки, путешествий, трактиров, удивительных сновидений, книг, задушевных ночных разговоров, леденящих кровь тайн и банальных ежедневных открытий, неизбежных для новичка, каковым я, строго говоря, все еще остаюсь.

Я хочу сказать: еще никогда в жизни я не был настолько занятым человеком. Даже в те ужасные (но все равно блаженные) времена, когда сэр Джуффин Халли регулярно объявлял, что еженощные дежурства в Доме у Моста вовсе не дают мне права отсутствовать на службе днем. Однако спал я в ту пору, пожалуй, все-таки побольше, чем сейчас, – по той простой причине, что друзей, приятелей и просто знакомых у меня было гораздо меньше. И трактиров, регулярно появляться в которых я считал своим долгом, раз-два и обчелся. И ходить Темным Путем я еще не умел, а значит, был избавлен от мучительной необходимости ежедневно выбирать, на берегу какого из морей мне нынче угодно любоваться закатом. И еще великое множество наслаждений, включая регулярное хождение по потолку было мне в ту пору совершенно недоступно. Что само по себе, конечно, довольно досадно, но на практике способствовало душевному покою и долгому крепкому сну – по большей части, в положении сидя, но этому искусству я научился, можно сказать, мгновенно. С полпинка.

Спать на ходу с открытыми глазами, поддерживая более-менее осмысленный диалог, оказалось гораздо трудней. Я пока не справляюсь.

В общем, нет ничего удивительного, что, когда несколько дней спустя Базилио спросила, разрешу ли я ее учительнице приходить в Мохнатый Дом или им следует подыскать другое место для занятий, я сперва вообще не понял, о чем речь.

– Что за учительница? Чему она собирается тебя учить?

– Математике, конечно, – вздохнула Базилио. – Сочинение по истории Соединенного Королевства я, пожалуй, и без дополнительной подготовки как-нибудь напишу; Дримарондо говорит: там на самом деле всего-то и надо – продемонстрировать связность мышления, общую эрудицию и умение управляться с самопишущими табличками, на остальное смотрят сквозь пальцы. А вот математика...

Тогда я наконец сообразил, что речь о вступительных экзаменах. Похоже, Базилио твердо вознамерилась побороться за право участвовать в студенческих попойках.

– В своем кабинете ты можешь принимать вообще кого угодно, включая портовых нищих и беглых владык Арвароха, – сказал я. – Но в гостиной – только тех, кто понравится мне и собакам. Мнение кошек по хорошему тоже следовало бы учитывать, но тогда в этом доме не останется никого кроме тебя.

– Ну, конечно, мы будем заниматься в кабинете! – просияла Базилио. – Но вообще она, по-моему, симпатичная. Хотя, конечно, очень строгая. Почти как ты.

Я был потрясен столь высокой оценкой. Стать образцом строгости, пусть даже в глазах отдельно взятого юного чудовища я, честно говоря, даже не мечтал. Просто не мог вообразить столь головокружительную карьеру.

– Я имею в виду, при первом же взгляде на нее сразу ясно: если ей что-нибудь придется не по нраву, всем конец, – пояснила Базилио. – Но к тебе я довольно быстро привыкла, значит и с леди Тайярой как-нибудь сумею поладить.

– С леди Тайярой, – повторил я. Просто чтобы занять делом свою нижнюю челюсть, которая так и норовила отвиснуть. И ее можно понять.

– Леди Тайяра Ката, – кивнула Базилио. – Нумминорих говорит, она способна научить математике даже равнинного крёггела^[4].

– А что, равнинные крёггелы от природы неспособны к точным наукам?

– Доподлинно это неизвестно. Просто до сих пор не было возможности проверить. Говорят, у равнинных крёггелов настолько вздорный характер, что стоит им услышать: «Дважды два четыре», – тут же начинают спорить: «С какой это стати четыре? Что за чушь? Кто тебе такую глупость сказал?» – и это, сам понимаешь, несколько затрудняет дальнейшее обучение.

Я был вынужден признать, что, скорее всего, так и есть.

– Тем не менее, Нумминорих совершенно уверен, что леди Тайяра

смогла бы найти подход даже к равнинным крёггелам – при условии, что они сами к ней пришли бы. Гоняться за ними по болотам она ни за что не станет. Вероятно, именно по этой причине среди выдающихся математиков Соединенного Королевства ни одного равнинного крёггела пока нет, – завершила Базилио.

– Если ты собиралась повернуть разговор так, чтобы я захотел познакомиться с этой леди, у тебя отлично получилось, – сказал я. – Обожаю женщин, которые не гонятся по болотам за крёггелами. В наше время такие большая редкость! Когда у вас первый урок?

– Вот уже... – она ловко поймала панически мечущиеся по столу часы; даже думать не хочу, кто и зачем их так жестоко заколдовал, – буквально через десять минут. Я хотела спросить разрешения раньше, но...

– Меня не было дома, – вздохнул я. – А ты никак не могла решить, достаточно ли серьезен этот вопрос, чтобы воспользоваться Безмолвной речью, которую я терпеть не могу. Имей в виду, я высоко ценю твою деликатность. И смотрю на тебя совсем не сердито, а просто с ужасом и отчаянием человека, которому предстоит неотвратимое знакомство с учительницей математики. Я их с детства боюсь.

– Правда? – изумилась Базилио. – Тогда знаешь что? Спрячься в башне. Я ее туда не пущу!

– Спасибо, друг, – улыбнулся я. Рад, что ты готова меня защитить. Но тогда я умру от любопытства. А умирать мне сейчас никак нельзя. Кучу народу подведу.

– ...Вижу вас как наяву, – сказала леди Тайяра Ката. И буквально на миг прикрыла глаза ладонью.

По этому жесту можно довольно много понять о незнакомом человеке. Дети и приезжие, недавно познакомившиеся с нашими правилами хорошего тона, стараются выполнить ритуал правильно, честно зажмуриваются и руку от глаз не убирают, пока не договорят приветственную фразу; я сам поначалу так делал, чего уж там. Военные и полицейские резко поднимают руку и растопыривают пальцы, стараясь закрыть все лицо; Королевские придворные, напротив, совершают плавное движение, и кисть руки при этом выглядит почти вызывающе расслабленной. Отставного колдуна из давно упраздненного Ордена легко опознать по плотно сжатым напряженным пальцам, выдающим готовность в любой момент атаковать нового знакомого. Купцы, моряки и другие деловые люди торопливо взмахивают рукой, обычно даже не доносят ее до лица, всем своим видом показывают: мы взрослые люди и знаем цену формальностям. Студенты и подражающие им старшекласники обычно

разворачивают руку ладонью наружу, а фразу: «Вижу вас как наяву», – сокращают чуть ли не до «ву». А вот такой короткий, небрежный, но элегантный, совершенно естественный жест, как у леди Тайяры, выдает выходцев из древних аристократических семей, с чьей точки зрения нынешняя Королевская династия – безродные провинциальные выскочки, да и легендарный основатель Соединенного Королевства Халла Махун Мохнатый не то чтобы особенно родовит. Вслух они это, ясное дело, даже наедине с собой не произнесут, но думают достаточно громко. Так, что воздух звенит.

В общем, я сделал вывод, что леди Тайяра Ката то ли происходит из старинной аристократической семьи, то ли зачем-то переняла соответствующие манеры. Если так, преклоняюсь перед ее мастерством. Лично мне эта небрежная элегантность так и не далась, сколько ни бился. А вызывавшаяся быть моим инструктором леди Меламори на четвертом занятии честно призналась, что еще никогда в жизни не была так близка к убийству на почве затмевающей разум ярости. Даже когда, нарисовав от скуки карточную колоду, пыталась научить суровых арварохских воинов играть в «Крак».

Голос у леди Тайяры был звучный, глубокий и такой теплый, что мне захотелось немедленно начать учиться математике. То есть на самом деле совершенно все равно чему, лишь бы эта женщина говорила со мной, не умолкая.

Но она явно не собиралась улаживать мой слух. Поздоровалась и равнодушно отвернулась, всем своим видом показывая, что формальность, ради которой нам пришлось встретиться, благополучно улажена, и теперь было бы неплохо, если бы я тоже это осознал и убрался куда-нибудь подальше.

Я давно привык, что все новые знакомые смотрят на меня с откровенным любопытством, плавно переходящим в суеверный восторг, и до сих пор искренне считал, что очень этого не люблю, так что, по идее, должен был обрадоваться ее безразличию. Но вместо этого почти всерьез огорчился. Сам от себя не ожидал.

Леди Тайяра Ката была чрезвычайно интересной особой. Видимо, из-за голоса она в первый момент показалась мне высокой и статной; на самом деле учительница едва доставала до плеча долговязой Базилио. Небольшая, крепко сбитая женщина средних лет, круглолицая, темноволосая, кудрявая, таких обычно не замечаешь в уличной толпе, вернее, просто не отличаешь одну от другой, очень распространенный в наших краях тип. Однако я сразу понял, что передо мной незаурядная личность. И, готов спорить,

могущественная ведьма, по крайней мере, потенциально. Что-что, а чужую силу я чую безошибочно. И очень это ощущение люблю.

Я чуть было не спросил: «Вы уверены, что собираетесь учить девочку именно математике, а не тремстам Утренним Смертным Заклятиям?» – но вовремя прикусил язык. Чего доброго, обидится, откажется иметь с нами дело, и Базилио будет сутки реветь, уткнувшись в задачник. Нет уж. Пусть занимаются, а я пока займусь сбором сплетен. Благо мне есть кого расспрашивать о новых знакомых. И, по удачному стечению обстоятельств, именно этому неиссякаемому источнику полезных знаний я давным-давно задолжал совместный обед.

* * *

– Леди Тайяра Ката? Ха! Будь на твоём месте кто-нибудь другой, я бы сказал, что впервые слышу, но с тобой так шутить бесполезно. Не оценишь степень абсурда.

Сэр Кофа Йох выглядел чрезвычайно довольным. Он и так-то не слишком похож на страдальца, особенно когда сидит в новомодном трактире «Йопс^[5] у нас», за обеденным столом, над которым на высоте вытянутой руки неторопливо кружат так называемые «маленькие радости дня» – бесплатные соусы, салаты и пирожки, способные приятно дополнить любой заказ. Но сейчас Кофа натурально сиял, предвкушая, как будет меня просвещать.

Его можно понять, я – благодарная аудитория. Мало того, что не знаю общеизвестных фактов, так ещё и не стесняюсь в этом признаваться. И в рот рассказчику смотрю качественно, в смысле искренне погибаю от любопытства. И перебиваю исключительно от избытка энтузиазма. Сам бы за такого слушателя дорого дал.

– С этой леди связан один из самых громких скандалов начала Эпохи Кодекса, – объяснил Кофа. – Ну и сама по себе она выдающаяся личность. Примерно шестьсот лет назад леди Тайяра Ката была одной из самых великих математиков своего времени.

– Сколько-сколько лет назад?

– Кончай придуриваться, сэр Макс. А то ты не знаешь, что для мало-мальски могущественного человека это вообще не возраст.

– Знаю. Теоретически. Но до сих пор не привык.

– Ладно, дело хозяйское. Хочешь по сто раз на дню удивляться всякой ерунде, удивляйся на здоровье. Однако интересно в данном случае не то,

сколько лет прожила на свете леди Тайяра, а то, что в один прекрасный день она внезапно оставила мужа с тремя дочками и свою кафедру в Университете, где ей поклонялись примерно как арварохцы Мертвому Богу, разве только самоубийств в ее честь не совершали, но к тому шло. И поступила в Орден Посоха в Песке на правах простой послушницы. Что, впрочем, само по себе не так уж удивительно: призвание есть призвание. Я хочу сказать, когда магия решила взять тебя в оборот, не отвертись. Все бросишь и побежишь к первому попавшемуся пройдохе, который вызовется научить тебя хотя бы азам. Вот и леди Тайяра бросила; впрочем, побежала она не куда попало, а в более-менее разумном направлении. Орден Посоха в Песке в ту пору был в силе, при этом их устав не отличался особой строгостью, особенно для Орденских женщин, которые с превеликим удовольствием вели насыщенную светскую жизнь. В смысле блистали на приемах, заводили романы и вообще развлекались вовсю; тем не менее, среди них было много действительно выдающихся мастериц. Что лишний раз доказывает: отречение от Мира вовсе не обязательное условие становления могущественной ведьмы, а просто дополнительное удовольствие для тех, кому успела надоесть житейская суета. Что касается леди Тайяры, послушничество не помешало ей продолжать заниматься математикой; по крайней мере, свои самые знаменитые трактаты «Заклинание как совершенное число^[6]» и «Дробные степени силы» она опубликовала уже после вступления в Орден. Между прочим, я сам когда-то учился по этим книгам и почерпнул из них немало полезных сведений, причем не столько о собственно математике, сколько о многообразии методов подхода к изучению магии – если уж у кого-то получается описывать эти таинственные процессы при помощи математических формул, значит можно вообще все; для юнца, на чью долю не досталось выдающихся учителей, это довольно важное и полезное практическое открытие. Впрочем, я увлекся, извини.

– Всегда бы вы так увлекались! – искренне сказал я. – Ужасно это все интересно. «Дробные степени силы», мама дорогая! Чокнуться можно, что у некоторых людей творится в голове. И этот факт почему-то делает меня счастливым. Хотя, конечно, обидно, что лично я вряд ли когда-нибудь пойму всю эту восхитительную хрень.

– Зато ты хороший практик, – утешил меня Кофа. – К тому же тебе только что принесли отличный рыбный пирог. Тоже в своем роде «восхитительная хрень», причем вполне доступная твоему пониманию. В столице мало кто умеет достойно готовить морскую рыбу, нашим поварам привычней иметь дело с речной. Но хозяйка этого заведения сманила к себе

одного из лучших гажинских поваров, за что лично я очень ей благодарен. Соскучился по тамошней кухне, а ходить Темным путем, сам знаешь, терпеть не могу.

Я сочувственно кивнул. У сэра Кофы непростые отношения с Истинной магией. Он даже говорить о ней подолгу не любит. Искусство Темного пути, которое теоретически считается своего рода переходной ступенью от традиционной Угуландской Очевидной магии к Истинной, он все-таки освоил, но применяет это умение только в случае крайней необходимости. Говорит, настроение от него портится. Если для дела надо, можно потерпеть, но мотаться по разным городам и странам в поисках экзотических развлечений – никакого удовольствия. Чертовски досадно, но помочь ему я, увы, не могу. С другой стороны, Кофа и не просит о помощи, а значит, говорить тут не о чем. Лучше уж о достоинствах здешней кухни. Или о леди Тайяре Ката, чем она хуже рыбного пирога.

– Ну и что было дальше? – спросил я. – Вряд ли дробные степени силы – достаточный повод для грандиозного скандала. Что наша леди натворила?

– Да много чего, – ухмыльнулся Кофа. – Началось с того, что в один прекрасный день леди Тайяра Ката покинула Орден Посоха в Песке, которому посвятила почти четыреста лет жизни, и перешла в Орден Решеток и Зеркал. Вот ты сейчас не удивился, а напрасно! Редчайшее событие по тем временам. Просто покинуть Орден – такое, конечно, случалось. Я сам в свое время вышел из Семилистника, когда понял, что мне там нечего ловить^[7]. И даже отношений ни с кем особо не испортил. Но демонстративно перейти из одного Ордена в другой – подобные случаи по пальцам пересчитать можно. А чтобы так поступила одна из старших Орденских женщин – вообще немыслимо. Они обычно или в первый же год уходят, убедившись, что ошиблись с выбором, или остаются навсегда. Женщины, как я понимаю, сразу достаточно глубоко погружаются в практику и снимают такие сливки, что карьерные соображения и личные отношения с соратницами быстро утрачивают для них даже подобие смысла. Вот я, вот магия, вот путь, по которому я иду, все остальное не имеет значения.

– Мне это очень понятно, – невольно улыбнулся я.

– Тебе только кажется, что понятно. На самом деле ты устроен ровно наоборот. Во-первых, уж на что, на что, а на личные отношения с соратниками тебе не плевать до такой степени, что если завтра мы все внезапно окажемся презиращими тебя злыми негодьями, ты уйдешь из Тайного Сыска, на прощание хлопнув дверью так, что небо на землю обрушится. И никакие соображения о необходимости следовать по

единожды выбранному пути тебя не остановят.

Я даже говорить ничего не стал. И так ясно, что это правда.

– А во-вторых, – продолжил Кофа, – если Джуффин предложит тебе, к примеру, отправиться в Шиншийский Халифат на предмет изучения тамошней магии, более-менее убедительно аргументировав, зачем это нужно, ты скорее всего поскандалишь для порядка, но все равно заинтересуешься. И захочешь попробовать. А попробовав, увлечешься так, что забудешь обо всем на свете. И будешь потом нам рассказывать, насколько Шиншійская магия оказалась причудливей нашей Очевидной Угуландской. Что, впрочем, совершенно не мешает тебе еще через пару лет заинтересоваться чем-нибудь новеньким.

– Скорее всего так, – согласился я. – Но только при условии, что это будет именно магия. Вряд ли я теперь когда-нибудь от нее откажусь.

– Во-о-о-от! – веско сказал Кофа. – Лишь бы магия, а в какой именно традиции ею заниматься, дело десятое. А для Орденских женщин обычно важно идти одним и тем же путем, не сворачивая. Сменить традицию для них все равно что добровольно рассыпаться в пыль, а потом кропотливо собирать себя заново из этих пылинок, причем без особой надежды получить хотя бы не худший результат. Так уж они устроены – не все подряд, но большинство.

– А леди Тайяра оказалась исключением?

– Получается, так. Сама она объясняла, что просто достигла предела – не магии как таковой, конечно, а своих возможностей в рамках конкретной традиции. Ей хотелось двигаться дальше, а в Ордене Решеток и Зеркал ее ждали с распростертыми объятиями: заполучить настолько могущественную и влиятельную перебежчицу – редкая удача. Даже о своей традиции принимать только девственниц не вспомнили, а ведь как кичились этим правилом, якобы принципиально отличавшем их от всех остальных, вспоминать смешно! Ну, правда, Тайяру не в послушницы взяли, а сразу ввели в Дальний Зазеркальный Круг или как там у них называлась шайка самых чокнутых Орденских ведьм... Бывшие соратницы леди Тайяры так растерялись, когда она сообщила им о своем решении, что отпустили ее без лишних разговоров, даже отравить не попытались, только связали парой дюжин крепких заклятий, чтобы Орденские тайны новым коллегам не выболтала; помогло это или нет, лично я не в курсе. Да и какая теперь разница. Давным-давно нет обоих Орденов, а все их секреты аккуратно переписаны исследователями истории Угуландской магии на радость будущим поколениям кабинетных умников.

На этой оптимистической ноте сэр Кофа умолк и занялся ловлей

кружащих над нами соусов, оставив меня терзаться любопытством. Испепелять рассказчика нетерпеливым взглядом так, что на нем начинает дымиться лоохи – мой коронный номер, и Кофа это знает, поэтому пауза была недолгой. Свою одежду он, хвала Магистрам, бережет.

– Ты вообще имеешь представление, что это был за Орден – Решеток и Зеркал? – спросил Кофа, благополучно ухватив нужную склянку. – И какого рода занятиям отдавали предпочтение входящие в него леди?

– Да не то чтобы, – признался я. – Но одна из них чуть не оставила меня без головы в самом начале моей карьеры^[8].

– Ну, значит, имеешь. И не слишком удивишься, узнав, что адепты Ордена Решеток и Зеркал уделяли немало сил и внимания магическим практикам пресечения жизни, иными словами, искусству убивать. Особых высот в этом деле достигли женщины Ордена. Ведьмы, по моим наблюдениям, довольно редко специализируются на убийствах, но если уж берутся, им нет равных. Женщин Ордена Решеток и Зеркал в Смутные Времена боялись едва ли не больше, чем мальчиков Лойсо Пондохвы^[9], а это надо было очень постараться. Однако у них получилось. В частности благодаря Лотерее Смерти.

– Лотерее? – озадаченно переспросил я.

– Да, именно. Несколько раз в год старейшие Орденские дамы разыгрывали, кому из горожан предстоит умереть. Выбирали всего одну жертву, но этого хватало, чтобы поддерживать горячий интерес населения к их затее. В лотерее вынужденно участвовали те жители столицы, чьи имена были хотя бы в одном документе из городского архива – составлять список самостоятельно леди поленились. Впрочем, в архиве так или иначе значились практически все горожане, кроме разве что потомственных бродяг. Много лет город трепетал в ожидании имени новой жертвы, которой мог оказаться кто угодно: богач, портовый нищий, новорожденный младенец, знаменитый знахарь, единственный наследник почтенной фамилии, садовник, Старший Магистр любого Ордена, Королевский слуга и даже моряк, совершающий дальний рейс. Смерть настигала избранника неизбежно: женщины Ордена Решеток и Зеркал умели убивать на любом расстоянии, так что бежать из столицы не было особого смысла. Только надеяться, что пронесет. Я, как ты знаешь, был в Смутные Времена начальником Правобережной полиции, и эти лотереи стали моей худшей головной и сердечной болью. Ни разу я не смог помешать этим ведьмам осуществить задуманное. И вообще никто.

– А смысл – убивать кого попало, наугад?

– Держать всех в страхе – вот тебе и смысл. Для Эпохи Орденов вполне обычный. Кого боятся, тот и на коне.

– Жрали они, что ли, этот страх? – сердито спросил я.

Вопрос был риторический, но Кофа кивнул:

– Совершенно верно, именно что «жрали». По крайней мере, некоторые колдуны умеют извлекать из страха выгоду. Существует старинный ритуал, позволяющий присвоить часть силы того, кто тебя боится. Довольно сложный в исполнении, зато не настолько секретный, чтобы никто не мог о нем разузнать. Я сам, каюсь, в свое время его разучил...

– Вы?!

– Ну да. А чему ты удивляешься? Я был молод, любопытен, полон решимости достичь вершин магии, лишен мало-мальски разумного руководства и, как следствие, кидался на все подряд. Впрочем, я только раз попробовал, с меня хватило. Сила, как выяснилось, тоже разная бывает, если не по сути, то на вкус. И этот вкус мне совсем не понравился. Лучше уж признать свою никчемность и приятно провести остаток дней в притонах Куманского Халифата, чем так. Но не все настолько брезгливы, увы.

– Да уж, – растерянно согласился я.

– Что же касается способности женщин Ордена Решеток и Зеркал убивать жертву на любом расстоянии, за этим их удивительным умением, как впоследствии выяснилось, стоял точный математический расчет. Я имею в виду, что ритм и темп смертоносных заклинаний изменялись в соответствии с формулами, выведенными без преувеличения математическим гением. Для каждого нового случая требовался новый пересчет, так что заскучать леди Тайяре не давали.

– Вот оно как, – задумчиво сказал я. – Какую однако славную учительницу нам присоветовал Нумминорих! Вот и доверяй после этого рекомендациям друзей.

– Учительница она, говорят, действительно отличная, – заверил меня Кофа. – Лучше даже в Куанкурохе не отыщешь. А что касается ее прошлого, просто вспомни, чем занимались в Смутные времена твои ближайшие друзья. За исключением разве что тех, кто не подсуетился вовремя родиться и поучаствовать в этом веселье. Но вряд ли это можно считать личной заслугой.

Я был вынужден признать, что он совершенно прав. В сравнении с тем же сэром Шурфом леди Тайяра практически ангел. Подумаешь – смертоносные формулы. Живьем на куски никого от избытка усердия не

раздирала, уже молодец.

– То-то и оно, – усмехнулся Кофа, не то прочитавший мои мысли, не то удовлетворившийся выражением лица. – Ученая леди успешно решала интереснейшие с ее точки зрения задачи и была благодарна судьбе за такую удачу. А что ее труды сделали возможной Лотерею Смерти – ну так не сама же она эту лотерею придумала. К тому же, ты учти, ее соратницы по новому Ордену умели убеждать. Лично я, по правде сказать, совсем не уверен, что леди Тайяру действительно заморозили, но официальная версия была именно такова.

– Официальная версия?

– Да. Когда с Орденом Решеток и Зеркал было покончено, и его чудом уцелевшие адепты предстали перед Королевским Судом, Орден Семилистника потребовал для них пожизненного заключения в Холоми. Ну, то есть на самом деле Нуфлин мечтал о смертной казни для всех, но в этом вопросе покойный Король был тверд как скала: смертная казнь – проклятие и гибель для всякого государства, которое решится ее узаконить. Поэтому всех врагов Семилистника, которых не успели убить в ходе войны, пришлось отдать Королевским судьям. А те оказались далеко не так суровы, как хотелось бы Нуфлину. Насколько я помню, из женщин Ордена Решеток и Зеркал к пожизненному заключению приговорили только леди Ларию Бам, совершенно безумную старуху; большая удача для нее и нас всех, что при Холоми состоят превосходные знахари, и кристаллов Смирения у них достаточно, а то с этой дамы стало бы сгрызть стены темницы до основания, за сотню лет как раз управилась бы, и был бы нам всем сюрприз.

– Какая интересная, должно быть, леди, – осторожно заметил я.

– Да не то слово, сэр Макс. Совершенно в твоём вкусе. Не сомневаюсь, ты бы отлично с ней поладил, как, впрочем, и с большинством ее подруг. Иногда хочется посочувствовать, что ты не застал Смутные Времена и упустил столько прекрасных возможностей, но как подумаю, чем бы ты тогда занимался, и сострадание в моем сердце сменяется ликованием: как же нам всем повезло!

– Да я бы в первый же день спрятался в самом глубоком погребе и сидел бы там до самого принятия Кодекса. Терпеть не могу воевать.

– Вполне вероятно, – согласился Кофа. – Но даже вообразить страшно, какую компанию ты бы в этом погребе собрал. Уверен, что парочка бездомных фэтанов^[10], вызванных каким-нибудь безответственным чародеем, выглядела бы милейшими домашними любимцами на фоне всех остальных.

Тут не поспоришь. Я и правда довольно общительный.

– А леди Тайяру Ката Королевский суд оправдал, – сказал Кофа. – Ни единого года в Холоми, даже к изгнанию ее не приговорили, хотя в ссылку тогда отправляли всех подряд, включая безобиднейших юных послушников, просто от греха подальше. Официальная версия, как я уже говорил, такова: леди Тайяра способствовала проведению Лотереи Смерти не по собственной воле, а под воздействием тайно наложенных на нее чар. Скандал был – ты не представляешь!

– А чего скандалить-то? Даже я знаю, что согласно Кодексу Хрембера, человек, совершивший преступление под воздействием чужого колдовства, не подлежит наказанию. Или тогда этого закона еще не было?

– Был. Совсем новенький, несколько дней назад принятый; впрочем, в Кодекс Хрембера он переключался из старого Королевского уголовного права и сюрпризом ни для кого не стал. Просто ведьму с такой репутацией, как у леди Тайяры довольно непросто вообразить насильственно околдованной; другие женщины Ордена Решеток и Зеркал, присутствовавшие на процессе в качестве обвиняемых, открыто опровергать судебскую версию не стали, но хохотали так, что стены тряслись. Отдельно забавно, что сама леди Тайяра пыталась протестовать, но ее и слушать не стали, сказали: большинство околдованных не знают, что с ними произошло, вы не исключение.

– Какой, однако, гуманный у вас был суд, – удивился я. – Странно, что хоть кого-то в Холоми отправили.

– Да не то чтобы такой уж гуманный, – усмехнулся Кофа. – С сегодняшней точки зрения его и особо справедливым-то не назовешь. Места в Холоми и правда сэкономили как могли, зато на пожизненное изгнание не скупились. Судьи, как и все остальные горожане так устали от Смутных Времен, что старались отправить в долгую, а еще лучше бессрочную ссылку как можно больше колдунов, не особо разбираясь, кто чего успел натворить. Но леди Тайяра – особый случай. В нее был влюблен ныне уже покойный сэр Хосама Аули, Старший Мастер Хранитель Королевской Печати, иными словами, личный доверенный секретарь Его Величества Гурига Седьмого, персоне в ту пору настолько влиятельная, что остается только радоваться его полному равнодушию к большинству дел. Однако с леди Тайярой у него был страстный роман, задолго до описанных событий; кажется, еще в ту пору, когда она состояла в Ордене Посоха в Песке. Для нее, как я понимаю, незначительный эпизод, а для него – любовь всей жизни. Так иногда бывает.

– Бывает, – печальным эхом подтвердил я.

– По-человечески я Хосаму понимаю, – сказал сэр Кофа. – Однако общественное доверие к Королевскому Суду эта история изрядно пошатнула. Скандал был грандиозный, в городе циркулировали неубедительные, но приятно будоражащие воображение слухи о готовящемся поджоге здания суда, представители старых аристократических семей, служившие в Канцелярии Скорой Расправы, один за другим демонстративно подавали в отставку, а Магистр Нуфлин оживился и заново попытался протолкнуть свою вожделенную поправку о допустимости смертной казни в так называемых исключительных случаях. В конце концов Королю пришлось уволить нескольких судей и формально понизить в должности сэра Хосаму Аули; по уму, его следовало бы выгнать к Темным Магистрам, от греха подальше, но кто по доброй воле откажется от хорошего секретаря?

– А что леди Тайяра?

– Сразу после суда она покинула Соединенное Королевство и отсутствовала почти сто лет. Забавно, что, будь она признана виновной, примерно такой срок изгнания ей, по идее, и присудили бы. Стоило суетиться!

– А почему уехала-то? – удивился я. – Совесть замучила? Или Королевский секретарь ухаживаниями достал?

– Все гораздо проще, сэр Макс. В первые годы Эпохи Кодекса врагам Ордена Семилистника, будь они хоть трижды оправданы Королевским Судом, в столице, скажем так, не жилось. А если жилось, то недолго. Ясно, что доказать причастность адептов правящего Ордена к нескольким дюжинам внезапных смертей никто не брался. Не то чтобы поймать их за руку было невозможно, просто связываться не хотели. Но потом за дело наконец взялся Джуффин, а он, сам знаешь, виртуоз межведомственного шантажа. В результате нескольких раундов переговоров бедняга Нуфлин постарел примерно на три тысячи лет, Тайный Сыск получил некоторые дополнительные полномочия, необходимые нам для нормальной работы, а необъяснимых несчастных случаев с бывшими Магистрами стало на порядок меньше; я был бы рад сказать, что они совсем прекратились, но увы, до такой идиллии мы в ту пору не особо рассчитывали хоть когда-нибудь дожить.

– Мрак, – констатировал я. И, подумав, добавил: – Жуть.

Иногда я просто образец красноречия.

– Так или иначе, а леди Тайяра благоразумно покинула Ехо сразу после оглашения оправдательного приговора. А потому уцелела. Благо убивать на расстоянии в Семилистнике никто не умеет. По крайней мере, раньше не

умели. Теперь-то за них взялся сэр Шурф. Даже думать не хочу, чему он может их научить.

– Дыхательной гимнастике, – усмехнулся я. – И возможно, искусству жрать слоеный пирог, не обронив ни единой крошки. Как он это делает, ума не приложу!

– Всего-то двадцать седьмая ступень Черной магии, – отмахнулся Кофа. – Ничего особо сложного, но все удовольствие от еды насмарку. Поэтому настоящие гурманы никогда не используют этот фокус. И тебе не советую. Подумаешь – крошки. Тоже мне беда.

– Ужас в том, что до принятия поправок к Кодексу, когда сэр Шурф был простым Тайным Сыщиком, вроде нас с вами, и колдовать для личных нужд вне специально предназначенных для магии помещений отказывался наотрез, крошек все равно не было. Ни одной грешной крошки, хоть ты тресни. Меня это натурально сводило с ума.

– Тем не менее, ты тогда как-то подозрительно быстро с ним подружился.

– Так именно поэтому. Когда что-то сводит меня с ума, я стараюсь с этим подружиться. Самый верный способ взять ситуацию под контроль.

Сэр Кофа одобрительно ухмыльнулся и принялся набивать трубку. Я спросил:

– А как вышло, что леди Тайяра, вернувшись, стала простым репетитором, а не получила в свое полное распоряжение кафедру в Королевском Университете или еще где-нибудь? Я имею в виду, если она настолько крупная величина?

– Была величина, – пожал плечами Кофа. – В долгой жизни есть некоторое неудобство: твои бывшие заслуги обесцениваются в твоем же присутствии. Жизнь-то не стоит на месте. Пока леди Тайяра искала силу в Орденах и колесила по Миру, наука ушла далеко вперед; полагаю, наверстать упущенное довольно нелегко. Впрочем, вполне возможно, она сейчас как раз занята каким-нибудь самостоятельным исследованием и несколько лет спустя снова удивит своих коллег. А жить меж тем на что-то надо: семейное имущество давным-давно поделено между правнуками. Да и сколько там было того имущества. По матери леди Тайяра происходит чуть ли не от Ульвиара Безликого, но наши аристократы, вопреки распространенному мнению, далеко не всегда богачи.

– Ясно, – кивнул я. – Ладно, не буду лишать ее заработка. Собственно говоря, даже если она научит Базилио высчитывать формулы убийства на расстоянии, никакого практического вреда от этого, готов спорить, не будет. Все-таки девочка только с виду человек. Чудовищам я как-то больше

доверяю.

– Это совершенно естественно, – невозмутимо заметил сэр Кофа. – Все больше доверяют своим.

Нельзя сказать, что полученная информация исполнила меня симпатии к леди Тайяре Ката, но вечером глаза Базилио сияли как у влюбленных; связно говорить она при этом могла только о квадратных корнях – дрожащим голосом, с придыханием, так что мне захотелось срочно свести знакомство с парой-тройкой этих самых квадратных корней и проверить, так ли они хороши. Но по улицам они без присмотра не бегают, поэтому шансы мои были невелики.

В общем, я убедился, что Базилио действительно повезло с учительницей. И окончательно решил: раз так, пусть приходит. И Нумминориха за рекомендацию поблагодарил гораздо более искренне, чем намеревался. И на какое-то время выбросил эту историю из головы. Потому что, как я уже говорил, это было мое первое лето в Ехо после долгого отсутствия, я старался взять от него все и не рыдал от счастья по дюжине раз на дню только потому что даже этого не успевал.

* * *

– Мне это тоже не нравится, – сказал сэр Кофа Йох.

– Именно поэтому я вам и рассказал, – кивнул Трикки Лай. И спохватившись, поспешно добавил: – То есть не потому, что хотел вас расстроить, а потому, что...

– Устал расстраиваться в одиночку, – ухмыльнулся Кофа. – Это я могу понять.

– Может быть, вы и меня расстроите? – вежливо спросил я. – За компанию.

Вообще-то я зашел к Трикки, чтобы выпить с ним камры. И спросить, как у него дела. Не то чтобы я жить не мог без этой ценной информации, просто пришла его очередь. Когда приятелей у тебя примерно втрое больше, чем часов в сутках, приходится составлять четкий график ни к чему не обязывающих дружеских встреч. И строго его придерживаться, если не хочешь в один прекрасный день обнаружить, что куча народу считает тебя совершенно бессердечной свиньей.

Эти двое смущенно переглянулись. Натурально как дети, застуканные сверстником при поедании конфет – с одной стороны, считается, что надо

делиться, с другой – самым мало, с третьей отказывать все-таки как-то нехорошо.

– Тебе, наверное, будет не особенно интересно, – наконец сказал Трикки Лай.

Другой бы на его месте сказал: «Это не по твоей части», но заместитель начальника столичной полиции – очень деликатный человек. Однако, что по моей части, а что нет, не ему решать. И не сэру Кофе. И даже не мне самому. Все, что мы можем, – это делать ставки, потому что никогда заранее неизвестно, где я сяду в лужу, а где спасу положение одним правильно поставленным вопросом. А где просто принесу удачу, как одноразовый ярмарочный талисман за пять горстей.

При этом в Доме у Моста у меня сложилась репутация крупного специалиста по непостижимому и неопределенному, которого к простым человеческим проблемам лучше близко не подпускать. И как всякая устойчивая репутация, она сильнее фактов: сколько бы так называемых «простых человеческих» проблем я ни решил, мои коллеги упорно считают это случайным совпадением. Зато если завтра за каким-то чертом понадобится отправиться в чужую Вселенную, населенную исключительно невидимыми демонами-людоедами, и уговорить их присягнуть на верность Его Величеству Гуригу Восьмому, все головы как бы невольно повернутся ко мне, и единственным человеком, сомневающимся в благополучном исходе этого мероприятия, буду я сам. Но меня быстро переубедят.

Вслух я все это говорить, конечно, не стал. Бороться с чужими заблуждениями – дело совершенно бессмысленное. Поэтому для подобных случаев у меня есть универсальный аргумент.

– Если уж так получилось, что я вошел в тот самый момент, когда вы обсуждали какую-то проблему, значит, судьбе угодно, чтобы я тоже был в курсе, – сказал я. – Вы как хотите, а лично я стараюсь ей не перечить. Характер у этой леди тяжелый. И убедительности ей не занимать.

Кофа и Трикки растерянно переглянулись. Они люди практичные и, готов спорить, задумываются о велениях судьбы не чаще, чем я о логарифмах. То есть только когда какой-нибудь вдохновенный псих слишком громко орет о них за окном.

– Лично мне для сэра Макса ничего не жалко, – наконец сказал Кофа. – Особенно проблем. Тем более, чужих.

– Мне и своих не жалко, – в тон ему ответил Трикки Лай. – Ни для кого. Забирайте все!

Я адресовал обоим вопросительный взгляд.

– Так что стряслось-то?

– На самом деле, я совсем не уверен, что оно вообще стряслось, – сказал Трикки. – Просто несколько прискорбных происшествий, строго говоря, даже не по нашему ведомству, полицию в таких случаях просто формально ставят в известность. Каждое из этих происшествий по отдельности выглядит вполне обычным, хоть и трагическим случаем, но в сочетании они производят на меня довольно странное впечатление.

– Понимаю, – нетерпеливо кивнул я, всем своим видом призывая рассказчика завязывать с увертюрой и переходить к делу.

Не то чтобы это помогло. Трикки чертовски обстоятельный.

– Штука в том, – начал он, – что в последние годы убийства в Ехо стали большой редкостью. И несчастных случаев со смертельным исходом тоже гораздо меньше. И даже от болезней, судя по поступающим в полицейский архив отчетам городских знахарей, стали умирать нечасто.

– Да, это действительно проблема. Надо же, никто не желает умирать! Целиком разделяю твое беспокойство, – я изобразил людоедский оскал, как я его себе представляю.

Обычно получается смешно, но сейчас сэр Кофа только с досадой поморщился. А Трикки совершенно серьезно сказал:

– Нет, что ты. Такое положение дел меня как раз совершенно устраивает. Нет ничего хорошего в том, чтобы все вокруг умирали.

Когда я разговариваю с Трикки Лаем, мне то и дело мерещится, что передо мной наскоро изменившая внешность Базилио. Ничего удивительного, все-таки он ее создатель^[11]. Трикки тренировался в создании безобидных недолговечных иллюзий для детского утренника, нечаянно применил слишком высокую ступень магии и получил такой впечатляющий результат, что я до сих пор содрогаюсь, вспоминая нашу с Базилио первую встречу. Что, конечно, не помешало мне взять ужасающее чудовище под защиту и поселить его в собственном доме. Это, кстати, очень эффективный метод: хочешь перестать чего-то бояться – начинай его опекать.

Говорят, овеществленные иллюзии наследуют ум и характер своего создателя. Думаю, именно поэтому наша Базилио так легко улаживает любые житейские проблемы, разгадывает самые сложные головоломки и регулярно обыгрывает меня в «Злик-и-Злак». И несмотря на последнее обстоятельство, кажется мне ангелом, зачем-то спустившимся к нам с небес. Трикки Лай – точно такой же ангел. И чувство юмора у них обоих ангельское. В смысле большинство нормальных человеческих шуток эти двое не понимают, хоть стреляй. За последние полгода я прочел им столько лекций о природе комического, что составленный из них учебник

пришлось бы разбить как минимум на два тома, но это, мягко говоря, мало что изменило. Я уже зарекся объяснять.

Поэтому я с неприсущей мне кротостью сказал:

– Разумеется, нет ничего хорошего в том чтобы все вокруг умирали. Своей абсурдной репликой я просто хотел тебя рассмешить. Не получилось. Извини, что перебил.

– Ничего страшного, – великодушно улыбнулся Трикки. – А ты извини, что я начал с описания общей ситуации, которую вы с сэром Кофой прекрасно знаете и без меня. Просто понимаешь, когда я только поступил на службу в Городскую Полицию, восемь внезапных ненасильственных смертей за полторы дюжины дней не вызвали бы у меня никаких подозрений. Время от времени с людьми случаются несчастья, это печально, но ничего необычного в этом нет, – так я тогда думал. Но теперь мне кажется, это как-то многовато.

Я вопросительно посмотрел на Кофу. Потому что в вопросах статистики городских происшествий я полный ноль. А он – эксперт.

– Мальчик совершенно прав, – подтвердил Кофа. – Восемь – это сейчас чуть ли не полугодовая норма. Впрочем, несчастных случаев со смертельным исходом у нас и прежде было немного. Все-таки основам магии люди более-менее обучены, умеют себя защитить. И внезапная смерть от болезни всегда была огромной редкостью. Знахари нынче далеко не такие кудесники, как в годы моей юности, но все равно, объективно говоря, неплохие. Плюс почти в каждой семье найдется какой-нибудь дед или бабка с полным погребом отличных самодельных микстур по древним лесным рецептам. Неизлечимые хвори, конечно, есть, но таких, чтобы больной до последней минуты не подозревал, что с ним происходит неладное, как-то не припоминаю. Разве только утрата Искры может показаться обычной усталостью, но лишь поначалу. И не о ней в наших случаях речь.

– Ясно, – кивнул я. – Значит, число происшествий резко выбивается из общей картины. Логично предположить, что в столице объявился какой-нибудь ловкач, способный замаскировать убийство под несчастный случай?

– Я тоже сразу об этом подумал, – кивнул Кофа. – Хотя, на первый взгляд, не похоже, что все происшествия дело одних рук. На одного обрушилась стена старого здания, предназначенного под снос, у другого, считавшего себя здоровым и полным сил, внезапно остановилось сердце, третья споткнулась в собственном доме и неудачно ударилась головой об острый выступ декоративной скульптуры... Что там еще, Трикки?

– Еще два падения – с лестницы и с крыши, роковая небрежность при

работе с ядами, смерть от редкого заболевания крови, но без обычных симптомов, которые помогли бы вовремя ее распознать и начать лечение. И – вот буквально сегодня утром! – укус арварохского зайца клец...

– Чего?! – я ушам своим не поверил.

– Арварохского зайца клец, – повторил Трикки.

– Смертельно ядовитая тварь, – пояснил сэр Кофа. – Заяц клец опасней любого хищника, потому что очень труслив и от страха кусает всех подряд, особо не раздумывая. А противоядия от его укусов не существует, потому что ни в наших краях, ни в Уандуке ничего подобного, хвала Магистрам, не водится, а с точки зрения арварохцев смерть – не такая великая беда, чтобы придумывать, как от нее защититься.

– Но откуда этот грешный заяц взялся в Ехо?

– Это мы как раз сейчас выясняем, – вздохнул Трикки Лай. – Скорее всего, зайца привез какой-нибудь ловкий контрабандист по заказу самого покойного. В его доме живет довольно много экзотических животных, и слуги специально обучены уходу за ними.

– Сэр Аринама Кота, – кивнул Кофа. – В прошлом Старший Магистр Ордена Могильной Собаки, а ныне коллекционер живых редкостей... То есть был коллекционер. Нелепая смерть от нелепого хобби. Вот бедняга. А какой был когда-то блестящий, парадоксальный ум! И колдун совсем неплохой, особенно с учетом того, в какой бестолковый Орден его угораздило поступить...

– И какой непутевый Великий Магистр этому Ордену достался, – язвительно вставил я.

С Великим Магистром Ордена Могильной Собаки Махлиглом Аннохом у меня свои счеты. Он тоже, можно сказать, меня укусил^[12]. С тех пор я сам ядовитый, не хуже арварохского зайца. Просто, в отличие от зайца, умею держать себя в руках. Иногда.

– Магистр как магистр. Знал я и менее путевых, – усмехнулся Кофа.

– Вот это, кстати, удивительное обстоятельство, о котором я не успел вам рассказать, – встрепнулся Трикки. – Все покойные в свое время состояли в разных магических Орденах. То есть люди, надо полагать, опытные и умелые. Я, сами знаете, живу в Ехо всего несколько лет и магии учусь столько же. Но даже я в половине описанных случаев сумел бы себя защитить. Смягчить удар при падении, замедлить разрушение стены – ну слушайте, вообще не проблема! Насчет ядов, болезней и арварохского зайца не так уверен, но только потому, что в этой сфере у меня совсем нет опыта.

– Совершенно верно, – согласился сэр Кофа. – Обстоятельство не

просто удивительное, а обескураживающее. Ты не упомянул об их прошлом, но я-то этих людей знаю – кого-то лично, остальных понаслышке. Беспомощными их никак не назовешь. Хотя, конечно, все можно списать на возраст и долгий перерыв в практике. Все они по разным причинам избежали изгнания, но находились под строгим надзором и знали об этом, а потому вели себя крайне осмотрительно. Что неплохо для законопослушного гражданина, но, будем честны, почти самоубийственно для колдуна.

– То есть лучше бы им было отправиться в ссылку? – спросил я.

– Вот именно. Жизнь показала, что регулярные, пусть даже безуспешные попытки колдовать вдали от Сердца Мира – отличная тренировка. Почти все изгнанники возвращаются в Ехо в прекрасной форме; многие, ты помнишь, доставляли нам проблемы, но по-человечески за них можно только порадоваться. Нет ничего хуже для мало-мальски способного колдуна, чем добровольный отказ от практики. А до недавних пор у оставшихся в столице не было особого выбора: не хочешь в тюрьму или ссылку – сиди смирно. Сам знаешь, до принятия новейших поправок к Кодексу бескорыстное колдовство для поддержания формы считалось точно таким же преступлением, как причинение реального вреда. И мы были вынуждены принимать меры.

– Я бы на их месте сам уехал, без всякого приговора, – сказал я. – Не обязательно на край Мира, а... – да хоть в тот же Уриуланд. Малдо рассказывал, колдовать там гораздо труднее, чем в Ехо, но кое-что вполне получается. А он был совсем неопытным новичком. Умелым колдунам, наверное, еще проще. И самые строгие запреты старого Кодекса касались только территории Угуланда. Да и нас там в любом случае нет. В смысле столичного Тайного Сыска. Чем не жизнь.

– Джуффин в начале Эпохи Кодекса то же самое всем советовал. Но мало кто его послушал. Для уроженца столицы, да еще и бывшего Орденского колдуна отъезд в провинцию – настоящая драма. Изгнание считали куда худшим злом, чем заключение в Холоми, а уж добровольно уехать решались единицы. На самом деле я могу это понять. Таков наш столичный снобизм: или ты живешь в столице Соединенного Королевства, или вообще непонятно, зачем родился на свет.

– Но магия же важнее! – упрямо сказал я.

– Это ты так думаешь. И правильно делаешь. Но для большинства колдунов старой школы важнее всего была не сама магия, а возможность покрасоваться на ее фоне. А то с чего бы у нас начались Смутные Времена. Не от скуки же, в самом деле.

– «От скуки» – это единственная причина, которую я худо-бедно смог бы понять.

Трикки, некоторое время слушавший нас с постепенно угасающим интересом, решил вернуть разговор к первоначальной теме.

– В общем, не нравятся мне все эти происшествия, – сказал он. – Но расследовать их своими силами не возьмусь. Для этого я недостаточно компетентен. Даже обосновать необходимость дополнительного расследования толком не сумею. Формально-то придраться не к чему, разве только контрабандистов за нелегальный провоз ядовитого зайца наказать – при условии, что мои ребята их вообще хоть когда-нибудь найдут; это, сами знаете, скорее вопрос везения, чем усердия... И вас официально просить о помощи не могу, нет у меня достаточно веских аргументов. Поэтому считайте, я просто частным порядком обратился в Тайный Сыск с жалобой на тревожные мысли и тягостные предчувствия. К вам, говорят, и с таким иногда приходят.

– Случается, – подтвердил сэр Кофа. – Можешь спать спокойно: теперь твои тревожные мысли будут допекать меня. И хотел бы выбросить их из головы, да не выйдет.

– Значит, на мою долю остались тягостные предчувствия, – вздохнул я. – Ладно, мне не привыкать. Подумаешь, парой-тройкой тягостных предчувствий больше. Переживу.

– Извините, – развел руками Трикки. – Но не мог же я промолчать.

– Еще как мог, – сказал ему Кофа. – Но не имел права. В твоей должностной инструкции черным по белому написано: руководство Городской Полиции обязано информировать Тайный Сыск обо всех подозрительных происшествиях, выходящих за пределы понимания. Я точно помню, сам ее когда-то для твоего начальника писал. Ему не помогло, зато тебе теперь пригодится.

– Слушайте, – сказал я Кофе, когда мы покинули кабинет Трикки и отправились на свою территорию. В смысле в трактир «Обжора Бунба», который все Тайные сыщики считают чем-то вроде дополнительного зала Общей Работы и используют соответственно. – Вы же совсем недавно рассказывали мне про Лотерею Смерти. А как это выглядело на практике? Я имею в виду, как умирали приговоренные ведьмами люди? Каким-то особенным образом? Ну там, например, голова взрывалась или в сердце невесть откуда появлялся остро заточенный кол?..

Кофа отрицательно помотал головой.

– Ничего такого не было. Я понял, к чему ты ведешь. Да, это обычно

походило на несчастные случаи. Или на внезапную болезнь. Если бы имя жертвы не объявляли заранее, никому бы и в голову не пришло заподозрить намеренное убийство.

– Ничего себе совпадение, – присвистнул я. – Интересно, Базилио уже успела выучить все, что нужно для вступительных экзаменов? Потому что ее учительница...

– Не говори ерунду, сэр Макс, – отмахнулся Кофа. – Леди Тайяра никогда никого не убивала, а только высчитывала формулы, позволяющие выбрать правильный ритм чтения смертельного заклинания. У тебя, конечно, светлая голова, но ее часто подводит оптимистическая готовность работать с тем малым количеством информации, которым ты в данный момент располагаешь. Рассказал я тебе недавно про леди Тайяру Ката и Лотерею Смерти – все ясно, значит, это она.

– Я не говорю, что все ясно. Но если сходство с Лотереей Смерти есть, значит, имеет смысл разузнать, чем сейчас занимается леди Тайяра в свободное от уроков время. И с кем водит дружбу. Может, старые подружки объявились? Или, напротив, какой-нибудь юный гений. Почему нет?

– Потому что... – начал было Кофа, но умолк и неохотно согласился: – На самом деле разузнать действительно не помешает. Но это я сделаю сам. А ты, пожалуйста...

– Что нужно сделать? – встрепнулся я, заранее приготовившись совершить столько немыслимых подвигов, сколько понадобится. Потому не так уж часто сэр Кофа Йох просит меня о помощи. Практически никогда.

– В идеале ничего, – усмехнулся Кофа. – В смысле не трогай пока леди Тайяру. Одно из двух: или она ни в чем не повинна и нет смысла ее беспокоить, или она действительно ввязалась в скверную историю, и тогда важно не вспугнуть ее раньше времени.

– Это справедливо, – вздохнул я. – Но знали бы вы, как я теперь жалею, что до сих пор не выбрал времени пригласить ее на ужин и разобраться, что она за человек.

– Ну и разбирайся на здоровье, кто тебе не дает, – пожал плечами Кофа.

– Так вы же сами сказали, чтобы я ее не трогал.

– Я имел в виду, что тебе не следует со скандалом увольнять леди Тайяру и тут же волочь ее на допрос. А ужин – совсем другое дело. В некотором смысле, это просто долг вежливости: все родители и опекуны учеников время от времени приглашают учителей в какой-нибудь приличный трактир, чтобы поговорить об успехах, проблемах и, конечно, о погоде. В первую очередь о погоде. Если ты не готов обсуждать погоду,

ужин лучше вообще не затевать.

– Ну что вы. Такая благодатная тема.

– Только имей в виду, у нас, в Ехо, принято быть недовольным погодой, какой бы хорошей она на самом деле ни была. Хвалят погоду исключительно недавно перебравшиеся в столицу провинциалы. Это дурной тон.

– Но я и есть недавно перебравшийся в столицу провинциал. Полудикий варвар из Пустых Земель, отставной царек кочевого племени, неужели вы забыли эту прекрасную легенду? Теперь она мне только на руку: лето в этом году совершенно идеальное. Солнечных и пасмурных дней почти поровну, дожди исправно идут по утрам, когда я сплю, а закаты дают такие, словно на небесах принимают экзамены у выпускников Тарунских художественных мастерских. Мне просто не к чему придраться.

– Все-таки отсутствие хорошего воспитания не скроешь, как ни старайся, – усмехнулся сэр Кофа. – Если однажды меня по какому-нибудь роковому недоразумению пригласят в приличное общество, я тебя с собой не возьму. Опозоришь, я и моргнуть не успею.

– Еще как опозорю, – подтвердил я. – Будьте уверены. К Нумбанскому пророку можно не ходить.

* * *

Поскольку приглашения в приличное общество от Кофы хрен дождешься, позор мне пришлось организовывать собственными силами. Отменять заранее назначенные встречи, забирать назад данные обещания, многословно извиняться перед пострадавшими, сулить им взамен бесконечное счастье человеческого общения со мной в любое удобное им время, а еще договариваться с хозяином недавно открывшегося на Удивительной улице и сразу вошедшего в моду трактира «Радость Хлеви Макката^[13]» об отдельном столе на двоих. Вообще-то места там сейчас заказывают заранее, причем не накануне визита, а чуть ли не за полдюжины дней, но мне, конечно, проще, чем большинству желающих. Все-таки двадцать какое-то место в списке самых опасных людей в столице Соединенного Королевства, не менкал чихнул.

Иногда моя сомнительная слава приносит практическую пользу. Вот и сейчас хозяин «Радости Хлеви Макката» твердо пообещал, что сможет принять меня и мою гостью за три часа до полуночи. На такую удачу я не особо надеялся: в это время почти во всех столичных трактирах аншлаг, а

уж что творится в модных заведениях, страшно вообразить.

Леди Тайяру приглашение на ужин не насторожило и даже не удивило. Но и не особо обрадовало. Надо – значит надо, – было написано на ее лице. И название новомодного трактира не произвело на учительницу никакого впечатления. Только и сказала: «Всегда почему-то была уверена, что в честь Хлеви Макката назван остров, а оказалось, всего лишь трактир», – рассеянно выслушала мои объяснения насчет скорби и радости, равнодушно кивнула: «Вот оно как. Ну, хорошо. Я рада за Хлеви».

Бесстрастное выражение снисходительно покорившегося обстоятельствам стойка не покидало ее лица, пока мы ехали через Старый Город. Вообще-то я привык, что люди, впервые оказавшиеся в моем амобилере в качестве пассажиров, довольно бурно реагируют на мою манеру езды. Одни восхищаются слишком большой по здешним меркам скоростью, другие откровенно пугаются, третьи делают вид, что им все нипочем, но их выдают плотно сжатые губы и побелевшие костяшки намертво вцепившихся в сидение пальцев. И мне это, конечно, нравится.

Я вообще люблю выпендриваться, тут ничего не поделаешь. Всякий человек выдает себя с большим набором разнообразных, зачастую противоречивых свойств, и нельзя взять только наиболее привлекательную часть, отказавшись от всего остального. Поэтому я, что со мной ни делай, до конца своих дней буду стараться пустить как можно больше сверкающей пыли в широко распахнутые глаза окружающих, хотя бы они того или нет.

Однако леди Тайяра Ката оказалась совершенно невосприимчива к моей пыли, так уж мне с ней не повезло.

Не повезло, впрочем, не только мне, но и Удивительной улице, застроенной шедеврами наших Новых Древних архитекторов. На этот уникальный архитектурный ансамбль, в одночасье сделавший пустынный заброшенный географический центр Ехо самым модным районом города, ежедневно съезжаются поглазеть не только столичные жители и любопытствующие провинциалы, но и ценители искусств из других стран. Некоторые по несколько дюжин дней на корабле болтаться готовы ради феерического зрелища, а леди Тайяра бровью не повела. Даже на дом нашего сэра Мелифаро, представляющий собой что-то вроде гигантской пространственной головоломки, собранной из разноцветных кубиков неправильной формы, посмотрела без особого интереса.

– А куда мы приехали? – флегматично осведомилась она после того, как я припарковал амобилер неподалеку от «Радости». – Мне кажется, я никогда прежде тут не была.

– Это центр Ехо, – объяснил я. – Пространство между Старым и Новым городом.

– Правда? Надо же, а мне показалось, мы совсем недолго ехали. И довольно медленно, да?.. Извините, иногда я бываю несколько рассеяна, – поспешно добавила леди Тайяра, увидев, как я переменялся в лице от столь возмутительной клеветы. – Это не должно вас обижать. А как называется улица?

– Удивительная улица. Не далее как минувшей осенью ее выкупили и целиком застроили Новые Древние Архитекторы. Вы наверняка читали об этом в газетах.

– В газетах? – нахмурилась она. – А-а, погодите, вспомнила! Вы имеете в виду большие аккуратно сложенные листы очень тонкой дешевой бумаги, на которых пишут... в общем, что-то пишут. И рисуют. И потом продают на центральных улицах, да?

– Совершенно верно, – кивнул я, изо всех сил стараясь сохранять хоть какое-то подобие невозмутимости. Потому что встретить жительницу столицы Соединенного Королевства, которая ни разу в жизни не держала в руках газету, чудо покруче внезапного низвержения в Хумгат, остановки Мира, прогулки по Мосту Времени, пробуждения Духа Холоми, прибытия корабля, битком набитого белокуроыми арварохскими воинами в гремящих доспехах, насморка у сэра Джуффина Халли и вообще всего, что я успел повидать на своем веку.

– Мне давно следовало ознакомиться с этим любопытным новомодным явлением, – сказала леди Тайяра. – Но до сих пор как-то руки не дошли.

После столь обезоруживающего признания я начал прикидывать, не придется ли мне объяснять этой чудесной женщине, что еду следует класть в рот, предварительно разделив на небольшие части. Но нет, обошлось. Столовыми приборами она орудовала со столь непринужденным изяществом, что я немедленно почувствовал себя тем самым варваром из Пустых Земель, за которого меня столько лет успешно выдавали. Что на самом деле удивительно, я даже для варвара чересчур неуклюж, – думал я, зачарованно уставившись на руки леди Тайяры, творившие с ножами и вилками настоящие чудеса, пока их хозяйка думала о чем-то своем, все с тем же отрешенным выражением лица, которое демонстрировала мне весь вечер.

– У меня есть предложение, – внезапно сказала она. – Давайте будем считать, что мы уже поговорили о погоде, возможном скачке цен на

ташерские пряности в связи с неурожаем букиви, новом репертуаре Екки Балбалао и о чем там еще положено говорить. Все равно в этих вопросах я совершенно не разбираюсь и ничего интересного вам не скажу. Лучше сразу перейти к делу.

– Я и сам не особо разбираюсь в этих вопросах, – кивнул я. – Кроме погоды, но мне как раз недавно объяснили, что хвалить ее – дурной тон, а ругать погоду я пока не выучился. Зато про букиви я даже не знал, что оно растение. Хотя однажды случайно принял участие в ограблении ташерского корабля, который это самое букиви перевозил^[14]. Но этот приятный эпизод не помог мне постичь растительную природу драгоценного груза. Я почему-то был совершенно уверен, что букиви добывают из горной породы, как какой-нибудь минерал. Что же касается Екки Балбалао, о нем мне известно только, что в конце зимы его чуть не похитили поклонницы из Леопоньи. Но, хвала Магистрам, обошлось.

– Вы это серьезно? – изумленно спросила леди Тайяра. – Про Екки Балбалао? И про ограбление корабля?

– Совершенно серьезно, – кивнул я. – Хотя, положив руку на сердце, ташерцев я лично не грабил, а терпеливо ждал, когда эта скукотища закончится, и можно будет плыть дальше. Но важно сейчас не это, а то, что мы с вами уже благополучно обсудили все обязательные темы. И теперь можем с чистой совестью приступить к более интересным вещам.

Леди Тайяра посмотрела на меня, словно впервые увидела. И вдруг расхохоталась, да так громко, что взоры всех собравшихся приобщиться радостей скорбного Хлеви Макката гурманов невольно обратились к нам. Но на это ей явно было плевать.

– Слушайте, – отсмеявшись, сказала она, – да вы, оказывается, отличный собеседник! Напомните, пожалуйста, кто вы? В смысле как вас зовут?

А я-то считал себя такой одиозной фигурой. Раз увидишь, всю жизнь будешь вспоминать. И внукам рассказывать, с каким великим человеком однажды свела судьба.

Так мне и надо.

– Макс, – сказал я. И повторил: – Сэр Макс, к вашим услугам.

Ее это совершенно не впечатлило. Можно подумать, в столице Соединенного Королевства каждого второго так зовут.

– Не возражаете, если я не стану добавлять, что вижу вас как наяву? – спросил я. – Просто мы с вами уже однажды знакомились. И не то чтобы очень давно. Если не верите, у меня есть свидетельница.

– Не сердчайте, – улыбнулась леди Тайяра. – Я помню, что мы были

представлены, просто у меня скверная память на имена. Заранее предупреждаю: я потом наверняка снова забуду, как вас зовут. И еще не раз переспрошу.

Я внезапно исполнился великодушия. Видимо, от растерянности.

– Ничего страшного. На самом деле у меня самого с именами тоже не очень складывается. Знакомых еще худо-бедно запоминаю, зато с авторами книг и заклиний просто беда. Иногда хочется щегольнуть красивой формулировкой, а вместо этого блеешь беспомощно: «Заклинание бахана... бахага...»

– Заклинание Бахамгаму^[15]? Вы его имели в виду? – внезапно нахмурилась моя собеседница. – По-моему, редкостная пакость. Не люблю лезть с непрошенными советами, но, поверьте моему опыту, не стоит его применять.

– Не буду, – пообещал я. – Мне его и разучивать-то лень. Ужасно громоздкое. И, в сущности, глупое. Люди обычно и так боятся смерти, зачем их дополнительно ею пугать?

Леди Тайяра удовлетворенно кивнула, словно мы только что достигли согласия по самому важному жизненному вопросу. Предложила:

– Давайте поговорим о Базилио. Вы же за этим меня пригласили? Она очень умная и способная девочка. У нее удивительно светлая голова. Пожалуй, даже получше, чем была у меня самой в ее возрасте.

Это, конечно, бесспорно. Хотя бы потому, что Базилио еще нет и года. Есть только один способ стать выдающимся мыслителем в столь нежном возрасте: не рождаться человеческим младенцем, а внезапно возникнуть из небытия более-менее сложившейся личностью. Но этого я говорить не стал. И не потому, что не хотел шокировать учительницу, это я бы как раз с удовольствием. Просто не хотел обесценивать достоинства Базилио. Она даже для шестидесятилетней^[16] девицы, какой выглядит, редкостная умница.

– Буду с вами откровенна, – продолжила леди Тайяра. – В моих интересах продолжать заниматься с Базилио. Меня более чем устраивает оплата и радует общение с ученицей; последнее в моей практике случается не так часто, как хотелось бы. Но если вы стеснены в средствах, имейте в виду, продолжать оплачивать мои услуги не обязательно. Подготовить девочку к поступлению в Королевский Университет сможет любой обычный педагог, знающий программу. А это примерно в четыре раза дешевле. Было бы нечестно утаивать от вас эту информацию.

Вообще-то об огромном жаловании Тайных Сыщиков в столице ходят

легенды. И это тот редкий случай, когда они почти не врут. Но в словах леди Тайяры не было и тени сарказма, только самоотверженная готовность пожертвовать своими насущными интересами ради сохранности моего предположительно тощего кошелька.

– Большое спасибо, – вежливо поблагодарил я. – Все в порядке, я не очень стеснен в средствах. Мне кажется, Базилио нравится с вами заниматься, поэтому я бы предпочел оставить все как есть.

– Очень хорошо, – кивнула она. – Мне было бы жаль потерять такую блестящую ученицу. Поначалу я даже растерялась, когда обнаружила, что с ней мне не нужно высчитывать и неукоснительно соблюдать индивидуальный ритм объяснений, достаточно просто связно излагать какие-то базовые вещи, остальное она схватывает сама.

– Индивидуальный ритм объяснений? – переспросил я. – Что за ритм такой?

Я еще договорить не успел, как вдруг понял, о чем речь. Со мной так часто бывает: обрывки краем уха услышанной информации вдруг складываются в ясную картину. Довольно полезная особенность мышления; жаль только, что случаются такие озарения не по заказу, а когда сами пожелают. Сиди потом как дурак и гадай, как много важных вещей до тебя так и не дошло.

– То есть обычно вы высчитываете индивидуальный ритм объяснений для каждого ученика? – спросил я. – Как раньше высчитывали особый ритм чтения заклинаний для Лотереи Смерти? Только сейчас у вас цель не убить, а научить?

Выпалил все это и тут же проклял себя всеми мыслимыми проклятиями. Ну то есть не всего себя целиком, а только свой бестолковый длинный язык, не желающий оставаться за зубами, сколько его об этом ни умоляй. Ведь давал же себе честное слово не упоминать в разговоре об этой грешной лотерее, даже не намекать. И даже наивно верил, что у меня получится. Все как всегда.

Но леди Тайяра и бровью не повела. Упоминание о Лотерее Смерти совершенно ее не смутило.

– Верно, – подтвердила она. – Забавно, кстати, что подбирать эффективные обучающие ритмы оказалось гораздо трудней, чем убийственные.

– Вероятно, – мрачно сказал я, – из этого вашего наблюдения следует печальный вывод: большинству людей проще внутренне согласиться с необходимостью умереть, чем с новыми знаниями.

– Надо же, вы ловите на лету! – обрадовалась леди Тайяра. – Обычно

родители учеников не понимают, в чем суть моего метода, сколько ни объясняй. Смотрят подозрительно, явно гадают, не шарлатанка ли я. И даже блестящие результаты их далеко не всегда успокаивают. Не то чтобы меня это всерьез печалило, но встретить понимающего собеседника – приятный сюрприз. Так вы, получается, знаете, кто я?

– Только в самых общих чертах, – осторожно сказал я. – Орден Посоха в Песке, Орден Решеток и Зеркал, трактат «Дробные степени силы»...

– Вот очень жаль, что вы знаете меня именно с этой стороны! – воскликнула леди Тайяра.

Лицо ее обрело столь страдальческое выражение, что я принялся заново проклинать свой болтливый язык. Зачем было упоминать эти дурацкие Ордена?..

– «Дробные степени силы» – мой несмываемый позор, – призналась леди Тайяра. – В основе этой работы лежит чудовищная, до смешного нелепая ошибка, причем даже не математическая, просто логическая. Настолько очевидная, что я теперь не понимаю, как могла ее совершить. И куда смотрел ученый совет Королевского Университета, принимая решение о публикации трактата? Впрочем, глупо перекладывать ответственность на других людей, которые если чем и провинились, то всего лишь недостаточно критичным отношением к так называемым авторитетам.

Я не стал признаваться, что не читал этот грешный трактат, а если бы и читал, то в лучшем случае порадовался бы наличию в нем знакомых букв и знаков препинания. Когда правда подозрительно похожа на неумелое утешение, лучше оставить ее при себе.

– В то время я считала главным делом своей жизни магию, а не науку, поэтому легко пережила провал, – сказала леди Тайяра. – Даже не предприняла никаких усилий, чтобы уничтожить все экземпляры трактата, хотя теоретически могла бы это организовать. Влиятельных друзей, готовых помочь в любом затруднении, у меня тогда хватало. Но я не стала суетиться. Думала, все равно этот нелепый трактат скоро забудут. Однако прошло почти триста лет, а я до сих пор постоянно встречаю людей, которые помнят меня именно как автора «Дробных степени силы». Причем большинство наивно считают мою работу остроумной, парадоксальной и даже «блестящей». Ох, как стыдно! Я чувствую себя настоящей шарлатанкой на фоне молодых ученых коллег.

– Так вы поэтому не вернулись в Королевский Университет? – спросил я.

Но леди Тайяра неожиданно улыбнулась и отрицательно помотала головой.

– Конечно, нет! Если бы мне вдруг понадобилась университетская кафедра, я бы ее, будьте покойны, получила. Но мой метод обучения пока годится только для индивидуальных уроков. А для меня сейчас нет ничего важнее. Вы только вдумайтесь: оказывается, тупых, неспособных к обучению людей не бывает. Если человек плохо усваивает знания, это означает, что его внутренний ритм требует иного изложения материала. Причем речь даже не о способах раскрытия темы и не о количестве отведенных для учебы часов, а всего лишь о темпе и ритме речи преподавателя. И, кстати, о правильно выбранном времени занятий. У меня есть один ученик, с которым зимой приходилось заниматься после полуночи, а летом, наоборот, рано утром и только в ветреные дни. Его выгнали за неуспеваемость из полутора дюжин школ, даже считать на пальцах толком не научив, а оказалось, у мальчика отличная голова – когда рядом находится человек, способный ее включить.

– Ничего себе! – восхитился я. – То есть кого угодно можно научить чему угодно? Но только при условии, что учительницей будете вы? С другими преподавателями у ваших подопечных, как я понимаю, нет шансов?

Леди Тайяра укоризненно покачала головой.

– Ну что вы. Тогда в моем репетиторстве не было бы смысла. Подготовить человека к вступительным экзаменам в Университет, чтобы он вылетел оттуда после первого же семестра? И толку? Брать за это деньги – все равно что их красть. Нет, в том и состоит ценность моего метода, что в процессе обучения я постепенно расширяю возможности ученика, перестраивая его внутренний ритм до более-менее универсального. И после определенного числа уроков – кому-то достаточно дюжины, с другими приходится заниматься годами – мои ученики обретают способность эффективно усваивать знания в обычном режиме. Это, как вы понимаете, не только школьной и университетской программы касается. Вся наша жизнь бесконечный процесс обучения. И, будем честны, для каждого из нас существуют области, в которых учеба дается очень нелегко.

– Да не то слово! – с чувством подтвердил я.

– Так вот, – торжествующе заключила леди Тайяра, – хорошая новость заключается в том, что это преодолимо. Даже меня можно научить... ну, скажем, управлять амобилером и варить суп. Теоретически. На практике пока никому.

– Слушайте, так получается, вы изобрели лекарство от тупости? Даже не знаю, что может быть полезней для человечества. Как его часть, я заранее ликую. Скоро вокруг не останется ни одного безнадёжного дурака.

Только бы дожить до этого прекрасного дня!

– Надеюсь, что так и есть, – серьезно сказала леди Тайяра. – Если все получится, как я задумала, через несколько сотен лет в Мире станет гораздо больше приятных собеседников. А что еще нужно, чтобы спокойно встретить старость? Но пока об этом рано говорить. Я создала свой метод совсем недавно, и двадцати лет не прошло. Теперь мне нужна практика. Еще хотя бы дюжина лет разнообразной практики, после этого можно будет обнародовать мою методику для подготовки других учителей. Но знаете, положив руку на сердце, я уже сейчас не сомневаюсь в успехе. У меня определенно получается, метод работает, расчеты неизменно оказываются верны. И это не спишешь на простую удачу. И на мой талант педагога тоже не спишешь, потому что на самом деле я более чем посредственный педагог – я имею в виду, если учить по старинке, не прибегая к моему методу. Это я знаю точно, потому что и раньше, путешествуя по Миру, иногда зарабатывала уроками. Вернее, пыталась ими зарабатывать, ничего путного из этого не выходило. Мне не хватало терпения и умения объясняться простыми словами. Только с очень умными и талантливыми детьми вроде вашей Базилио как-то могла поладить. Но они бы и без меня легко обошлись.

– Так получается, занятия с Базилио для вас бесполезны? – спросил я. – В смысле для развития вашего метода. Если она и без специального ритма все понимает...

– Зато занятия с ней приносят мне радость, – улыбнулась леди Тайяра. – Это тоже ценно. Я люблю умных людей, а она на редкость умна. И, мне кажется, довольно одинока, как все слишком умные дети. Иногда я практически узнаю в ней себя. Те же парадоксальные идеи, внезапные озарения, железобетонная логика и странные шутки с совершенно серьезным лицом, явно рассчитанные на то, чтобы не насмешить, а шокировать собеседника.

– Странные шутки? – удивился я. – Это какие же?

Я не стал говорить, что от Базилио и обычных-то шуток не дождешься. Я уже давно понял, что людей, которых считаешь близкими, обычно знаешь гораздо хуже, чем всех остальных. А Базилио даже не близкий человек, а близкая овеществленная иллюзия, существо зыбкое, переменчивое и загадочное. Магистры ее знают, как она ведет себя с другими людьми.

– Вообще-то, я не считаю правильным обсуждать поведение своих учеников с их родственниками, – нахмурилась леди Тайяра. – Но ничего не поделаешь, уже проговорила. С другой стороны, возможно, вам полезно

будет узнать о проблемах Базилио. Только, пожалуйста, не пересказывайте ей мои слова.

– Ни в коем случае. Даже не намекну.

– Базилио зачем-то постоянно называет себя чудовищем, – понизив голос, сообщила леди Тайяра. – Для такой красивой девочки довольно странная идея, согласитесь. Насколько я знаю подростков, обычно подобные абсурдные шутки свидетельствуют о недостатке внимания и невозможности найти понимание у близких.

– Насчет подростков вам виднее, – согласился я. – Но в случае Базилио это свидетельствует только о том, что она с вами достаточно откровенна.

– Что вы имеете в виду?

– Что Базилио и есть самое настоящее чудовище. Результат неосторожного колдовства. Строго говоря, просто овеществленная иллюзия, по счастливому стечению обстоятельств оказавшаяся долговечной. Мне в свое время даже специальную лицензию на ее содержание в доме пришлось получать. Видели бы вы, как она в ту пору выглядела! Рыбье туловище на человеческих ногах, голова индюка, еще и лисий хвост в придачу. Я довольно легко с ней поладил, но только потому, что большую часть жизни страдал от ночных кошмаров и с тех пор легко прощаю ближним любые недостатки внешности, при условии, что они не пытаются меня съесть. Однако потом нам удалось придать чудовищу человеческий облик, и ее жизнь более-менее наладилась. Базилио с самого начала очень хотела стать человеком. В смысле выглядеть, как человек. И она совершенно права, в таком виде жить среди нас действительно гораздо удобней.

– Но это нево... – начала было леди Тайяра.

– Ну вы же ученый, – сказал я. – И к тому же колдунья. А значит должны понимать, что «невозможным» называют все, выходящее за рамки коллективного опыта. При том что значение для каждого из нас имеет только индивидуальный. И уж его-то границы расширяются практически ежедневно, по крайней мере, если правильно организовать свою жизнь.

– Наверное, вы правы, – растерянно согласилась она. – Но все-таки чудовище с головой индюка – это как-то чересчур. Хотя, похоже, вы меня не обманываете. Обычно я чувствую, когда мне лгут.

Ничего удивительного, вранье даже я обычно чувствую. Не потому что как-то специально этому учился, просто обостренная чувствительность, похоже, почти неизбежный этап развития всякого мага. В какой-то момент это с тобой случается, и делай, что хочешь. Довольно противное на самом деле ощущение, похожее на тяжесть во лбу. Плюс утрата некоторых

приятных иллюзий; впрочем, к этому мне как раз не привыкать.

– Было бы о чем врать, – сказал я. – История-то вполне общеизвестная. Правда, газеты, которых вы все равно не читаете, о ней не писали, спасибо моим друзьям, вовремя успевшим наложить на эту тему полный запрет. Но огласку история о чудовище, живущем в Мохнatom Доме, все равно получила. В этом городе всегда умели узнавать новости без помощи журналистов. А сплетничать никому не запретишь.

– Расскажите мне, как это получилось, – попросила леди Тайяра. – Лучше узнать из первых рук, чем собирать сплетни. А я теперь не успокоюсь, пока все не выясню. Вышло так, что я почти ничего не знаю об овеществлении иллюзий. Никогда не занималась подобными практиками, только краем уха слышала, что они есть. И теперь умираю от любопытства, научного и... в общем, не только научного. Обычного человеческого, каюсь. Но сделать с собой ничего не могу.

Ничего лучше она и выдумать не могла. Всякий, кто просит меня рассказать какую-нибудь историю, а потом слушает, открыв рот, навсегда получает ключ от моего сердца. Я люблю рассказывать. И, мне кажется, умею это делать. Чего я не умею, так это вовремя останавливаться, поэтому вместо одной истории слушатель обычно получает полторы дюжины. И что я действительно ценю в своих жертвах, так это неослабевающий интерес.

В этом смысле леди Тайяра оказалась настоящим совершенством. Интерес, с которым она слушала мою болтовню, походил на настоящую страсть. Впрочем, он и был хорошо знакомой мне разновидностью страсти – к познанию, которое безгранично, а человек, будь он хоть четырежды могущественный колдун, способный продлить свою жизнь на тысячелетия, на его фоне обескураживающе мал. Но все равно стремится вместить в себя бесконечное разнообразие Мира – упихнуть, утрамбовать и тут же потребовать добавки. И эта ненасытность кажется мне самым прекрасным, что в нас, людях, есть.

«Радость Хлеви Макката» мы с леди Тайярой покинули не просто последними, а уже после того, как отчаявшиеся дожидаться нашего ухода слуги вымыли все столы и подмели пол; впрочем, их возня не побудила нас подняться и уйти. Не то чтобы я с неуважением относился к их праву закончить работу хотя бы через два часа после полуночи, если уж раньше не вышло. Просто когда я увлеченно вещаю, ничего вокруг себя не вижу. А о существовании времени вообще забываю напрочь. Какое может быть время? Кто такую нелепую ерунду придумал? Зачем нам оно?

Что касается леди Тайяры, она забыла не только о времени, но даже о

еде и вине. Отчасти это спасло ситуацию: когда трактирщик понял, что мы вполне способны просидеть до утра, он вежливо предложил закупорить нашу бутылку, чтобы мы могли забрать ее с собой. Его вмешательство в разговор вернуло меня на землю – ровно настолько, чтобы осведомиться, который час. Ответ привел меня в чувство окончательно и бесповоротно. Надо же, был уверен, мы хорошо если часа полтора тут просидели. А оказалось, пять.

Поэтому про Красную Пустыню Хмиро, легендарный призрачный город Черхавлу, Источник Боли и полет над Великим Средиземным Морем на пузыре Буурахри я вещал уже в амобилере. Даже ехал по такому случаю совсем медленно, чтобы успеть довести историю до более-менее логического конца. Успел, причем был на удивление точен. Сказал: «А Пузырь Буурахри мы передали полиции для патрулирования города, сами небось каждый день их в небе видите», – и остановился возле небольшого двухэтажного дома на улице Злобных Замков. Высокий класс.

– Это же ваш дом? – спросил я.

Некоторое время леди Тайяра оглядывалась по сторонам с таким характерным выражением «откуда мы пришли? кто мы? куда мы идем?» – которое я регулярно вижу в зеркале по утрам, но наконец кивнула:

– Зеленый – значит мой. Он тут такой один.

Однако покидать амобилер она не спешила. Сидела, молчала, собиралась с мыслями. Наконец сказала:

– Я вам очень благодарна. И даже не столько за прекрасно проведенный вечер, сколько за... Не знаю, как сформулировать, но у меня такое ощущение, что вы подарили мне целый Мир.

– Ну что вы, – растерялся я. – Какой там Мир. Всего лишь несколько историй.

– До сих пор я и вообразить не могла, что чужая жизнь может быть настолько интересной, – объяснила леди Тайяра. – Я думала, все самое важное происходит со мной, точнее, в моей голове, остальное – пустяки, незначительная суэта, посторонний шум, не заслуживающий внимания. И вдруг оказалось, что с каждым незнакомцем... ладно, предположим, не с каждым, но с некоторыми людьми могут происходить совершенно невероятные вещи! А некоторые события и поступки могут быть не менее важны, чем идеи. А душевные и чувственные переживания исполнены такого же, если не большего смысла, чем работа мысли. И это... Понимаете, для меня это все меняет. Абсолютно все.

– Пожалуй, понимаю, – сказал я.

И даже не то чтобы соврал.

Я никогда не был великим знатоком человеческих душ. Фраза «сэр Макс прекрасно разбирается в людях» одно время была любимой шуткой моих коллег, и перестала звучать при каждом удобном случае только потому что всем надоела. А актуальности она, боюсь, до сих пор не утратила.

Но сейчас я, пожалуй, действительно понял леди Тайяру – всю, целиком. Разрозненные сведения о ее жизни, почерпнутые из рассказа сэра Кофы, как-то сразу встали на места, сложились в единую, непротиворечивую картину. Ясно теперь, почему она так легко бросила семью и карьеру ради поступления в магический Орден, а потом и этот Орден ради другого, не факт что «лучшего», просто нового, а значит, гораздо более интересного. И с каким невинным энтузиазмом помогала коллегам проводить Лотерею Смерти, радуясь возможности проверить на практике свои идеи про индивидуальный внутренний ритм. Нормальный подход для того, кто ощущает настоящей реальностью напряженную работу собственного ума, а все остальное многообразие жизни – всего лишь невнятной пляской неведомо чьих теней.

Удивительно, конечно, бывают устроены некоторые люди. Но еще удивительней, что я, сам того не желая, всего за несколько часов болтовни сумел привести эту почти незнакомую женщину к полной смене концепции. То ли я и правда настолько хороший рассказчик, то ли леди Тайяра давным-давно сама от себя устала и была готова ухватиться за любой повод начать новую жизнь. Так тоже бывает, а может быть, вообще только так и бывает – если, конечно, не применять специального колдовства.

Я вроде не применял.

– И все равно я уже снова забыла, как вас зовут, – вдруг заключила леди Тайяра и рассмеялась так звонко, что я невольно посочувствовал спящим за распахнутыми по случаю теплой летней ночи окнами жильцам соседних домов. С другой стороны, смех – далеко не худшее, что можно услышать за окном. Если меня приговорят до конца жизни ежедневно просыпаться от шума на улице, пусть это будет именно смех.

– Да Магистры с ним, с именем, – сказал я. – При следующей встрече напомним. А сейчас не имеет смысла, к утру все равно забудете.

– Ваша правда, – согласилась леди Тайяра. – Имя наверняка забуду. Но все остальное – нет. Такое сокровище эти ваши истории! Буду теперь смотреть по сторонам и думать о каждом прохожем: возможно, у этого человека тоже есть сокровенный клад невероятного опыта. Или даже он сам – клад.

– Так и сказала, – подтвердил я. – «Возможно, каждый человек – клад». По-моему, довольно неожиданный вывод. И совершенно несправедливый. Чудищу из залива Ишма меня скармливали, и по Красной Пустыне Хмиро от наваждений тоже я удирал, а не чужой дядя. И мертвых разбойников ловил сам, своими руками. Но высоко ценить она теперь почему-то будет совершенно посторонних людей, причем всех без разбору. Ты не представляешь, как я этому рад.

– Да почему же, вполне представляю. Твои амбиции слишком велики, чтобы их можно было удовлетворить обычным признанием заслуг. Тебе подавай ежедневные изменения Мира – в твоем вкусе, по твоим лекалам и при твоём деятельном участии. Но радикальное изменение одной отдельно взятой чужой картины мира тоже сойдет. Иногда. Разнообразия ради.

Я не стал спорить с этим утверждением. Во-первых, сэр Шурф Лонли-Локли знает меня лучше, чем я сам, и это не комплимент его проницательности, а просто житейский факт. А во-вторых, грех это – спорить с человеком, который явился к тебе среди ночи специально чтобы отдохнуть от примерно статридцатидвухчасового рабочего дня. Все что можно сделать с таким несчастным – вытащить на крышу, достать из Щели между Мирами кружку чая с ромом, который он любит больше, чем все остальные напитки вместе взятые, и рассказать, что у тебя происходит. Да и то при условии, что твои дела идут более чем неплохо. Жаловаться в такой момент на проблемы это, пожалуй, даже хуже, чем спорить по пустякам.

Впрочем, проблем у меня, хвала Магистрам, действительно не было. По крайней мере, не прямо сейчас.

– Вроде бы ты говорил, Малдо дал тебе ключи от своего Дворца Ста Чудес, – вдруг сказал Шурф, отставив в сторону опустевшую кружку.

– Не ключи, но что-то вроде того. На самом деле он просто лично познакомил меня с замком от служебного входа и рассказал заклинание, которым он отпирается. А что?

– Я же еще ни разу там не был. Не находил времени. А кое-что хотелось бы увидеть собственными глазами. Проведешь меня?

– Вообще не вопрос, – улыбнулся я. – И даже могу побыть кем-то вроде экскурсовода. В смысле пересказывать все, что я успел услышать от автора, не затыкаясь ни на секунду и мешая тебе сосредоточиться на впечатлениях. Но ты любишь преодолевать трудности, так что все в порядке.

– Спасибо, – вежливо поблагодарил мой друг. – Именно о преодолении такого рода трудностей я всегда мечтал.

Иногда совершенно невозможно понять, говорит он серьезно или просто издевается. На всякий случай, я всегда выбираю второй вариант. Мне так спокойнее.

– Времени у нас достаточно, – добавил сэр Шурф. – Когда во Дворец начинают пускать посетителей?

– Вроде бы через час после рассвета.

– Ладно. Значит, вот столько.

– Ты окончательно отказался от идеи хотя бы изредка спать? – сочувственно спросил я.

– Напротив. Я, можно сказать, заново осваиваю это искусство. И делаю некоторые успехи. В частности, нынче я твердо намерен проснуться после полудня. Благо дела, требующие моего личного присутствия, раньше не начнутся.

Я подумал, что ослышался. И растерянно переспросил:

– Когда?

– После полудня, – невозмутимо повторил сэр Шурф. – И у меня есть серьезные основания рассчитывать, что мои планы не будут нарушены.

Я смотрел на него, натурально распахнув рот. От вопроса: «Ты все-таки подал в отставку, и ее приняли?» – меня удерживало только теоретическое понимание, что некоторых чудес не бывает даже в Сердце Мира. Хоть с утра до ночи в поте лица колдуй.

– Я уже тебе говорил, теперь у меня очень хороший секретарь, – снисходительно сказал сэр Шурф. – А ты почему-то не верил. Хотя, казалось бы, что в этом необычного? Секретарь это просто профессия. А в Мире есть люди, способные достаточно добросовестно выполнять свою работу. Их не так много, как хотелось бы, но иногда встречаются. По крайней мере, мне наконец повезло.

– Вот прямо настолько хороший секретарь, что ты готов проспять полдня, забив на все? – недоверчиво переспросил я.

– Насколько, что я готов проспять полдня, ни на что, как ты выражаешься, не «забив». Потому что я достаточно опытный человек. И обычно мне удается трезво оценивать возможности своих подчиненных. Я бы даже сказал, трезво их недооценивать. И если я говорю, что мой секретарь может самостоятельно справляться с делами до обеда, это означает, что на самом деле я вполне мог бы бросить его дня на три, а вернувшись, обнаружить, что напрасно торопился. Но это приятное переживание у меня пока впереди.

– Потрясающе, – выдохнул я. – Даже вообразить не могу такое совершенство. Но если ты говоришь, значит, он действительно существует.

– Существует, – подтвердил Шурф. – На самом деле это не так удивительно, как может показаться. За его высокой квалификацией стоит многолетний опыт. Клари Ваджура, бывший Старший Магистр Ордена Семилистника, долгое время был личным секретарем Нуфлина Мони Маха и даже неофициально считался его будущим преемником. Во всяком случае, одно время ходили слухи о соответствующем тайном завещании Нуфлина. Однако, как это часто бывает, любимец внезапно впал в немилость и был вынужден удалиться в изгнание; интересно, впрочем, не это, а то, что он вообще остался жив, с впадшими в немилость Магистр Нуфлин обычно не церемонился. Тем не менее, Клари Ваджура уцелел и, на мое счастье, недавно вернулся в Ехо, чтобы предложить свои услуги осиротевшему, по его мнению, Ордену... Вот, кстати, сразу видно, что ты не застал Смутные Времена! Ты единственный, кто услышав имя моего секретаря, не поинтересовался, не сошел ли я с ума. А леди Сотофа даже не потрудилась сделать интонацию более-менее похожей на вопросительную. Впрочем, своим негласным правом отменять решения Великого Магистра она все-таки не воспользовалась, и на том спасибо.

– То есть у твоего секретаря настолько скверная репутация? – нахмурился я.

– Скажем так, довольно неоднозначная.

– А ты точно не сошел с ума? Извини, я на всякий случай спрашиваю. Ну вдруг ты забежался и не заметил?..

– У меня самого та еще репутация, – пожал плечами сэр Шурф. – И что с того? Люди меняются. В противном случае было бы непонятно, зачем мы все так подолгу остаемся в живых.

Крыть было нечем. Да и не хотел я ничего ничем крыть. Не то настроение.

– В любом случае передай своему неоднозначному секретарю, что он очень вовремя вернулся в Ехо. И осчастливил этим как минимум одного человека – в моем лице. У меня были грандиозные планы на твой счет, но я понимал, что о них следует забыть лет на тридцать с лишним или на какой там срок ты продал свою душу Ордену Семилистника. А теперь получается...

– Получается, – подтвердил мой друг. – Но с твоего позволения, я не стану передавать твои слова Магистру Клари Ваджуре. Он уже успел наслушаться Орденских сплетен и теперь совершенно уверен, будто я одержим демоном. Впрочем, не я один. Руководство Тайного Сыска им

тоже одержимо. И даже отчасти Его Величество Гуриг Восьмой. А теперь, будь любезен, угадай, кто этот демон.

– А. Ну да, у меня тоже довольно неоднозначная репутация, – вздохнул я. – Иногда, заешь, даже обидно, что этим ужасным сэром Максом, героем кошмарных городских легенд, лютым демоном, которым вы все одержимы, мне никогда не бывать. Ух я бы тогда развернулся!

– Ничего, – утешил меня сэр Шурф. – С тем, что есть, тоже вполне можно жить.

Я снова не стал спорить. Какой-то я был удивительно покладистый. Что за день.

* * *

Среди великого множества известных мне дурацких примет – ну, вроде того, что птицы низко летают перед дождем, взявший деньги голыми руками незамедлительно лишается способности влюбляться, упавшая вилка обещает визит незнакомки, а встреченная на улице шумная компания школьников сулит удачу в делах, причем чем громче они орут, тем выше твои шансы – есть одна работающая без сбоев. Если я по каким-то причинам не спал до утра, значит в Доме у Моста обязательно состоится экстренное утреннее совещание. И сообщат мне о нем в тот самый момент, когда моя голова коснется подушки.

Вероятно, сэр Джуффин Халли тоже считает, что руководство Тайного Сыска в его лице одержимо демоном. И нашел верный способ этого демона извести.

Но я пока как-то держусь. И всякий раз мужественно делаю вид, будто ничего страшного не случилось. Так что мы еще посмотрим, кто кого.

Тем более, что в Море, где добрые древние алхимики, предчувствуя мои грядущие страдания, милосердно изобрели бодрящий бальзам Кахара, быть титаном духа не очень трудно. Если не каждый день.

Столичный Тайный Сыск считается самой зловещей организацией в Соединенном Королевстве. И, положив руку на сердце, не то чтобы совсем зря. Однако, если бы на наши утренние совещания допускали сторонних наблюдателей, от этой репутации не осталось бы и камня на камне. Одного сэра Мелифаро в позолоченных тапочках, с закрытыми глазами сидящего на краю стола, хватило бы. А ведь кроме него были еще заспанная леди Кекки Туотли в цветастом куманском костюме, похожем на пижаму,

Нумминорих Кута, прихвативший из дома бутерброд размером с мою голову, и сэр Кофа Йох, по какому-то случаю придавший себе облик пожилой трактирной актрисы, не смывшей с лица вызывающе яркий грим. Все, в общем, хороши.

Несколько сглаживал общее сиротское впечатление только сэр Джуффин Халли, бодрый, умытый, безупречно одетый и явственно довольный происходящим. Не до такой степени чтобы заподозрить приближение скорого конца Мира, но на скромный дворцовый переворот его энтузиазм вполне тянул.

– Все плохо? – деловито спросил я, усаживаясь на подоконник.

– Смотря для кого, – откликнулся сэр Кофа. – Лично я не жалуюсь. А скажем, у сэра Тимбути Марияна дела – хуже не бывает. Не далее как минувшей ночью ему на голову рухнул старинный книжный шкаф.

– И что?..

– И все. Там одни только «Хроники всех династий» в девяносто восьми томах, каждый в полпуда весом, а это малая часть его коллекции. И, по моим сведениям, никаких следов применения магии. Что само по себе довольно странно. Желающих поквитаться с Тимбути в столице предостаточно, и большинство из них, по моим сведениям, умеет колдовать. Однако убила его безобидная страсть к коллекционированию книг, помноженная на небрежность в выборе мебели. Удивительно порой поворачивается судьба.

– Никаких следов применения магии, – повторил я. – А у нас, тем не менее, почему-то внезапное совещание. Или оно по другому поводу, а сэра Тимбути Марияна вы помянули просто так, чтобы поднять мне настроение?

– Такого намерения у меня не было, – признался Кофа. – Но я рад, если твое настроение действительно поднялось. Потому что беднягу Тимбути все равно не воскресишь, а от тебя нам деваться некуда.

– Так, погодите, – сказал я. – Дошло. Это надо рассматривать не как отдельное событие, а как продолжение? Девятый несчастный случай с начала лета?

– Уже десятый. Девятым стал сэр Уриманди Файя, не далее как вчера утонувший в Хуроне, по мнению полицейских экспертов, по пьяному делу...

– Уриманди Файя? – встрепенулся Мелифаро. – Утонул? «По пьяному делу»? Не может этого быть.

Он даже глаза открыл, причем оба сразу, а не по очереди, как у него по утрам заведено. У меня, впрочем, тоже.

– А ты с ним знаком? – удивился Кофа.

– Не лично. Просто учился с его дочкой. Анира могла выпить больше всех на курсе, вообще не пьянея. Объясняла, что научилась этому у отца. Он же состоял в Ордене Дырявой Чаши, как и наш сэр Шурф, то есть извините, уже не наш и вообще Великий Магистр, не до завтрака будь помянут. Так вот, чему их всех в этом грешном Ордене учили на совесть, так это двум вещам: не пьянеть и не тонуть.

– Вот именно, – кивнул Кофа. – И со всеми десятью так. Я имею в виду, с каждым случилось несчастье, которое, по идее, именно с этим человеком произойти не могло.

– Кроме укуса арварохского зайца, – вставил я. – От такого ужаса, пожалуй, не убережешься, будь ты хоть величайший колдун всех времен.

– У меня к вам обоим всего один вопрос, – подозрительно ласковым голосом сказал нам с Кофой сэр Джуффин Халли. – Почему я до сих пор не в курсе? Ради какой драной лисьей задницы было скрывать от меня такие интересные происшествия?

– Про лисью задницу это уже второй вопрос, – невинно заметил я. – Мы так не договаривались.

К счастью, шеф не обратил внимания на мою реплику. Я вообще везучий.

– Вы не в курсе, потому что сами просили не отвлекать вас по пустякам, – объяснил Кофа. – А до вчерашнего дня я вовсе не был уверен, что несчастные случаи, о которых нам с Максом рассказал Трикки, заслуживают сколько-нибудь серьезного расследования. Думал, собирал информацию, никаких особо подозрительных фактов за все время так и не выявил и понемногу утвердился в мысли, что мы имеем дело с обычной чередой трагических совпадений. Даже планировал для очистки совести побеседовать с кем-нибудь из знающих астрологов; насколько мне известно, они утверждают, что иногда наступают такие периоды, когда вероятность несчастных случаев резко возрастает, и я намеревался спросить, что творится со звездами этим летом. По-настоящему я встревожился только узнав о гибели Уриманди Файи, который, по идее, не мог ни напиться, ни утонуть. Пока выяснял подробности, беднягу Тимбути Марияна пришиб этот грешный шкаф. Я понял, что тянуть дальше некуда и попросил вас срочно собрать совещание, чтобы ввести в курс дела всех сразу. Хотя по-прежнему вполне допускаю, что единственным виновником всех этих несчастий может оказаться сама судьба.

– Тем лучше, – усмехнулся Джуффин. – Всю жизнь ждал повода упрятать эту вздорную леди в Холоми.

– Она заслуживает самого сурового наказания, – поддакнул я.

– Скорее уж долгого приятного отдыха от всех нас, – совершенно серьезно возразил шеф. – Это могло бы принести пользу всем сторонам. Я знаю нескольких, скажем так, выдающихся людей с репутацией конченных злодеев, которые, оказавшись в Королевской тюрьме, вынужденно там выпалились, спешить-то стало совершенно некуда. И это обстоятельство удивительным образом смягчило их нрав.

Ответом ему стал общий вздох сотрудников, исполненный неподдельной зависти к государственным преступникам. Невозмутимость сохранил только Кофа: ему для хорошего самочувствия достаточно проспать два-три часа в сутки, да и то, как я понимаю, не каждый день. Удивительно удачное устройство организма.

– Мне пока не хватает фактов, – неожиданно сказала Кекки, до сих пор сидевшая так тихо, что я думал, она использует вынужденное бездействие на совещании, чтобы досмотреть какой-нибудь приятный утренний сон. – Кто, с кем, где, когда, что делали, чем кончилось... Впрочем, с последним пунктом уже все ясно. Но с остальными – нет.

– Справедливое требование, – согласился Кофа. – Вот факты. С начала лета, то есть за неполные две дюжины дней в столице умерло уже десять человек. Каждая смерть в отдельности может быть сочтена трагической случайностью, однако в таком количестве они производят довольно странное впечатление. Трикки Лай – и тот насторожился. Притом, что он, в отличие от меня, не знал, что все покойные в прошлом достаточно умелые и опытные колдуны.

На этом месте Кофа, конечно же, умолк и принялся набивать трубку; уверен, что не со зла, а просто по привычке делать паузу в самом мучительном для слушателей месте. Но к нему обратилось столько негодующих взглядов, что Кофа тут же продолжил.

– Валенсо Торавейс, бывший Старший Магистр Ордена Колючих Ягод, упал с лестницы в собственном доме и сломал шею, мгновенная смерть. Леди Шаторая Тариоти, покинувшая Орден Решеток и Зеркал буквально за полгода до его крушения, тоже упала, тоже в собственном доме и тоже со смертельным исходом: неудачно ударилась головой о какую-то декоративную дрянь; ее старшая сестра Марана, официально не состоявшая в Ордене, но неоднократно принимавшая участие в общих делах и развлечениях старейших Орденских женщин, умерла двумя днями раньше от тяжелой болезни, хотя буквально за час до смерти была бодра и весела. Гламма Йонгутари, бывший Младший Магистр Ордена Потаенной Травы свалился с крыши дома своей возлюбленной – нет, в этом месте не следует понимающе кивать, они прекрасно ладили, к тому же несчастье

произошло, когда леди была в отъезде. Бедняга полез на крышу, чтобы установить там новый флюгер, хотел сделать сюрприз. Лайори Макарайнис, в прошлом принадлежавшая к женщинам Ордена Ледяной Руки, а в Эпоху Кодекса прославившая себя искусством составления ароматов, умерла от отравления; похоже, просто неосторожно слизнула с руки попавшую на нее ядовитую смесь, которая используется парфюмерами старой школы для закрепления и усиления некоторых особо неуловимых запахов. Ее бывший соратник Тарайот Мулина, отставной Старший Магистр Ордена Ледяной Руки, был погребен под стенами рухнувшего Павильона Случайных Свиданий времен Хоттийской Династии. Это на берегу Хурона, неподалеку от Нового Города; по свидетельству близких, покойный в последнее время регулярно гулял в тех местах, присматривался к участкам, которые пока можно очень недорого купить... Так, кто там у нас остался? А, бывший Старший Магистр Ордена Посоха в Песке Тумара Абальонс умер от внезапной остановки сердца, хотя глубоким стариком его не назовешь, и на здоровье он никогда не жаловался. И бедняга Аринама Кота, Старший Магистр Ордена Могильной Собаки, владелец частного зоопарка редчайших животных, павший жертвой укуса арварохского зайца клец. Плюс два случая, о которых я вам уже рассказывал. Утонувший в Хуроне Уриманди Файя и Тимбути Мариян, Старший Магистр Ордена Зеленых Лун, жертва собственного книжного шкафа.

– Я вспомнил, откуда знаю это имя! – вдруг просиял Нумминорих. – Это же Магистр Тимбути Мариян выдал Ордену Семилистника слово-ключ, отменяющее защитные заклинания Тайных ворот резиденции Ордена Зеленых Лун?

– По крайней мере, так говорят, – осторожно согласился сэр Кофа. И, подумав, добавил: – Возможно, не совсем безосновательно. Зная его, трудно поверить в такой поступок, однако Тимбути единственный из Магистров Ордена Зеленых Лун не лишился не только жизни, но и унаследованного от матери имущества. И не был привлечен к суду после окончания войны; это, на мой взгляд, роковая ошибка. Несколько лет в Холоми без конфискации собственности не такая большая плата за прекращение крайне неприятных слухов и уменьшение числа людей, желающих тебе отомстить. На его месте я бы постарался договориться о суде и обвинительном приговоре.

– То же самое можно сказать обо всех остальных, – неожиданно добавил Джуффин. – С теми или иными поправками, однако по сути оно так.

– То есть все эти люди когда-то предали своих соратников? – подскочил Мелифаро.

– Никто никого не предавал. Включая, кстати, магистра Тимбути. Я имел в виду, что все они по тем или иным причинам избежали суда и наказания, с точки зрения поборников формальной справедливости, заслуженного.

– Осталось найти какого-нибудь сурового судью, все эти годы страдавшего, что негодяи ушли от расплаты, – ухмыльнулся я, вспомнив Агату Кристи и ее «Десять негритят»^[17].

Я и сам осознаю, что столь высокое доверие к художественной литературе, созданной, к тому же, для развлечения обитателей совсем иной реальности, выглядит, в лучшем случае, трогательной наивностью; как оно выглядит на самом деле, я даже думать не хочу. Тем не менее, моя привычка обращаться к литературным аналогиям уже не раз приносила отличные результаты. Так что вряд ли имеет смысл от нее отказываться.

Моя гипотеза вызвала оживление в рядах молодежи. Нумминорих и Кекки дружно закивали, а Мелифаро посмотрел на меня с некоторым интересом, как на заговорившую статую, например. Но пожилая красотка, которую зачем-то продолжал изображать сэр Кофа, с сомнением покачала накрашенной головой.

– Вопрос пока даже не в том, кто и зачем мог бы убить этих несчастных. А в том, как это ему удалось. Трикки по своей инициативе проверил следы магического воздействия в первых восьми случаях, я – в двух последних. Никакого намека на магию, выходящую за рамки повседневных бытовых нужд. Ни-че-го!

Он так веско это сказал и придал своему заgrimированному лицу столь трагическое выражение, что мне захотелось зааплодировать. Но я, конечно, сдержал свой порыв. Вместо этого спросил:

– А когда эти чокнутые теткы из Решеток и Зеркал проводили свою Лотерею Смерти, следы применения магии оставались? Или тоже нет?

– И еще какие следы! – заверил меня Кофа. – Аж воздух звенел, – и ехидно добавил: – Я, конечно, понимаю, что тебе уже надоело платить учительнице Базилио, и ты готов упрятать бедняжку в Холоми, лишь бы избавиться от лишних расходов, но придется тебе придумать что-нибудь другое. Этот номер, извини, не пройдет.

– Неправда. С леди Тайярой мы вчера отлично поужинали. И она мне понравилась. Настоящий сумасшедший профессор. В смысле профессорша; ай, неважно. Местами хуже нашего Луукфи. Газет никогда в жизни в руках не держала, представляете? И даже со второй попытки не

запомнила, как меня зовут. Все как я люблю.

– Это не самая лучшая рекомендация, – заметил Джуффин. – Если вспомнить всех, кто тебе нравится, поневоле насторожишься. Лично я уже начинаю подозревать леди Тайяру в самых страшных грехах.

– Да ладно тебе. Я не настолько сноб. Иногда мне нравятся вполне приличные люди. Включая присутствующих.

– То-то и оно, что включая, – ухмыльнулся сэр Кофа. – То-то и оно.

– Получается, одно из двух, – вдруг сказал Мелифаро и так заразительно при этом зевнул, что я чуть не уснул на месте. – Или мы все-таки имеем дело с чередой трагических случайностей, или способ убить человека, не оставляя следов, существует. Просто мы об этом пока не знаем. Или даже только я один не знаю, а все остальные в курсе, просто в этом сезоне модно держать полезные знания при себе.

– Я, кстати, действительно знаю такой способ, – кивнул Джуффин. – Считается, что к любому человеку можно подобраться по Темной Стороне, нащупать там нить его бытия и разорвать ее в нужном месте. Но это только в теории так складно звучит. Лично мне ни разу не удалось.

– Не удалось?! – хором переспросили Мелифаро и Кекки. На их лицах было совершенно отчетливо написано невежливое продолжение этого восклицания: «Кончайте заливать!»

– Не удалось, – жизнерадостно подтвердил Джуффин. – У Темной Стороны свое мнение по этому вопросу, и она по какой-то причине не хочет, чтобы я добрался до того уровня, где можно нащупать и повредить линии чужого бытия. А пока она не хочет, будьте уверены, я и не доберусь. Придется и дальше убивать врагов Соединенного Королевства старыми добрыми дедовскими методами: яд, кинжал, удавка, Зеленый Огонь^[18]...

– То есть кто-нибудь другой смог бы до них добраться? – спросил я. – Теоретически?

– Теоретически, сэр Макс, возможно вообще все. С практикой несколько сложнее. Впрочем, мне рассказывали об одной ведьме, которая именно так и расправлялась со своими врагами. Но дело было очень давно. И кстати, леди не слишком долго прожила, по крайней мере, по меркам древних. Причем умерла вместе с именем, с тех пор даже близкие не могли вспомнить, как ее зовут; говорят, такое случается с некоторыми особо вздорными колдунами, ухитрившимися восстановить против себя не только многих людей, но и сам Мир. Этой еще, можно сказать, повезло, хотя бы память о самом факте ее существования осталась.

– И больше такое никогда не удавалось? Вообще никому? – нетерпеливо спросил Нумминорих.

– Считается, будто провернуть этот фокус пару раз удавалось Гунтари Малайнису, знаменитому наемному убийце эпохи Короля Мёнина. Но это дело темное. По отзывам современников, Гунтари был не только хорошим убийцей, но и первостатейным вруном. В общем, я крепко сомневаюсь, что в Ехо сейчас живет человек, способный убить, подкравшись с Темной Стороны. Разве что, – шеф одарил меня самой ослепительной из своего арсенала людоедских улыбок, – сэр Макс, пожалуй, смог бы, если бы...

Головы коллег дружно повернулись ко мне. И посмотрели на меня с новым, я бы сказал, профессиональным интересом.

– ...если бы очень захотел, – невозмутимо закончил Джуффин. – Но на это надежды немного. Убийства беззащитных незнакомцев с некоторых пор не входят в круг любимых занятий сэра Макса. А для регулярных занятий нелюбимыми делами ему не хватает ни времени, ни внутренней дисциплины.

– Спасибо на добром слове, – буркнул я.

– Всегда к твоим услугам. На самом деле сейчас просто не время с тобой ссориться. В свете возникших обстоятельств ты чрезвычайно полезное знакомство, сэр Макс. Угадай почему.

– Секретные хранилища Библиотеки Ордена Семилистника, – вздохнул я. – Где еще искать подробные сведения об оригинальных способах убить ближнего своего? Но в этом деле ты мог бы обойтись без моего посредничества. Уверен, Шурф с удовольствием пороется в книгах и по твоей просьбе. И вообще по чьей угодно. Ему только повод дай.

– Просьба бывшего начальника всегда немного похожа на приказ, – объяснил Джуффин. – А это довольно неприятно. Я бы сам не хотел, чтобы в моей голове регулярно появлялся старый шериф Кеттари и нудил: сделай для меня это и еще вон то!

Я не стал говорить, что такого несчастья не пожелал бы себе ни один человек в Мире, включая безумцев и самоубийц. Потому что Безмолвный разговор со старым шерифом Кеттари Махи Аинти ощущается так, будто в твою голову въехал бульдозер. Поерзал туда-сюда, обжился и теперь строит там себе уютное гнездо из гранитных скал. Молодежи таких ужасов о тайной жизни многоопытных магов лучше не знать, а то сбегут от нас в матросы, или хуже того, в дипломаты, как Кекки весной собиралась, лови их потом.

Поэтому я просто кивнул.

– Ладно. Но придется подождать до обеда. У него там пока... – я запнулся, не чувствуя себя вправе разглашать столь интимную тайну своего друга, как намерение проспать полдня, не придумал ничего убедительного

и ляпнул наобум: – Библиотека закрыта на переучет.

Джуффин одарил меня ласковым взглядом старого санитаря Приюта Безумных, который многое повидал на своем веку, а потому любит всех своих пациентов только за то, что в данный момент они не пытаются его укусить. Впрочем, сэр Джуффин Халли и есть что-то вроде этого санитаря. Такая уж у него непростая судьба.

* * *

– Спасибо, что дал мне повод покинуть кабинет, – сказал сэр Шурф. – Погода сегодня просто отличная.

– О, да ты тоже дурно воспитан! – обрадовался я. – Хвалишь погоду, как какой-нибудь провинциал.

– Напротив, меня воспитали как принца, – усмехнулся мой друг. – Только не настоящего, а из сельских сказок про древние времена, где все принцы избалованные счастливики, которым ни знать, ни даже уметь ничего особенного не надо, достаточно просто озарять Мир своим присутствием. И одно из первых правил, которые вдолбил мне в голову отец: мы настолько хороши, что можем позволить себе говорить все что вздумается, не интересуясь, считаются ли наши взгляды приличными в данный момент.

– Мне кажется, это очень разумное правило, – заметил я.

– Так и есть. Но далеко не в любых руках. Не всем взглядам следует быть публично высказанными; это вопрос не цензуры, а элементарной гигиены, что-то вроде запрета выбрасывать мусор на городские улицы. Впрочем, для подавляющего большинства любителей во всеуслышание высказывать свое мнение идеальным выходом стал бы обет молчания. И сам достоинство сохранил, и ушам окружающих никакого ущерба. Жаль, что подобные обеты окончательно вышли из моды еще при Клакках.

– А до этого все вокруг молчали?!

– Меня тогда, сам понимаешь, еще на свете не было. Но рассказывают, что разговоров вслух в ту пору действительно было несколько меньше, чем нынче. Многолетний обет молчания считался самым верным способом задобрить судьбу. Их давали то в надежде на исполнение задуманного, то в качестве благодарности за удачу, задним числом. И поскольку большинству людей постоянно хочется чего-нибудь труднодоступного, далеко не в каждой большой компании находилось хотя бы два собеседника, способных беседовать вслух. А для деловых переговоров и интимных

бесед использовали Безмолвную речь, так что больших неудобств от обетов молчания не было. Одна только благословенная тишина на улицах и в трактирах, как ни трудно это вообразить.

Мы сидели на крыше Мохнатого Дома, которая в хорошую погоду заменяет мне и гостиную, и кабинет. В плохую, впрочем, тоже иногда заменяет, поскольку прием, позволяющий защититься от дождя небольшой участок пространства над своей головой, требует всего лишь тридцать шестой ступени Черной магии и к тому же очень прост в исполнении – я имею в виду, с ума от него точно не сойдешь. А невидимого навеса обычно хватает на пару-тройку часов, не надо каждые пять минут все заново переколдовывать.

Впрочем, сегодня не было ни дождя, ни яркого солнца. Тактичное светило скрывалось за плотными облаками и только время от времени приветливо высывало из своего укрытия пару-тройку умеренно теплых лучей. Именно так, с моей точки зрения, и выглядит идеальная летняя погода. И не только с моей. Сэр Шурф, похоже, был так доволен происходящим, что не спешил приступить к делу. А это не слишком на него похоже. Все-таки превыше его чувства долга только его же чувство времени, в том числе, в самом что ни на есть прямом, практическом смысле: Шурф никогда не забывает про его неумолимый ход. Безответственно наслаждаться жизнью это, по моим наблюдениям, чрезвычайно мешает, зато помогает все успевать.

– Я уже поговорил с Джуффином, перед тем, как прийти сюда, – внезапно сказал мой друг. – И сообщил ему все, что мне удалось найти в Орденской библиотеке по заинтересовавшей вас теме. Так что не беспокойся на этот счет.

Я изобразил крайнее возмущение. Боюсь, не слишком убедительно. Просто поленился как следует войти в роль.

– Глупо было бы делать вид, будто я не понимаю, чья это на самом деле просьба, – пожал плечами сэр Шурф. – И совсем уж нелепо ради поддержания этой дипломатической игры передавать информацию через посредника. Ты не бузивух, слово в слово услышанное не перескажешь. Ну и какой смысл?..

– Ну так мне тоже интересно! – возмутился я. – Чем тебе не смысл?

– Мне несложно рассказать все еще раз. Особенно если мне будет позволено обойтись без подробного анализа источников, к которому ты, по моим наблюдениям, обычно остаешься совершенно равнодушен, – заметил мой друг.

Я был вынужден согласиться:

– Без подробного анализа источников, пожалуй, только лучше. Я пока не настолько крепок рассудком.

– Вот и я так подумал. Коротко говоря, заинтересовавшие вас способы убивать людей на расстоянии без применения угуландской Очевидной магии действительно существуют. Кроме уже известного сэру Джуффину метода манипуляции с линиями бытия на Темной Стороне, упоминаний о котором я, впрочем, до сих пор нигде не встречал, с некоторой степенью достоверности описано еще несколько. Три имеют уандукское происхождение и уже поэтому вряд ли могут вас заинтересовать: в полную силу они действуют только на потомков кейифайев, остальные люди от такой ворожбы могут захворать или, что более вероятно, повредиться в уме; впрочем, временно. А из ваших десятерых покойников четверо совершенно точно не имеют ни одного кейифайского предка. Насчет остальных я просто не знаю, никогда специально не интересовался чужими родственными связями. Но сэр Джуффин этот момент, я уверен, непременно прояснит.

Я молча кивнул.

– К тому же один из упомянутых мною уандукских способов убийства требует крайне дорогостоящего ритуала, второй может быть осуществлен только членами семьи, а последствия третьего таковы, что убийца умирает одновременно с жертвой. Поэтому желающих им воспользоваться, скажем так, не особенно много. В последние шесть тысяч лет, согласно официальным данным, подобных случаев не было.

– А согласно неофициальным? – заинтересовался я.

– Информацией о неофициальных данных я не располагаю, – признался Шурф. – Но мое знание человеческой природы подсказывает, что вряд ли это большое число.

– Ладно. А другие два способа?

– Еще два метода убийства на расстоянии являются достоянием колдунов Чирухты. Один из них, теоретически, даже мог быть применен сейчас, но только в одном-единственном случае, когда смерть выглядела как внезапная остановка сердца. Это изобретение кангонских знахарей-воинов, до сих пор применявшееся в основном для защиты от нападений со стороны Чангайской империи, всегда производит именно такой эффект.

Я только вздохнул. Ну почему все так сложно?! Причем не только сейчас. Вообще всегда.

– Что касается второго метода чирухтского происхождения, – продолжил мой друг, – считается, что его используют тубурские мастера сновидений для расправы со своими врагами. Хотя лично мне довольно

непросто вообразить, что нужно натворить для того, чтобы тубурский Сонный Наездник счел тебя своим врагом.

– Например, невовремя его будить, – предположил я. – Регулярно, день за днем, год за годом, пока не проймет. Впрочем, сомневаюсь, что действительно понадобятся годы. Лично мне хватило бы и дюжины дней.

Шурф немного подумал и наконец кивнул, да так серьезно, что я лишний раз порадовался, что не полез к нему с расспросами сразу после утреннего совещания. Возможностей расправиться с мучителем у него всяко побольше, чем у миролюбивых тубурских сновидцев.

– В любом случае этот метод в рассматриваемой ситуации явно не применялся, – заключил он. – Потому что тубурская магия действует на спящих, а все интересующие вас несчастные случаи произошли с бодрствующими людьми.

– Если только перед смертью они не бегали по дому в лунатическом припадке, предварительно крепко заснув.

Шурф, к моему удивлению, не стал оспаривать эту дикую идею.

– И такой вариант нельзя полностью исключать, не проверив, – согласился он.

– Да ладно тебе, – вздохнул я. – Мы оба прекрасно понимаем, что я несу чушь.

– Просто я не раз замечал, что, когда ты несешь чушь, согласиться с тобой гораздо продуктивней, чем спорить. Чужое согласие с неразумным утверждением, пусть даже твоим собственным, возмущает тебя как мыслителя, и все остальное ты делаешь сам... Зря смеешься, я говорю совершенно серьезно.

– Потому и смеюсь, что это чистая правда. Только сейчас это осознал. И сразу понял, почему в последнее время ты так часто со мной соглашаешься... Ладно, скажи лучше, это все способы убийства на расстоянии без Очевидной магии, о которых ты прочитал? Наших, местных нет?

– Можно сказать, нет. Жизнь в Сердце Мира, сам понимаешь, не способствует возникновению глубокого интереса к другим магическим традициям. Разве что, Проклятие Йарра, названное так в честь его автора, Йарра Трехглазого, выдающегося мага, философа и, между прочим, поэта древности. Кстати, последнее обстоятельство многое объясняет. Пожалуй, только поэт и мог такое изобрести.

– То есть самое интересное ты приберег напоследок?

– Разумеется, – невозмутимо кивнул мой друг. – В отличие от тебя или того же Джуффина я довольно посредственный рассказчик. Поэтому

соблюдать элементарные правила композиции – мой долг перед всяким слушателем.

К сожалению, когда чушь несет сэр Шурф Лонли-Локли, соглашаться с ним совершенно не помогает. Спорить, впрочем, тоже не помогает. Я уже сто раз говорил, что он отличный рассказчик, и это чистая правда, по крайней мере, лично я готов слушать его сутками напролет. А толку-то.

Остается только укоризненно качать головой. Главное – не перебивать, а то самокритичный монолог про «скверного рассказчика» растянется на века. Пусть уж лучше говорит по делу. В смысле об этом загадочном проклятии.

– На мой взгляд, Проклятие Йарра больше всего подходит для объяснения обеспокоившей вас ситуации, – сказал Шурф. – Во всяком случае со стороны его действие именно так и выглядит: проклятый умирает далеко не сразу. Счет идет не на годы, но обычно проходит от трех до нескольких дюжин дней. Все это время жертва чувствует себя прекрасно, и даже самый лучший знахарь не сможет распознать, что рядом уже притаилась смерть, которая воспользуется первой же возможностью взять свое. Если жертва хоть немного слаба здоровьем, умрет от внезапного обострения болезни, если будет неосторожна, погибнет от несчастного случая, отправится на войну – будет убита одной из первых, захочет искупаться – утонет. И так далее.

– Но тогда это точно оно! – воскликнул я.

С одной стороны, я был рад, что все разрешилось настолько просто, а с другой – неприятно удивлен, обнаружив, что в богатом арсенале магического смертельного оружия есть еще и такая дрянь. Это что же получается, любой дурак может проклясть кого захочет, и привет? Причем ему для этого даже Очевидной магией владеть не надо. Как в этом Море вообще хоть кто-то до сих пор жив при таком-то раскладе?!

– Это вряд ли, – покачал головой Шурф. – Дело в том, что Проклятие Йарра получает силу только в устах умирающего. Того, кто сам стоит на пороге смерти. Бывали, впрочем, в истории случаи, когда проклинающего в последний момент удавалось спасти, а проклятие все равно действовало. То есть доподлинно известно, что жизнь убийцы не является платой за убийство, как в случае с соответствующим уандукским заклинанием. Похоже, оно просто работает, когда сознание проклинающего пребывает на границе, отделяющей пространство жизни от пространства смерти. Такое объяснение звучит немного чересчур романтично, но одновременно чрезвычайно убедительно. Я не зря сказал, что изобрести это проклятие мог только поэт.

– Ну и дела, – растерянно отозвался я.

Мне, конечно, было приятно узнать, что применить это грешное проклятие не так просто, как хотелось бы. Но и досадно, что головоломка с участием десяти трупов осталась без ответа. Я все-таки очень люблю простые решения. Так, чтобы буквально за полчаса можно было додуматься до разгадки, еще за полчаса отыскать всех виновных, запереть их в камере предварительного заключения и с чистым сердцем идти гулять.

Но Мир несовершенен.

– А может быть, у нас вот прямо сейчас как раз умирает какой-нибудь ужасный злодей? – без особой надежды предположил я. – Или просто непримиримый мститель. Очень упрямый, а потому живучий. И при нем дежурит какой-нибудь гениальный знахарь вроде нашего Абилата. И исправно спасает его всякий раз после того, как тот в агонии кого-нибудь проклянет. А потом оба попьют водички, и все сначала. Почему нет?

– И так десять раз кряду? – Шурф с сомнением покачал головой. – По-моему, перебор. Во-первых, редкое тело такое выдержит, какими зельями его ни пои. А во-вторых, близость смерти обычно довольно сильно меняет человека. Потом, выздоровев, он может снова стать прежним. И даже скорее всего станет. Но сразу после того, как сам чудом воскрес, выбирать новую жертву из списка... Знаешь, я даже на свой счет не уверен, что смог бы. Притом, что упрямства, ярости и дисциплины мне не занимать.

– Если даже ты не смог бы, тогда, конечно, мало шансов, – вздохнул я. – Но какой-то намек на шанс все-таки есть... Слушай, а может быть, их целая банда?

– «Банда»? – удивился мой друг. – Как ты себе это представляешь?

– Ну, не один убийца, а несколько. Группа единомышленников, объединенных желанием отомстить другой группе людей. И еще острым интересом к разным экзотическим способам убийства. Теоретически такие люди могли бы спеться. И тогда все сходится: один из них долго, мучительно умирает, попутно проклиная пару-тройку врагов, другой, обученный кангонским фокусам, останавливает вражеское сердце, третий, к примеру, сказочный богач и щедро оплачивает несколько дорогих церемоний в Уандуке – для всех обладателей кейифайской родни. Тогда все более-менее сходится. Почему нет?

– Ладно, предположим, – неохотно согласился Шурф. – Но зачем проделывать это практически одновременно? Могли бы растянуть свою месть на несколько лет, и тогда странная череда смертей не возбудила бы ничьих подозрений.

– Так, может быть, дело именно в этом? Может, они как раз хотят,

чтобы всем стало ясно: это не несчастные случаи, а именно месть? Иногда месть это дело чести. А может быть, причина в умирающем товарище? Я имею в виду, они хотели его порадовать. Чтобы перед смертью успел узнать, что все получилось – не только у него, а у всех.

Мой друг некоторое время молчал, задумчиво разглядывая свои руки. Наконец кивнул:

– В твоём изложении эта гипотеза звучит довольно сумбурно, но вынужден признать, так действительно вполне может быть.

– Это горе надо срочно залить, – сказал я. – Например, кофе. Давно я о нём не вспоминал. Если составишь мне компанию, могу добыть тебе чаю. И вообще всего, что пожелаешь. Хотя с таким поваром, как твой, мои шансы соблазнить тебя напитками из иных Миров невелики, это я и сам понимаю.

– Ну, чаю-то от орденового повара не дождёшься ни при каких обстоятельствах, – резонно заметил Шурф. – Хотя я иногда думаю, что если ты достанешь из Щели между Мирами листья этого замечательного растения и дашь мне подробную инструкцию, результат может превзойти самые радужные ожидания.

– Почему нет, – кивнул я. – Этим сейчас и займемся. Давно я из Щели между Мирами ничего не таскал!

– Чай для меня ты доставал не далее как минувшей ночью.

– «Минувшей ночью» – это и есть давно. Она же уже минула.

– А что по твоим меркам «недавно»?

Я задумался. Не хотел обманывать его в столь важном вопросе. Наконец сказал:

– Максимум – полчаса назад. Только не спрашивай меня: «Как жив-то до сих пор?» Я тоже не знаю. Наверное, просто потому, что меня пока никто не проклинал.

– Подозреваю, это как раз вполне бессмысленное занятие, – усмехнулся мой друг. – Как ни старайся, ты не заметишь, что проклят, а если даже заметишь, тут же на что-нибудь отвлечёшься, и пиши пропало. Напрасный труд. Я бы, пожалуй, не взялся.

Говорю же, он знает меня лучше, чем я сам.

Я только успел достать из Щели между Мирами чашку чая для Шурфа, как выражение его лица неуловимым образом переменялось; раньше я таких вещей в упор не видел, а теперь почти всегда замечаю, если моего собеседника отвлекли Безмолвной речью. И сейчас сразу понял, что кофе мне придется пить в одиночестве. Ничего не поделаешь, такова

специфика дружбы с Великим Магистром. Магический Орден в этом смысле ничем не лучше специнтерната для трудных подростков: если целых полчаса обошлось без происшествий, директору, считай, крупно повезло.

– Мне придется уйти, – вполне предсказуемо сообщил мой друг.

Я развел руками, всем своим видом демонстрируя покорность судьбе, как я ее себе представляю. То есть скорчил зверскую рожу. Но Шурф неожиданно добавил:

– Если ты никуда не спешишь, я бы с удовольствием вернулся, самое большее через четверть часа. Дело у меня достаточно неотложное, но по сути пустяковое: просмотреть и подписать некоторые распоряжения. Оказывается, по-настоящему хороший секретарь – это не всегда удобно: порой он справляется с работой несколько быстрее, чем было запланировано.

– Каков негодяй, – возмутился я. – Справляется он, видите ли! Нет чтобы завалить все задания и быть заточенным в стене или превращенным в ночной горшок; не знаю, как там у вас в Ордене заведено наказывать провинившихся. Но зачем тебе куда-то уходить? Пусть приносит документы сюда. Ты их подпишешь, и дело с концом.

– Сюда? – изумленно переспросил мой друг.

Он явно собирался порадовать меня длинным страстным монологом на тему «всякому занятию свое место». Ну, то есть что работать якобы следует в рабочем кабинете, а у меня на крыше, напротив, валять дурака в свое удовольствие. Но вовремя вспомнил, с кем имеет дело, представил, что я могу на все это ответить, и больше ничего не сказал.

– Все-таки ты большой начальник, хочешь того или нет, – объяснил я. – А большим начальникам не следует срываться с места по первому секретарскому зову. Это же его работа – бегать за тобой, куда бы тебя ни занесло. Да хоть в Арварох, где, как недавно выяснилось, скачут стада ядовитых зайцев. Моя крыша все-таки гораздо меньшее зло.

– Это тебе только кажется, – довольно сухо сказал сэр Шурф. Но подумав, добавил: – Ясно, что тобой движет понятное и даже отчасти простибельное желание шокировать моего секретаря. Тем не менее, по сути ты прав. Совершенно не ожидал, что ты разбираешься в тонкостях субординации.

– Да ладно тебе, – улыбнулся я. – Ни в каких тонкостях я не разбираюсь, просто придумал наспех аргумент, который теоретически мог бы прийтись тебе по душе. Хвала Магистрам, угадал. Но «шокировать» – это все-таки слишком сильно сказано. Человека, пережившего Смутные

Времена в качестве правой руки Нуфлина Мони Маха, и настоящим-то демоном, пожалуй, не проймешь, не только моей скромной персоной. Просто мне до смерти любопытно посмотреть на существо, которым ты настолько доволен. То есть даже не им самим, а его секретарской работой – что это вообще должно быть?!

– Тебя можно понять, – неожиданно согласился мой друг. – На твоём месте мне бы и самому было любопытно. К тому же, твои соображения о том, что начальнику не следует бегать за своим секретарем, кажутся мне более чем разумными. Ладно, твоя взяла. Я его позову.

Хваленый секретарь появился не сразу, то ли собирал заранее разложенные на столе документы, то ли наспех зубрил какое-нибудь старинное заклинание для одоления демонов, чтобы, воспользовавшись счастливым стечением обстоятельств, покончить с одним из них в моём лице. Так или иначе, а ждать его нам пришлось минуты три. Я, конечно, извелся от нетерпения и любопытства. Чтобы отвлечься и заодно насмешить Шурфа, время от времени возмущенно восклицал: «Ну и где мой сегодняшний ужин? Куда подевался? Мне что, опять невинных студентов по библиотекам ловить?» – и все в таком роде. Мой друг делал вид, будто ему совершенно не смешно, но мы оба знали ужасную правду: еще как смешно. За долгие годы знакомства я привил ему вкус к идиотским шуткам. Не зря в старину в здешних краях говорили: с кем поведешься, в то и превратишься. Так оно и есть.

Разумеется, секретарь сэра Шурфа появился ровно в тот момент, когда я особенно удачно взревел насчет ужина. Я имею в виду, достаточно громко. И свирепую рожу скорчил, хоть на карнавал с ней иди.

– Извините, что вам пришлось так долго меня ждать, – вежливо сказал он, как бы нам обоим сразу. То есть своему начальнику и его другу, голодному демону. Ай молодец.

– Мое имя Клари Ваджура, – церемонно добавил он, обращаясь уже только ко мне. И руку к лицу поднес именно так, как это делают колдуны старой школы, стремительным, угрожающим жестом, каким перед дракой обнажают кинжал. Хорошо, что я такого уже навидался и инстинктивно складывать пальцы в щепоть для обороны при знакомствах давно перестал.

А потом он отнял руку от лица, и я увидел перед собой совсем молодого человека, почти мальчишку. Загорелая физиономия подростка в обрамлении выбеленных солнцем кудрей, круглые глаза цвета зимнего моря и в довершение всех бед трогательные веснушки. Я, конечно, понимаю, что все мало-мальски опытные колдуны могут выглядеть, как

пожелают, то есть внешность в подавляющем большинстве случаев вообще ни о чем не говорит. Но все равно, совершенно не таким я ожидал увидеть ближайшего соратника Великого Магистра Нуфлина Мони Маха – тот остался в моей памяти древним стариком, почти лишенным лица, а потому состоящим как бы из одного только вкрадчивого голоса, от которого, как мне говорили, мороз шел по коже; к счастью, я в ту пору был настолько наивен, неопытен и заранее, авансом оптимистически дружелюбен ко всем, кого встречал на своем пути, что обошлось без мороза. Но теперь, задним числом, могу понять, почему он всех продирает.

В общем, заранее допуская, что Магистр Клари Ваджура может придать себе любой облик, я почему-то был уверен, что он выберет что-нибудь солидное, если не откровенно злое. Ну или просто окажется слишком высокомерен для такого спектакля и предстанет перед нами как есть, скорее всего, пожилым человеком с печатью усталости от могущества на бледном лице. Но увидеть кудрявого мальчишку я совершенно точно не ожидал.

Мальчишка при этом натурально пожирал меня глазами. Хотя чего меня пожирать, я-то как раз выгляжу более чем заурядно, особенно когда сижу у себя дома, а не слоняюсь по городу, стараясь остаться неузнанным, просто чтобы никого лишней раз не волновать. Для таких целей я, конечно, выбираю совершенно inferнальные рожи, чтобы всем сразу становилось ясно: это кто угодно, только не сэр Макс, который всегда притворяется безобидным.

Пока я удивлялся такому вниманию, Клари Ваджура молча передал Шурфу несколько самопишущих табличек и стопку тонкой голубоватой бумаги из Богни, которая стоит дороже, чем драгоценные камни и используется для самых важных документов: считается, что на нее почти не действует колдовство, а значит подделать такой документ крайне затруднительно. Разве только лезвием аккуратно подчистить, как в школьном дневнике, но таким хитроумным трюкам избалованное доступностью магии местное население не обучено.

Убедившись, что начальство занято делом, секретарь уселся рядом со мной и почти беззвучно, но все-таки вслух сказал:

– Извините, пожалуйста. Мое внимание, вероятно, показалось вам назойливым. Надеюсь, меня извиняет то обстоятельство, что я о вас довольно много слышал. И все это оказалось неправдой. Не большая часть информации, как обычно, а вообще все.

– Ничего, – утешил его я. – Так довольно часто бывает, и не только со мной. Просто наши близкие обычно не сплетничают о нас с кем попало,

поэтому все остальные ничего не знают и вынуждены сочинять. К счастью, люди не настолько могущественны, чтобы их вымыслы хоть как-то влияли на предмет разговоров. Я имею в виду, что если даже все население Ехо примется говорить, будто у меня на лбу растут рога, они все равно не вырастут. Это большое облегчение для любимцев публики вроде меня.

– На самом деле вымыслы влияют, – все так же тихо сказал Клари Ваджура. – Просто не радикально. Чужие взгляды – своего рода внешняя опора нашего бытия, не то чтобы наиважнейшая для нас, но довольно существенная. То есть рога у вас действительно не вырастут, но голова вполне может разболеться от разговоров. А если, скажем, весь город, или хотя бы тысяча человек считают вас ужасающим демоном, это может ощутимо прибавить вам могущества. И одновременно немного испортить характер.

«Это, кстати, многое объясняет», – заметил сэр Шурф. Он воспользовался Безмолвной речью, как я понимаю, из чувства такта, чтобы не насмеяться надо мной при моем секретаре.

– Это многое объясняет, – повторил я вслух. Мне-то шутить с чужими секретарями, по идее, никакими правилами субординации не запрещено.

– В этом смысле все сплетни, которые я слышал о вас, скорее полезны чем вредны, – утешил меня Клари Ваджура. – Кроме разве что...

Я так и не узнал о гипотетическом вреде, наносимом мне сплетнями, потому что в этот момент на наши с Магистром Ваджурой головы свалился Нумминорих Кута. Ну, то есть, не то чтобы прямо на головы, а возник из ниоткуда буквально в нескольких сантиметрах от нас. Никого не зашиб, повезло.

Инцидент был далеко не первый, и я в общем сам виноват: все уши прожужжал человеку о необходимости постоянно тренироваться ходить Темным Путем. Не получается прокладывать самостоятельно, и не надо, можно пока по запаху, за мной и всеми остальными, главное – как можно чаще, хотя бы по дюжине раз в день. Рано или поздно, через полгода или сотню лет, но количество непременно перейдет в качество: тело и ум привыкнут к Темному Пути, и все сразу станет очень легко, все опытные мастера так говорят.

Нумминориха особо уговаривать не надо, он только рад дополнительному развлечению. А что регулярно попадает в довольно неловкие ситуации, и мы все вместе с ним, тут ничего не поделаешь. Обычные издержки обучения сложной магической практике. Читай: бесплатный цирк.

Нумминорих посмотрел на меня, на зарывшегося в бумаги Шурфа, на

конопатого секретаря, снова на меня – теперь почему-то панически вращая глазами. Впрочем, голос его звучал совершенно спокойно, только немного смущенно, как и положено в такой ситуации.

– Извините, пожалуйста. Я не хотел вам помешать. Просто не подумал, что в это время на крыше кто-нибудь есть. В следующий раз обязательно буду предварительно спрашивать разрешения. Мне очень жаль, – скороговоркой выпалил Нумминорих. И исчез.

В смысле ушел Темным Путем, как и пришел. И сразу же прислал мне зов.

«Я, наверное, должен тебе сказать, просто на всякий случай...» – начал он и почему-то запнулся. Как будто мы первый день знакомы, и предположение, будто я сейчас сердит, имеет право на существование.

Черт знает что.

«Все в порядке, – сказал я, – ничему ты не помешал. Мы с Шурфом болтали о пустяках, а секретарь принес ему бумаги на подпись. Тоже, как я понимаю, вполне пустяковые. Вообще не о чем говорить, забудь».

«Спасибо, – поблагодарил Нумминорих. – Я рад, что не помешал. Но речь не об этом. Я хотел спросить, действительно просто на всякий случай, ну мало ли, не то чтобы я не доверял сэру Шурфу, просто в таком вопросе кто угодно может ошибиться, даже ты...»

Это «даже ты» было, конечно, грубой лестью. Потому что кто-кто, а я способен ошибаться вообще в любых вопросах. По триста раз на дню.

Нумминорих тем временем продолжал тараторить:

«В общем, я решил, что лучше спросить прямо, а не мучиться догадками: Шурф знает, что этот человек, его секретарь, сновидец? В смысле сейчас он где-нибудь спит и видит сон о том, как сидит с вами на крыше. Судя по его запаху, это именно так».

«Понятия не имею, как Шурф, а лично я ни хрена не заметил, хоть и посмотрел на этого типа, как положено, просто по привычке, – честно признался я. – Выглядит он как нормальный человек. В смысле не мерцает. В общем, спасибо, что сказал».

Лицо мне от природы досталось крайне выразительное, зато способности контролировать его выражение все та же природа отсыпала мне не столь щедро. Откровенно говоря, вообще не дала. И как бы я ни старался скрывать свои чувства, любой умеренно проницательный собеседник раскусит меня с полпинка.

Чему я действительно научился, так это быстро придумывать хорошие, правдоподобные объяснения чувствам, которые не умею скрывать. Вот и сейчас разразился длинным негодующим монологом, многословно

извинялся за своего якобы бесцеремонного коллегу, который совсем недавно научился ходить Темным Путем и теперь без приглашения вламывается в дома всех знакомых, чтобы похвастаться мастерством. Говорят, к некоторым даже в спальни среди ночи врывается, а это уже ни в какие ворота – будить людей по столь пустяковому поводу. Ну научился, кому от этого холодно или жарко? Можно подумать, такое великое дело этот Темный Путь. Я в его годы из Коридора между Мирами, можно сказать, не вылезал, но не считал это достаточным поводом беспокоить посторонних людей демонстрацией моих умений. А эти нынешние... Эх, молодежь!

Клари Ваджура слушал меня со все возрастающим интересом, особенно когда речь пошла про Хумгат. На это я и рассчитывал, все-таки людей, способных путешествовать через Коридор между Мирами, исчезающе мало даже среди могущественных угуландских колдунов. Ну или даже в первую очередь среди них. Способность к Истинной магии никак не связана с достижениями в области Очевидной. Может случайно совпасть, а может и нет.

А Шурф, конечно, был озадачен. Мягко говоря. Тот я, с которым он был знаком все эти годы, нести такую чушь определенно не мог. Какую-нибудь другую – пожалуйста, сколько угодно, но хвастать былыми подвигами и ворчать на бестолковую молодежь я обычно неспособен даже в шутку.

К счастью, с выразительностью лица у моего друга дела обстоят гораздо хуже, чем у меня, а с самоконтролем, напротив, несоразмерно лучше. Поэтому опознать в его взгляде тревогу не смог бы никто, кроме меня, да и я о ней скорее просто догадался, полагаясь на опыт, а не заметил. Нечего там было замечать.

Шурф внимательно просмотрел бумаги и таблички, попросил секретаря внести одно дополнение, снова перечитал, подписал. Наконец вернул ему все документы. Сказал:

– Спасибо, Клари, ваша помощь, как всегда, бесценна. Я буду в Иафахе за четверть часа до начала вечерней встречи со Старшими Магистрами. Если к этому времени вы успеете изучить прошения о пересмотре решений нашей лицензионной комиссии и отобрать для меня заслуживающие дополнительного рассмотрения, моя благодарность будет безгранична.

– Сделаю, – лаконично ответил Клари Ваджура.

Он поднялся, одарил меня на прощание удивительной улыбкой, напряженной и одновременно ослепительной, словно бы включившей под его кожей какой-то дополнительный внутренний свет. Ну а потом, конечно,

исчез. То ли Темным Путем ушел, то ли просто начал смотреть другой сон, поди разбери, этих сновидцев, как они перемещаются в пространстве.

– С Нумминорихом все в порядке? – сразу спросил Шурф. И, не дожидаясь ответа, добавил: – А с тобой?

– Более-менее, – усмехнулся я. – Просто несколько офонарел, когда Нумминорих сообщил, что твой секретарь сновидец. Ни за что бы не поверил, что в Мире есть человек, готовый работать даже во сне, но жизнь уже не раз доказывала, что отставные Магистры бывают до крайности эксцентричны. А ты-то в курсе, что он?..

– Ну разумеется, – невозмутимо ответил мой друг. – Хорош бы я был, если бы не знал о человеке, которого сделал своим ближайшим помощником, настолько важных вещей.

Мне, конечно, сразу полегчало.

– Извини, – сказал я. – Не то чтобы я всерьез считал тебя таким же идиотом, как я сам. Просто он не мерцает, когда смотришь боковым зрением. И я подумал...

– Да, не мерцает. Но в этом нет ничего из ряда вон выходящего. Некоторых сновидцев невозможно отличить от бодрствующих; как я понимаю, у одних это получается само собой, другим приходится прикладывать специальные усилия. На мой взгляд, гораздо более удивительна способность магистра Клари пользоваться Безмолвной речью и самопишущими табличками. Я могу назвать несколько дюжин причин, по которым для сновидца это невозможно, тем не менее, у него получается. Я пытался разобраться, но он, похоже, сам не знает, как это вышло. Говорит: «Просто в этом сновидении я могу делать все, что когда-то умел наяву; было бы не так, постарался бы сразу проснуться, сон о полной беспомощности наихудшая разновидность кошмара».

– Это да, – согласился я.

– В любом случае магистр Клари Ваджура, судя по тому, что я о нем слышал, чрезвычайно могущественный человек; возможно, вообще лучший за все время существования Ордена Семилистника. И очень опытный сновидец-практик. Неудивительно, если учесть, что это его единственное занятие последние девяносто лет.

– Ого. Расскажешь? Или это не мое дело?

– До сих пор я полагал, что не твое. Но если уж судьба привела сюда Нумминориха с его уникальным нюхом в тот самый момент, когда здесь сидел Клари... Или не судьба, а ты сам его вызвал для проведения экспертизы? Тогда следует отдать должное твоей проницательности.

Я отрицательно помотал головой:

– Не следует. Не было никакой проницательности. Одна сплошная, как ты говоришь, судьба.

– Для меня это более чем серьезный аргумент, ты знаешь.

– Для меня тоже. А то бы я не лез... Ну, то есть, вру, лез бы, конечно. Но не настолько напролом.

– Не то чтобы я считал необходимым иметь от тебя секреты, – примирительно сказал мой друг. – Просто не в моих обычаях разглашать чужие тайны. Магистр Клари настоятельно просил меня молчать. Он считает, что чем больше народу уверено, будто он просто вернулся в Ехо после долгого отсутствия, тем легче ему будет непрерывно поддерживать себя в состоянии текущего сновидения. Полагаю, он прав.

– Та самая внешняя опора, о которой он говорил?

– Совершенно верно. К чему я, наверное, никогда не привыкну, так это к тому, что самые сложные вещи ты ловишь на лету.

– Просто у каждого свои представления о простом и сложном. Как по мне, ничего нет проще всех этих ваших «сложных вещей». И ничего запутанней так называемых «элементарных». Ладно, рассказывай, если не передумал. Или сперва надо принести какую-нибудь клятву молчания? Если что, я могу. Только наизусть ни одной не помню, учти.

– Не надо, – сказал Шурф. – Я, хвала Магистрам, не настолько безумен, чтобы внезапно перестать тебе доверять.

В награду он получил еще одну неведомо у кого похищенную кружку с горячим чаем. Такой практически полулитровый суперприз.

– На самом деле от тела Клари довольно мало осталось, – сказал мой друг.

Мне сперва показалось, что я ослышался. Но переспрашивать не пришлось.

– «Довольно мало» – это голова на сломанной шее, часть туловища с одной рукой и бесконечная воля к жизни. И, конечно, огромная сила, без нее он не прожил бы и минуты.

Я, честно говоря, едва выдержал это откровение, потому что у меня пылкое воображение, норовящее немедленно примерить на себя все, что ни услышу. Но ничего, отвернулся, чтобы не демонстрировать лишний раз богатые возможности своей мимики, усилием воли отогнал подступившую к сердцу тошнотворную темноту, спокойно сказал:

– Ничего себе поворот. Это Нуфлин его так напоследок?

– Как ни странно, нет. Это последствия недостаточно тщательно

продуманной встречи с безумными ветрами Пустой Земли Йохлимы. Я бы сказал, вполне обычные последствия. Впрочем, нет, все-таки обычно ветры Пустой Земли Йохлимы раздирают свою жертву на мелкие клочья, а не на такие крупные куски.

Меня передернуло.

– Извини, – сказал Шурф. – Вечно я забываю, что ты безрассудно храбр только в деле, а словами тебя довольно легко испугать.

– Просто слова приходится слушать, сидя на месте, – объяснил я. – И поневоле обдумывать услышанное. А дело можно делать, это здорово отвлекает. От страхов и любых других выкрутасов ума... Ну надо же – ветры Пустой Земли Йохлимы! Никогда не принимал всерьез все, что о них говорят, – подумаешь, сильный ветер, тоже мне горе. А они, оказывается, хуже всех великих Магистров, включая твоего предшественника. Ну и дела.

– Не знаю, хуже ли, но Магистр Нуфлин действительно пальцем Клари не тронул. И погони за ним не снарядил. Вроде бы даже не проклял вдогонку. Рассказывают, он испытывал в связи с уходом своего ближайшего помощника не гнев, а только глубокую печаль. Причем не кто попало, а леди Сотофа рассказывает, а ей не свойственно ошибаться в интерпретациях. Но кстати, даже Сотофа не знает причины их ссоры; говорит, так обрадовалась, что не стала вникать, ушел, и хвала Магистрам. По ее мнению, Клари Ваджура скверно влиял на своего покровителя и в целом на настроения в Ордене, очень уж был суров и непримирим.

– И при этом она согласилась с твоим решением взять его в секретари?

– Как видишь. Леди Сотофа Ханемер, конечно, абсолютно ужасное существо, но только в том смысле, в каком ужасны сила Сердца Мира, бесконечность Вселенной, прикосновение смерти и неумолимая длань судьбы. При этом в ее внешнем добродушии нет ни капли притворства. У Сотофы действительно доброе сердце. И узнав о нынешнем положении Клари Ваджуры, она сказала: «Ладно, пусть помогает тебе улаживать дела, если это скрасит его последние дни».

– Последние дни? Он умирает?

– Разумеется, умирает. Последние девяносто лет. А как ты думал? Впрочем, даже здоровые люди редко живут вечно, в том числе, могущественные колдуны, особенно когда они надолго оказываются вдали от Сердца Мира. А тело Клари спит в глубокой пещере в горах, на границе Умпона с Пустой Землей Йохлимой.

– Так может быть его можно спасти? В смысле привезти в Ехо и вылечить? – оживился я.

– Как ты себе это представляешь – вылечить человека, от тела которого осталось меньше половины?

– Никак не представляю. Но я и не знахарь.

– Тогда тебе придется поверить на слово, что трогать его сейчас – только зря мучить. Даже твой Смертный Шар^[19] не поможет.

– Откуда ты знаешь?

– Справлялся у специалистов, которые разбираются в этих делах лучше, чем мы с тобой. На всякий случай. Думаешь, только ты, столкнувшись с проблемой, сразу начинаешь прикидывать, как ее решить?

– Но почему не поможет? Я, если помнишь, даже умирающих от Анавуайны лечил^[20].

– Слишком обширные повреждения. Ты можешь подчинить его своей воле и приказать выздороветь, он послушается, но не справится с задачей. Ресурсы любого организма небезграничны. Вопрос только в том, умрет пациент от полного истощения, отрастив всего одну ногу или целых две. Причем его кончина будет сопровождаться душевными терзаниями от невозможности исполнить приказ.

Я снова содрогнулся. И проклял все на свете, начиная с себя, – за то, что завел этот разговор.

– От боли ты, конечно, мог бы его избавить, – примирительно сказал Шурф. – И Абилат мог бы, и многие другие столичные знахари, причем без всяких Смертных шаров. Но эта проблема, как я понял, уже решена без нас. Поэтому нет смысла суетиться. К тому же Магистр Клари наотрез отказался объяснять, как его найти. Более того, не пытаться отыскать его тело – часть нашего договора. Я ему это твердо обещал.

– Так, получается, весь этот ужас известен только с его слов? – нахмурился я.

– Мы с леди Сотофой не самые наивные дети в Соединенном Королевстве, – укоризненно сказал Шурф. – Существует немало способов проверить правдивость чужих рассказов. Один из них – посмотреть на все собственными глазами, просто не наяву, а во сне. Я в этом деле еще не настолько опытен, чтобы гарантированно отличить подлинное видение от наваждения, но леди Сотофа проверила самолично и подтвердила: все правда. Клари Ваджура выглядит именно так, как рассказывает. Его изуродованное тело действительно лежит в глубокой пещере, за ним присматривает юный умпонский шаман, внук старого шамана, который когда-то нашел Клари, обнаружил, что тот еще дышит, хотел добить из милосердия, но не решился. И поневоле был вынужден организовать

постоянный уход: глубокая пещера, обезболивающие благовония, вода и пища из мира духов, от обычных в таком состоянии никакого толку, а более тонкая материя умирающему в самый раз, насыщает, не понуждая искалеченные внутренние органы к убийственному для них труду. И внука своего обучил ухаживать за полумертвым незнакомцем на тот случай, если бедняга его переживет. Так в итоге и вышло, воля к жизни у Клари невероятная, до сих пор я таких непреклонных людей не встречал.

– Но шаман-то каков! – изумился я. – Помочь попавшему в беду незнакомцу дело вполне обычное, но растянуть эту помощь на долгие годы, да еще и внуку завещать...

– Для умпонцев это просто нормально. Уверяю тебя, никому из них в голову не пришло бы, что можно поступить как-то иначе. Они вообще крайне мягкосердечный и отзывчивый народ. Вероятно потому, что происходят от эхлов^[21], покинувших Хонхону еще во времена Древней династии, а те, сам знаешь, безгранично добродушны от природы.

– Знаю? Откуда? Я пока не знаком ни с одним эхлом.

– Зато я тебе о них рассказывал.

– Да, – вспомнил я. – Действительно было дело. Прости. Ты тогда еще говорил, что не видел ничего прекрасней умпонских садов и рассказывал, что отправлял туда некоторых поэтов, чтобы вдохновились их красотой. Нет чтобы меня!

– Тебя-то зачем отправлять? – усмехнулся мой друг. – Ты туда сам Темным Путем пройти можешь. В любой момент.

– Могу-то могу. Но без спутника, который знает об окрестностях гораздо больше, чем ты сам, это совсем не то.

– Будет тебе спутник, – твердо сказал Шурф. – Надеюсь, уже в середине лета я смогу отлучиться из Иафаха на целый день без малейшего ущерба для дела. Говорю и сам себе не верю, но вера в таком вопросе и не нужна, расчета вполне достаточно. Все-таки хороший секретарь действует как знахарское заклинание – постепенно возвращает жизнь.

– Удивительный тип этот Клари Ваджура, – вздохнул я. – Развлекаться сновидениями в его положении, наверное, и правда единственный выход. Но из бесконечного множества разнообразных вариантов выбрать тот, где ты круглосуточно работаешь секретарем...

– Такой уж он человек. Леди Сотофа говорит, Орден Семилистника был любовью его жизни. Даже не могущество, ради которого, по идее, и вступают в магические Ордена, а сама организация, ее структура, иерархия, ощущение единства и некоего общего для всех высшего смысла. Я это понимаю только теоретически, потому что сам всегда был и останусь

одиночкой. Что хорошо для мага, но довольно скверно для Великого Магистра. Впрочем, я просто временно исполняющий обязанности, а для этого и одиночка вполне годится, можно себя не изменять.

– Интересно, еще тридцать лет он протянет, этот твой удивительный секретарь? – спросил я.

– Сомневаюсь. Клари и так продержался гораздо дольше, чем сам рассчитывал. Говорит, потому, что у него была цель еще раз увидеть Иафах. А теперь...

– А теперь он оказался в Иафахе, не целиком, но хотя бы сознанием, тоже неплохо. И постоянно при деле. И, если верить вам с леди Сотофой, должен быть счастлив. Не знаю, как он, а я бы на его месте точно не умер. Еще чего!

– Поглядим, – сказал Шурф. – Я, конечно, мастер планировать, но в по-настоящему важных вопросах стараюсь не загадывать. Пусть идет как идет.

* * *

Первое, что я услышал, переступив порог Зала Общей Работы, был голос Кекки.

– Все это довольно тяжело, – сказала она.

Потом заметила меня, приподняла руку в приветственном жесте и уткнулась в кружку с камрой. Не пила, а просто рассматривала, хотя на что там смотреть. Обычная фирменная кружка из «Обжоры Бунбы», они все одинаковые – керамические, нарочито грубой лепки, имитирующей ручную работу, темно-коричневые, с изображением улыбающегося толстяка.

Настолько печальной леди Кекки Туотли я не видел, пожалуй, с тех незапамятных времен, когда она служила в Городской Полиции под началом генерала Бубуты Боха, думала, что с Бубутиной легкой руки Тайные Сыщики считают придурками всех полицейских без разбора, и при этом была безнадежно, как ей казалось, влюблена в нашего сэру Кофу, начитавшись историй о котором еще в детстве решила служить в полиции.

Все это давным-давно осталось позади, включая несколько лет счастливого служебного романа с кумиром детства, и вдруг я обнаруживаю в Зале Общей Работы совершенно несчастную Кекки. Того гляди начнет жаловаться, что глупый начальник не способен понять смысл служебного рапорта, если тот не разбит на короткие предложения, максимум в пять слов, сэру Мелифаро при всякой встрече изводит дурацкими шутками про

полицейских, а сэр Кофа смотрит на нее, как на пустое место. И заревет.

А когда начинают реветь всякие прекрасные леди, это почему-то автоматически становится моей проблемой. Так уж заведено. Считается, будто я хорошо их успокаиваю, хотя в моем арсенале один-единственный метод: пригрозить, что если безобразие не прекратится, я зареву сам. На мое счастье, обычно эта угроза производит на страдалиц сокрушительное впечатление. А то даже не знаю, как бы я ее воплощал.

Но пока Кекки, хвала Магистрам, еще не ревела, значит, можно было попробовать просто поговорить. Я сел рядом и спросил:

– Что у тебя стряслось?

– Да у меня-то как раз ничего, – вздохнула она. – Спасибо, сэр Макс. Все в порядке. Просто как следует поработала. В смысле собрала информацию, а она иногда огорчает. Я все-таки живой человек.

– Я тоже, – подал голос Мелифаро. – В связи с чем предлагаю немедленно дать мне выпить. Чем больше, тем лучше. Чтобы я мог забыться невинным младенческим сном на рабочем столе.

Только теперь я заметил, что он тоже сидит как в воду опущенный. Не знаю, кстати, откуда взялось это выражение. Большинство моих знакомых, будучи опущенными в воду, делаются чрезвычайно довольными. И наотрез отказываются из воды вылезать.

– По-моему, пора воскрешать Лойсо Пондохву, – сказал мне Джуффин. Голос его звучал условно сердито, зато в глазах плясал веселый огонь. – Не то чтобы я истосковался, но ради общественной пользы готов его потерпеть.

– Какого рода пользы? – осведомился я. – Может быть, я помогу?

– Только если молниеносно развяжешь гражданскую войну. В идеале, не особо кровопролитную, но с какими-нибудь интересными спецэффектами вроде падения неба на землю и регулярных плясок взбесившихся лесных духов на всех городских площадях. Чтобы никому во всем городе спокойно не спалось.

– Можно попробовать. Но зачем?

– Выяснилось, что мирные времена оказывают на людей дурное влияние. Развивают чувствительность и смягчают характер. Что совсем неплохо для обычного горожанина, но нрав своих подчиненных я до сих пор как-то иначе себе представлял. И что теперь прикажешь делать с нашей золотой молодежью? Или даже поставим вопрос иначе: что им, таким нежным, делать в Тайном сыске? Сплошное расстройство каждый день.

– В крайнем случае всегда можно освоить профессию массажиста и заключить контракт на работу в Нунде, – заметил я. – Озарять светом своей

нежности будни суровых каторжников, ласковыми руками творить добро...

Перед моим носом возникла ласковая рука сэра Мелифаро, аккуратно сложенная в ласковый же кулак. С другой стороны Кекки грозила мне чем-то маленьким и красивым. Надо думать, тоже кулаком. На их лицах была отчетливо написана готовность безотлагательно озарить меня светом своей нежности. А потом догнать и еще пару раз озарить.

Что я действительно умею, так это поднимать боевой дух.

– Видишь? – сказал я Джуффину. – Оба уже готовы убить меня из-за сущей ерунды. Не так уж они безнадежны. Зачем нам Лойсо, сами справимся. Какие такие мирные времена? Но прежде, чем со мной будет покончено, я хотел бы узнать, что все-таки случилось. Последнее желание приговоренного положено исполнять.

– Не знаю, где такое положено, и знать не хочу, – ухмыльнулся Джуффин. – Хотя интересные должны быть места. Кекки тебе чистую правду сказала: ничего не случилось. Просто я попросил своих сотрудников навести справки о том, как жили наши покойники в последние годы. Ясно, что тихо-мирно, если уж даже Кофа потерял их из виду. Но я счел полезным вызнать подробности, в надежде, что между ними найдется что-нибудь общее. Какое-то связующее звено.

– И?..

– Пока не нашлось. Впрочем, Кофа намерен рыть дальше; не вижу в этом особого смысла, но еще меньше смысла его переубеждать. Хочет – на здоровье. Всяко веселее, чем тут с нами сидеть.

– Но вы же не поэтому расстроились? – спросил я Кекки и Мелифаро. – Ну подумаешь, не нашлось ничего общего, тоже мне великое горе. Отрицательный результат тоже ре...

– Да при чем тут какой-то дурацкий результат, – сердито сказал Мелифаро. – Просто он такую отличную школу собрался открывать!

– Кто? – опешил я. – Какую школу?

– Тумара Абальонс, бывший Старший Магистр Ордена Посоха в Песке, должен был скоро, буквально будущей весной открыть Младшую Высокую Школу. План не то чтобы секретный, но особо его не афишировали. Однако все уже было решено, Король отдал им одно из зданий бывших Дворцовых казарм на берегу Хурона и распорядился выделить деньги из казны на жалование учителям. Отличная могла бы выйти школа, вот ровно для таких, каким я был в детстве. Минуты на месте не мог усидеть. И ни одному учителю не удавалось заинтересовать меня больше, чем на ту же минуту. Счастье хоть родители понимали, что я так устроен, а вовсе не стараюсь им досадить, и развлекали как могли:

покупали головоломки, рассказывали страшные и смешные истории, все время придумывали новые игры. И даже не особо ругали за побеги – сперва из дома, потом из школы, вернее, из школ. Я их несколько дюжин сменил, только потому и не сошел с ума от тоски. Но мало кому так везет. Отец говорил, в старые времена ребят вроде меня просто в Ордена пораньше отдавали, и там им быстро становилось не до скуки. А в Эпоху Кодекса способным, но неусидчивым от избытка силы детям деваться стало некуда. Повзрослев, такие иногда портят статистику Приютов Безумных, но чаще просто увеличивают численность постоянных клиентов «Джубатыкского Фонтана».

– Понимаю, – кивнул я. – И этот бывший магистр придумал, как их надо учить?

– Да. Говорят, он еще у себя в Ордене охотно занимался с теми юными послушниками, которым грозило отчисление за невыносимый нрав. Те из них, кто пережил Смутные Времена, до сих пор ему благодарны. А заскучав в отставке, магистр Абальонс принялся разрабатывать универсальную методику одновременного обучения обычным знаниям и магии, вполне элементарной, но выходящей за пределы обычной бытовой. Фейерверки, прыжки, танцы на потолке, превращение репы в пирожное и другие дурацкие фокусы, которые так любят дети и отставные мятежные магистры.

Я невольно улыбнулся. Не знаю, как там с детьми, а насчет отставных магистров – в точку. Чем старше и могущественней, тем больше дурачатся; мы все по сравнению с ними серьезные пожилые хмыри.

– Суть метода в том, что к каждому ученику приставлены сразу два учителя, – продолжал Мелифаро. – В особо тяжелых случаях – три. И пока один заставляет делить и умножать дроби, второй следит, чтобы ученик в это время сидел на потолке и ни в коем случае не свалился. Третий может, к примеру, учить его жонглировать или вязать морские узлы. Некоторые особо сложные задачи разрешается решать не на потолке, а просто на бегу, одновременно подбрасывая мяч. Это отлично помогает не скиснуть раньше времени, по себе знаю. Только магии меня в детстве, к сожалению, не учили, в Эпоху Кодекса о таком даже мечтать было нельзя. Поэтому Тумара Абальонс не особо рассчитывал, что получит шанс применить свою методику на практике. Но все-таки получил. Как только были приняты первые поправки к Кодексу, он быстренько восстановил былые связи при Королевском Дворе и начал пробивать идею специальной начальной школы для особо одаренной и необузданной малышни. На это ушло несколько лет, потому что мало кто считает талантливых детей какой-то особой

проблемой, требующей специального решения. А все-таки старик добился своего! Но теперь, наверное, никакой Младшей Высокой школы не будет. Тумара Абальонс умер, а методика его, а не коллективная. И с Королем договаривался он, а не его помощники. Ну и... Ну и все.

– Если помощники толковые, смерть Магистра Тумары, в худшем случае, только отсрочит открытие школы, – сказал Джуффин. – А если бестолочи, значит ничего бы и не получилось, даже останься он жив. Но вряд ли это так: человек, способный найти подход к умным детям, не станет окружать себя взрослыми дураками. Старику и правда можно посочувствовать, не хотел бы я умереть, не закончив настолько важное дело, но Младшую Высокую школу хоронить рано. Так что если хочешь напиться с горя – на здоровье, но только после работы. И за свой счет.

– За свой счет никакого смысла, – пожал плечами Мелифаро. – По справедливости, мое пьянство должно быть оплачено казной по статье «излечение от полученных на службе душевных ран». Потому что школа школой, но осенней ярмарки удивительных умений, которую собиралась провести леди Лайори Макарайнис, мне тоже безумно жаль.

– Что за ярмарка? – спросил я.

– Для таких, как она сама: алхимиков, механиков, ювелиров и прочих мастеров, которые после принятия поправок к Кодексу бросились возрождать всякие старинные ремесленные секреты и на их основе придумывать новые. Многие сейчас делают совершенно удивительные вещи, способные украсить и облегчить жизнь, но продавать их и даже просто показывать широкой публике не имеют возможности. Мало кто готов превратить свой дом в лавку или часами стоять на Сумеречном рынке без надежды на успех – поди продай неведомо что людям, которые пришли за едой и зельями с заранее составленным списком необходимых покупок. А деньги мастерам нужны как мало кому, не столько даже на жизнь, сколько на инструменты и материалы. Поэтому леди Лайори решила арендовать на полдюжины дней площадь Побед Гурига Седьмого и устроить там ярмарку. Уверен, затея имела бы грандиозный успех. Столичные жители без ума от всяких редкостей и новинок, дело за малым: собрать все в одном месте и всех туда позвать.

– Отличная штука!

– Да. Только теперь ничего не будет. Леди Лайори собиралась проводить ярмарку на свои средства, для аренды площади нужно три сотни корон, у других участников таких денег нет. А ее наследников сперва еще отыскать надо. Это, как я узнал, очень дальние родственники, уехавшие куда-то в Уандук еще во время гражданской войны. Но даже если они

быстро найдутся, зачем бы им платить за какую-то ярмарку в городе, где они уже почти двести лет не живут? В общем, гиблое дело.

– Как жалко!

– Вот и я о том же. А еще у нас теперь не будет летающих досок, работающих на кристаллах для амобилеров. Прикинь, ты на ней стоишь, а она летит над крышами! Всего семнадцатая ступень Черной магии, вообще любому доступна, не о чем говорить.

Мы с Кекки хором охнули, пытаясь вообразить такой полет. Джуффин придал своему лицу скептическое выражение, но получилось настолько неубедительно, что он и сам это понял. И отвернулся к окну.

– Я как раз о чем-то таком мечтал в детстве, – признался Мелифаро. – И упорно расспрашивал взрослых, можно ли смастерить какую-нибудь летающую штуку, но они не знали. И вдруг выясняется, что сэр Уриманди Файя придумал, как воплотить мою мечту. И даже начал собирать пробный экземпляр. Но не успел, представляете, как обидно? И доделать некому: учеников у него не было. Что понятно, при таком-то тяжелом характере! От него говорят, не только жена с дочками, а даже дверной замок давным-давно сбежал.

– Такое порой случается, – тоном знатока подтвердил Джуффин. – Старинные талисманы обычно обладают чувством собственного достоинства, а потому довольно придиричивы в выборе хозяев. На некоторые даже голос повышать нельзя.

– И театральных дней, которые, оказывается, несколько раз в год проводил в саду своего дома сэр Тимбути Мариян, тоже больше не будет, – мрачно добавил Мелифаро. – Лично я спокойно без них проживу, но моя жена затоскует. Кенлех, как внезапно выяснилось, обожает эту ерунду. Теперь ревет в три ручья. Говорит, никто в столице кроме сэра Марияна не станет искать таланты по деревенским трактирам и за свой счет привозить в столицу, чтобы показать паре дюжин безумных любителей старой классической драмы. Так что это горе теперь тоже, считайте, мое.

– И мое, – утешил его я. – Угадай, к кому твоя жена прибежит жаловаться на трудности возрождения классической драмы, убедившись, что ты принимаешь ее нытье слишком близко к сердцу?

– Только это и утешает, – ухмыльнулся Мелифаро. – Обожаю тебя огорчать. Вот если ты еще и зверей к себе заберешь, цены тебе не будет.

– Каких зверей?! – опешил я.

– Дурацкий зоопарк Аринамы Коты. Все эти экзотические чудища совершенно не приспособлены к жизни в наших краях. Что теперь с ними будет? Не в лес же выпускать... С другой стороны, а что еще делать, если

слуги к ним подойти боятся? Трикки молодец, приставил своих полицейских кормить этот безумный зоосад, но долго они не продержатся: генерал Бубута ежедневно скандалит, а наследники сэра Коты весьма настойчиво спрашивают, когда их недвижимость будет освобождена от так называемых следственных улики.

– Даже не мечтай, – твердо сказал я. – Ноги этого арварохского зайца и его друзей в моем доме не будет. Себе забирай. У тебя, хвала Магистрам, тоже достаточно места.

– Могу успокоить вас обоих, – подал голос Джуффин. – Даже не надейтесь присвоить этот зверинец, у вас слишком серьезный конкурент. Его Величество, узнав о несчастье, случившемся с сэром Ариноймой, выразил готовность приютить его коллекцию в Замке Рулх.

– Король любит экзотических животных? – удивился Мелифаро.

– Я бы сформулировал иначе: Его Величество любит ставить своих придворных в крайне затруднительное положение. По-человечески его можно понять.

– И ядовитого зайца тоже допустят ко двору? – потрясенно спросил я.

– Боюсь, именно ради него все и затевается. Насколько я успел изучить нашего Короля.

– Я рад, что звери пристроены, – улыбнулся Мелифаро. – Первая хорошая новость за весь этот дурацкий день!

– Ну ты даешь, – укоризненно сказал Джуффин. – Чем тебе остальные новости не угодили? Лично я был рад узнать, что в городе творятся такие интересные дела.

– Так в том-то и дело, что не творятся. Могли бы твориться, но – нет. Ничего у нас не будет. Ладно, насчет школы вы, надеюсь, правы, но не видать нам ни ярмарки, ни летающих досок, ни театральных сборищ. С этим непросто смириться. Покойников в морге Управления Полного Порядка на моей памяти перебывало немало, и я думал, что вполне к этому привык. Но вдруг выяснилось, что иногда смерть – это гораздо больше, чем просто смерть. Без одного-единственного человека может осиротеть целый город, а то и весь Мир. И даже не узнать, что потерял. Как-то это... – нечестно, что ли? – убивать людей, занятых важными делами, вот так, посреди процесса, не дав завершить. Можете не говорить, что справедливости не бывает. Я знаю. Но все равно хочу, чтобы она хотя бы иногда, в виде исключения была.

– Хочешь – значит сделай, чтобы стало по-твоему, – заметил Джуффин. – Что толку зря хотеть? Правда для этого тебе придется изменить фундаментальные законы Вселенной, но настоящего поборника

справедливости такие пустяки останавливать не должны.

– Хорошо вам смеяться... – начал было Мелифаро.

– Смеяться вообще всем хорошо, – согласился Джуффин. – Отличное занятие. Но сейчас я не смеюсь, а просто помогаю тебе осознать масштаб поставленной перед собой задачи. Ты, хвала Магистрам, не первый год занимаешься магией и должен бы уже привыкнуть, что для нас не бывает просто желаний. Хотеть – это и есть делать, сознательно, или бессознательно вкладывая в достижение желаемого немалую часть себя. Такие вещи следует понимать и держать несбыточные желания под контролем, чтобы не кормить своей силой и вниманием прожорливую бездну неосуществленных намерений. Она, к твоему сведению, не менее реальна, чем мой сапог или, к примеру, Темная Сторона. Но если у тебя однажды станет достаточно могущества для изменения Мира, можешь снова начинать хотеть невозможного – да хоть справедливости, почему нет. Помочь тебе в этом деле я вряд ли смогу, но и мешать не стану. Не откажусь посмотреть на Мир, где существует справедливость, как ты себе ее представляешь. И даже некоторое время в этом удивительном месте пожить.

– Вот и я не прочь оказаться в таком Мире, – вдруг сказала примолкшая было Кекки. – Скверная это все-таки штука – внезапная смерть здорового, полного сил и планов человека. Особенно в мирные времена, как сейчас. После нее остается... – не знаю, как лучше сказать, – беспорядок? Или просто дыра? А иногда очень много дыр сразу. И сразу как-то невольно примеряешь это на себя и думаешь: получается, нет никакого особого смысла во всех наших делах, если они могут остаться незавершенными из-за ерунды вроде плохо закрепленного книжного шкафа. И в человеческих связях, если они могут вот так оборваться в любой момент, без всякой нашей вины. И начинаешь грустить, не столько об умерших, сколько о себе. Но и о них, конечно, тоже. Есть о чем сожалеть. У этого Гламмы Йонгутари такая чудесная девушка, видели бы вы! Золотое сердце. Но это, как оказалось, не имеет значения, наши достоинства не делают неуязвимыми тех, кого мы любим. И нас самих тоже. Сэру Тарайоту Мулине его поздний счастливый роман тоже не помог остаться в живых. А знаете, какая отличная тетка была леди Шаторая Тариоти?

К моему удивлению, не только мы с Мелифаро, но и Джуффин отрицательно помотал головой.

– И я не знала, – вздохнула Кекки. – И даже Кофа, а это значит, вообще никто. А оказывается, леди Шаторая много лет бесплатно помогала

знахарям в Приюте Безумных. Законов даже в Эпоху Кодекса не нарушала, в смысле, не колдовала, просто использовала врожденную способность успокаивать одним своим присутствием лучше всяких кристаллов смирения. Сидела часами с самыми несчастными безумцами, слушала их бредовые жалобы, гладила по голове. Знахари об этом никому не рассказывали, причем по ее настоятельной просьбе. Леди Шаторая почему-то было очень важно, чтобы никто о ее добрых делах не знал.

– Похоже, леди приняла обет бескорыстных деяний, – объяснил Джуффин. – Старинная забава, но после окончания Эпохи Орденов о нем многие вспомнили. Чаще всего такой обет принимают, чтобы избавиться от чувства вины, которое чрезвычайно опасно для магов: ощущающий себя виноватым – неважно в чем, значение имеет только искренность и острота чувства – как правило, постепенно теряет силу. Чтобы избавиться от такой напасти, за любой способ ухватишься, и обет бескорыстных деяний как миленький принесешь. И будешь потом хранить в тайне все свои маломальски альтруистические поступки, чтобы никто не узнал и не похвалил. Потому что похвала тоже своего рода вознаграждение, а, значит, получивший ее нарушил обет.

– Ничего себе, какие сложности! – ужаснулся я. – Счастье, что я обычно ощущаю себя виноватым максимум полчаса, а потом на что-нибудь отвлекаюсь, и привет.

– Да, – совершенно серьезно подтвердил Джуффин. – Рассеянность – одна из твоих самых сильных сторон, пользы от нее гораздо больше, чем неудобства, – и сказал Кекки: – Очень интересная информация о леди Шаторая Тариоти, хоть и несколько запоздалая. Но что ж теперь локти кусать.

– Погодите, это еще не вся история, – сказала Кекки. – Иногда леди Шаторая водила к безумцам свою, теперь тоже покойную, сестру леди Марану. А с той, оказывается, отдельная интересная штука: изредка, буквально на пару часов у леди Мараны просыпались магические способности такой огромной силы, что ей даже делать ничего было не надо. Никаких специальных трюков и заклинаний, просто рядом с ней все внезапно приходило в порядок – само, без видимых усилий. Поломанные вещи чинились, больные выздоравливали, засохшие деревья начинали зеленеть, и даже скисший компот мог снова стать свежим. Дома у леди Шаторай есть индикатор магии, купленный на Сумеречном рынке в ту пору, когда бывший заместитель генерала Боха тайком продавал спекулянтам списанное полицейское имущество – так вот, он на все это вообще не реагировал, как будто происходящее – не Очевидная магия, а

что-то совсем другое.

– Ничего себе, – изумился я. – И так бывает?

– Я тебе уже триста тысяч раз говорил, что бывает вообще абсолютно все, – заметил Джуффин. – Просто кое-что настолько редко, что всякий раз заново удивляет. Такие способности, как у леди Мараны Тариоти действительно уникальное явление, но все же описанное историками магии. В старые времена, я имею в виду, совсем в глубокой древности, еще до Ульвиара Завоевателя, таких людей называли забытым нынче словом «oleydasлаха». Примерное значение «лопата судьбы».

– Именно «лопата»?

– Ну да. По-моему, довольно метко: рабочий инструмент, при помощи которого и дерево можно посадить, и могилу вырыть, и, если понадобится, какого-нибудь недостаточно милого человека в эту могилу уложить. Видимо наши далекие предки считали, что судьба использует способности этих людей, когда сама сочтет нужным, а в остальное время они спокойно стоят в сарае. То есть живут своей жизнью. Кстати, о том, что Марана Тариоти была олейдаслаха, я не знал. Ясно теперь, почему женщины Решеток и Зеркал набивались ей в подруги, но в Орден не звали. Очень интересно! А в Приюте Безумных в дни визитов леди Мараны небось непременно кто-нибудь выздоравливал?

– Именно так, – кивнула Кекки. – Хотя она ничего для этого не делала. Даже не испытывала желания, чтобы пациенты выздоровели. Ходила к ним по просьбе сестры, но ей было все равно.

– Слушай, а откуда ты все это знаешь? – спросил я. – Понимаю, секреты мастерства и все такое, но в этой области я тебе явно не конкурент. Зато от любопытства вполне могу... нет, умереть на месте это все-таки перебор. Но, к примеру, начать кусаться – вполне.

– Да ладно тебе – кусаться! – улыбнулась Кекки. – Невелик секрет. У леди Шатораи была компаньонка, что-то среднее между подругой и помощницей по хозяйству. То есть работала она как бы бесплатно, но жила в доме на всем готовом и регулярно получала достаточно дорогие подарки; на самом деле многие так поступают, если не хотят превращать взятых в дом обнищавших друзей и дальних родственников в слуг. Бедняжка обожала покойную и теперь горюет, хоть и получила неплохое наследство. Милая женщина, спокойная, рассудительная и при этом чувствительная до крайности, таких обычно несложно разговорить. Достаточно было сказать, что я специально приехала из Гугланда, чтобы поблагодарить покойную за некое благодеяние, подробности которого разглашать не могу, как она спросила, не об исцелении ли от тяжелой душевной болезни речь. А

дальше мне оставалось только слушать, поддакивая в нужных местах. Бедняжка со дня кончины своей покойной покровительницы разрывается между желанием поведать Миру о ее добрых делах и обещанием хранить тайну, а тут такая удача – появляется слушательница, которая, с одной стороны, как ей показалось, сама в курсе, а с другой, знает далеко не все. И понеслось.

– Ну ты мастер! – искренне восхитился я.

– В этой области уже, пожалуй, более-менее, – согласилась Кекки. – Но во всех остальных я пока считай даже учиться толком не начала.

– Это может сказать о себе любой, у кого голова на месте, – заметил Джуффин. – Как только кажется, будто уже выучился всему, самое время отправляться к знахарю за зельем для прояснения ума.

– Сэр Валенсо Торавейс, кстати, как раз что-то подобное составил, – невольно улыбнулся Кекки. – Ничего особенного, но помогает сосредоточиться на умственной работе тем, кто ослаб после долгой болезни или просто очень устал. Абилат, к которому я обратилась за экспертной оценкой, считает, хорошее получилось зелье, он его своим пациентам уже не раз рекомендовал. Я еще подумала: ну хвала Магистрам, хоть кто-то успел доделать важную работу. А потом посмотрела на молодую жену сэра Валенсо и поняла, что все равно никому не хвала. И горюю теперь, как дура.

– Ну и правильно делаешь, – сказал я. – Я тоже всегда обо всех горюю. Даже о тех, у кого не осталось ни важных дел, ни изобретений, ни жен, ни мужей, а одни неоплаченные счета, неотправленные письма и характер как у того бедняги, от которого сбежал дверной замок. Потому что я хочу, чтобы жизнь всегда торжествовала над смертью. А когда не получается, я горюю. И злюсь.

– Все-таки в первую очередь злишься, что вышло не по-твоему, – усмехнулся Джуффин. – И ты, такой прекрасный, не сумел этому помешать. А неблагодарный Мир зловредно продолжает существовать в столь невыносимой для тебя ситуации, даже солнце восходит в положенный момент, а не на четыре часа позже – да как оно смеет вообще! И еще дополнительно злишься просто так, для удовольствия и в силу темперамента. Ну и немножко горюешь, разнообразия ради. До Лойсо Пондохвы тебе пока далековато, но тоже вполне рабочий подход.

– Спасибо, – поблагодарил его я. – Приятно узнать, насколько эффектно выглядишь со стороны. Изнутри-то я себя в такие моменты ощущаю размазней.

– Хочешь ощущать всякие глупости – на здоровье, – пожал плечами

шеф. – Главное – не пытайся пожалуйста стать тверже, чем уже есть. Чего-чего, а скорого конца Мира нам Нумбанский Пророк не предсказывал. Не хотелось бы ставить великого человека в неловкое положение. Поэтому с закалкой характера, будь любезен, повремени.

– Ладно, – согласился я. – Повременю. Есть в Море вещи и поинтереснее.

Со мной вообще очень легко договориться, особенно если предварительно накормить. Но у Джуффина даже без кормежки неплохо получается.

* * *

– Зачем я тебе понадобился? – спросил Кофа. – Ты же был в Доме у Моста, а значит, выслушал Кекки и Мелифаро. Ничего нового я тебе не скажу.

– И хвала Магистрам. С меня пока хватит. Сперва разобраться бы с теми новостями, которые я уже узнал. А вы мне понадобились просто так, для счастья. Нет никакого смысла ужинать без вас, если можно с вами, я всегда так считал.

– Когда ты успел научиться льстить? – усмехнулся Кофа.

– Обижаете. Вам я с первого дня знакомства говорю примерно одно и то же: нет лучшей компании для завтрака, обеда и ужина, чем ваша. И это гораздо больше, чем просто правда, это общеизвестная банальность. Вода – мокрая, небо – сверху, лучший сотрапезник в этом Море – сэр Кофа Йох.

– Да, ты всегда это говорил, – согласился Кофа. – Просто раньше физиономия у тебя при этом была донельзя простодушная. А теперь нет.

– Есть такое дело, – покаянно кивнул я. – Боюсь, с тех пор я несколько поумнел. Это, наверное, побочный эффект от регулярных занятий Очевидной магией. Страшная штука. От нее в голове образуется ум. И потом уже все, не избавишься. Прощай, беспечная жизнь.

– Ну, до полной катастрофы тебе пока еще далеко, – утешил меня Кофа. – А уж хитрецом тебе, боюсь, не стать никогда, разве что легендарное шиншийское «лисье зелье» раздобудешь и выпьешь сразу полведра. Впрочем, лично я в его существование не верю. Было бы оно в природе, его бы тут же привезли в Кумон и продавали бы там всем желающим по цене подержанного парусника. А так – только болтают. Впрочем, к делу это отношения не имеет. Я просто хотел сказать, у тебя на лице написано, что ты не просто так напророчился со мной поужинать, а с

какой-то корыстной целью. Ума не приложу, с какой.

– Во-первых, я хотел посмотреть, каким способом вы едите этот зловещий мрак, – признался я, указывая на миску, наполненную полужидкой субстанцией темно-лилового цвета, то есть чрезвычайно модным в этом сезоне бахрийским холодным густым супом «шлопс». – Штука в том, что одни мои знакомые едят ее ложкой, другие вымачивают в ней какие-то специальные черствые лепешки, а третьи просто пьют, как компот. Я подумал, уж вы-то точно знаете, как правильно. Буду за вами повторять и никогда не опозорюсь. Но вы...

– А я то зачерпываю ложкой, то макаю хлеб, то отпиваю, – ухмыльнулся Кофа. – Но не для того, чтобы сбить тебя с толку. Просто все три варианта считаются допустимыми в публичных местах и даже, не поверишь, при Королевском дворе, только там лепешки, конечно, разламывают и подкладывают в суп специально приставленные к едокам слуги. А что ты хотел от меня во-вторых?

– Сперва дайте честное слово, что никому не расскажете.

– Клятву, надеюсь, можно не приносить? – нахмурился Кофа. – Этого я не люблю.

– Я тоже терпеть не могу клятвы. Ни одной до сих пор не выучил и собираюсь продолжать в том же духе. Просто знайте, что для меня очень важно оставить это дело в секрете. Оно пустяковое, но все равно.

– Ладно, – кивнул Кофа. – Чужие секреты я люблю собирать, а не выбалтывать. Однако ты меня заинтриговал! Выкладывай, что у тебя за дело?

– Вы наверняка в курсе, кто, кроме леди Лайори Макарайнис, занимался ярмаркой Удивительных Умений. Не одна же она все тянула.

– Не одна. Там чуть ли не три дюжины организаторов. Это совсем не секрет. Перечислить их поименно?

– Не надо. Все равно сразу забуду. Не то чтобы я жажду с ними познакомиться. Просто хочу помочь этим людям с арендой площади Побед Гурига Седьмого. Для них это теперь непосильная плата, а у меня в сундуке как раз случайно завалялись лишние три сотни корон. Зря только место занимают, мне собачьи ошейники некуда сложить.

– Тебе-то зачем эта ярмарка?

– Просто чтобы была. Вопреки трагическим обстоятельствам. Мелифаро сказал: леди Лайори умерла, денег нет, следовательно, никакой ярмарки не будет. А я люблю нарушать причинно-следственные связи. Эй, не смотрите на меня так! Некоторые. Не все подряд.

– И на том спасибо, – проворчал Кофа. – Не хотелось бы в один

прекрасный день оказаться в Море, где их вовсе нет.

– Это вряд ли, – утешил его я. – Совсем без причинно-следственных связей мне и самому будет довольно неуютно. Сразу станет нечего нарушать. Но вот эта конкретная меня натурально бесит. А цена вопроса совершенно не останавливает. Дело за малым: как бы эти деньги им передать? Чтобы и взять согласились, и потратили, как собирались, на ярмарку, а не в ближайшем трактире, и меня при этом в благотворительности не заподозрили. Ни организаторы, ни торговцы, ни наши с вами коллеги, вообще ни одна живая душа.

– Но почему это для тебя так важно? Не мог же ты?..

– Дать обет бескорыстных деяний? Конечно, не мог. Если я однажды решусь на подобную глупость, пристрелите меня, пожалуйста, из полицейского бабума. Ну или сперва отведите к хорошему знахарю, вдруг все-таки спасет.

– Вот уж в чем тебя невозможно заподозрить! – рассмеялся Кофа. – Как только в голову такое пришло? Я имел в виду, не мог же ты выведать, к примеру, секретные приемы лесных кузнецов эпохи Ульвиара Безликого и втайне от всех по ночам ковать какие-нибудь серьги-талисманы, которые теперь рассчитываешь выгодно на этой ярмарке продать.

– Ковать серьги на продажу?! Пожалуй, это такое же безумие, как давать обеты. Если не худшее.

– Совершенно согласен. Но тогда зачем разводить такую таинственность? Ну дашь ты им денег, люди будут тебе благодарны, в городе посудачат, гадая, которая из мастериц наступила тебе на сердце, назначат дюжину возможных кандидаток, некоторое время будут за ними следить, но еще до конца года забудут. Что в этом такого ужасного?

– Во-первых, они могут испугаться, что я однажды потребую какой-нибудь кошмарной расплаты. Например, прийти ко мне на ужин в качестве гарнира...

– Все-таки не стоит недооценивать наших горожан. Они уже давно перестали ждать от тебя откровенного людоедства. Слишком долго ты никого не ел, а люди обычно умеют прогнозировать развитие событий, опираясь на предыдущий опыт.

– Ладно, не буду недооценивать. Но жалкие остатки моей былой репутации все же хотелось бы сохранить. Вдруг еще пригодятся? Никогда заранее не знаешь, кого и чем придется завтра пугать. Человеку, о котором доподлинно известно, что он с энтузиазмом раздает деньги на всякие дурацкие ярмарки, это сделать трудней. Да и соответствующих шуток сэра Джуффина и Мелифаро хотелось бы избежать. Я не особо обидчив, просто

заранее знаю, что каждый из них способен сказать по этому поводу. И предпочел бы вести с ними обоими беседы на темы, которые более выгодным образом раскроют их интеллект.

– Пожалуй, ты прав, – невольно улыбнулся Кофа. – Ладно, если сам не проболтаешься, никто ничего не узнает. А передать деньги по назначению проще простого. Так что считай, три сотни корон ты уже промотал.

– Не промотал, а совершил самую выгодную сделку в своей жизни, – серьезно сказал я. – Когда еще подвернется возможность отменить – ладно, пусть не сама смерть, но хотя бы часть ее последствий – просто заплатив за это деньги. Обычно такие вещи нельзя купить.

* * *

С тех пор, как я устроил себе кабинет в башне Мохнатого Дома и выучился ходить Темным Путем, чтобы не карабкаться туда всякий раз по лестнице, у меня появилось любимое развлечение: спать в кабинете. То есть сперва это звучало гораздо скромнее: «случайно уснул на диване в башне», – но моих домашних это всякий раз приводило в замешательство, граничащее с возмущением и одновременно священным трепетом. Всем в моем доме (и, подозреваю, в Мире) ясно, что спать следует в спальне. А в кабинете, напротив, заниматься тяжелой умственной деятельностью – в одиночку или в компании специально приглашенных интеллектуалов. Считается, будто поступать как-то иначе не то чтобы даже нельзя, а попросту невозможно, по крайней мере, пока ты хотя бы до какой-то степени человек.

Ну, положим, от приставленных к Мохнатому Дому специально обученных Королевских слуг иного подхода ожидать не приходится, но и Базилио, даром что чудовище, которому, по идее, человеческие законы не писаны, смотрит на меня как на культурного героя, несущего Соединенному Королевству ужасы неминуемого прогресса, отчаянно завидует моей бесшабашности, но повторить подвиг, переночевать в собственном кабинете или хотя бы пообедать в спальне, не решается. Говорит, может быть, когда-нибудь в следующий раз.

Даже собаки оказались фраппированы моим поведением; умник Дримарондо время от времени проводит со мной душеспасительные беседы, в ходе которых пытается деликатно намекнуть на необходимость соблюдения некоторых общепринятых правил поведения. Впрочем, его-то как раз легко понять: оба пса любят мою компанию, а еще больше

бутерброды, которые я вечно за собой таскаю, но бегать за мной по лестнице в башню им лень. Что, с моей точки зрения, только дополнительный плюс. Иногда.

В общем, на фоне общих укоризненных вздохов я почувствовал себя натурально анархистом, попирающим основы бытия, возгордился и объявил, что спать в кабинете – мое новое хобби. Теперь я так развлекаюсь, и точка. Непосвященным в таинства Истинной магии не понять. Окончательно обнаглев, я строго-настрого запретил производить в этом помещении так называемую уборку, то есть процесс изъятия у меня самых необходимых вещей с последующим захоронением их в тайниках, именуемых шкафами и кладовыми, и жизнь моя наконец-то наладилась, стала простой, понятной и предсказуемой. По крайней мере, в Мире появилось место, где можно держать книги на полу, лоохи на спинке стула, бутылку с бальзамом Кахара под подушкой, а запас сигарет – да хоть в стакане, предварительно его осушив. И твердо знать, что никто никогда никуда все это не уберет. Даже как-то глупо уходить из столь надежного убежища в какую-то дурацкую спальню только потому, что там, видите ли, есть так называемая «нормальная постель». Для человека, натренированного спать сидя в жестком служебном кресле, узкий короткий диван – практически королевское ложе. А я и есть такой человек.

Поэтому в том, что ранний летний рассвет я встретил в башне, на диване, укутанный в старое лоохи, успешно исполняющее сразу две роли, домашней пижамы и одеяла, в обнимку с полудюжиной книг, ни одну из которых не спешил дочитывать до конца, не было ничего необычного. Кроме, возможно, того обстоятельства, что я уже успел задремать: так рано я довольно редко засыпаю. Но длинный день после бессонной ночи, начавшийся с утреннего совещания и продолжившийся бесконечными вариациями на ту же тему, знатно меня ухайдакал.

Чем хорош неудобный диван: сон на нем не лишает бдительности. Когда я сплю в нормальной человеческой постели, у меня на голове можно пилить дрова. В самом худшем случае, я выругаюсь, перевернусь на другой бок, и усну крепче прежнего. Но когда ухо упирается в деревянный подлокотник, одна нога поневоле подтянута к подбородку, а другая элегантно свешивается на пол, спящее сознание чутко прислушивается к каждому шороху в надежде, что он станет поводом прекратить кошмар, именуемый отдыхом в кабинете.

В общем, я подскочил как миленький – не то чтобы услышав, слышать там было нечего – скорее, просто почуяв, что на крыше кто-то есть.

Само по себе это не то чтобы выдающееся событие. На то и моя

крыша, чтобы в любое время суток там околачивались всякие подозрительные типы: я сам им разрешил. Это вполне мог оказаться Нумминорих, с которого станется вскочить ни свет ни заря, чтобы потренироваться ходить Темным Путем по моему запаху, или Меламори, в очередной раз промазавшая мимо цели, то есть увидевшая в своем учебном сновидении не меня самого, а только крышу моего дома. Или сэр Шурф, которому понадобилось спокойно посидеть и подумать в приятной обстановке, или леди Анна, улучившая уникальный момент, когда к потрясающему виду с крыши Мохнатого Дома не прилагается ненужная нервотрепка в виде меня, или... в общем, можно навскидку выдвинуть еще с полдюжины версий. А ведь кроме предсказуемых ситуаций в жизни бывают еще и сюрпризы. В моей, к примеру, их даже несколько больше, чем требуется, чтобы не заскучать.

Вот и сейчас я был готов спорить, что на крыше появился кто-то чужой. Какое-никакое чутье у меня все-таки есть.

Отработанным жестом я достал из щели – не между Мирами, всего лишь между жесткой диванной спинкой и почти такой же жесткой подушкой – бутылку с бальзамом Кахара, сделал совсем маленький глоток, буквально несколько капель, чтобы бодрости хватило на ближайшие полчаса, а потом можно было завалиться спать дальше, убедился, что мое домашнее лоохи все еще более-менее похоже на одежду, распахнул настежь ведущее на крышу окно и сказал:

– Привет.

А не дождавшись ответа, вылез туда целиком.

– Извините, пожалуйста. Я думал, что достаточно хорошо управляю своими поступками, но это, к сожалению, не всегда так.

На меня во все глаза, огромные, в пол-лица, смотрел белобрысый кудрявый подросток, великолепный секретарь сэра Шурфа, он же спящий Магистр Клари Ваджура. Физиономия его, надо сказать, выглядела скорее довольной, чем виноватой. С таким видом обычно не извиняются, а орут: «А вот и я!»

Надо сказать, увидев его, я сразу подумал: «Какой кошмар, теперь этот тип повадится ходить ко мне в гости вместо того, чтобы работать. Шурф меня убьет и будет совершенно прав». И только потом сообразил, что визит на рассвете к малознакомому человеку без предварительной договоренности – это не совсем обычное поведение. Воспитанные люди так не поступают; невоспитанные, впрочем, тоже нечасто и обычно с понятной практической целью вероломно убить хозяина дома. Или хотя бы

попытаться ограбить. Но это все-таки вряд ли. Зачем ему такой страшный сон?

– С вашей крыши открывается великолепный вид на город, – тоном завсегдатая светских вечеринок заметил незванный гость.

Сейчас, когда мы были вдвоем, он говорил так же тихо, как днем. Только теперь я сообразил, что это скорее манера человека, привыкшего, что к нему всегда очень внимательно прислушиваются, чем деликатное опасение кому-либо помешать.

– Да, – согласился я. – По общему мнению, лучший в столице. Даже крыша замка Рулх ему проигрывает – по той простой причине, что оттуда не видно самого замка Рулх.

И адресовал ему вопросительный взгляд. Дескать, и что из этого следует?

– Я еще нынче днем хотел попросить у вас разрешения полюбоваться отсюда восходом солнца, – сказал Клари Ваджура. – Однако не решился, отложил на будущее. Счел, что для этого мы пока недостаточно близко знакомы. А получается, все-таки следовало спросить, не попал бы тогда в неловкое положение. Я так страстно желал насладиться этим зрелищем, что на рассвете обнаружил себя здесь. И что гораздо хуже, не сумел исчезнуть при вашем появлении, хотя предпринял необходимые усилия. Не предполагал, что все еще способен утратить контроль над собственными действиями, как в былые времена, но, к сожалению, это так.

Я вежливо улыбнулся, не в силах сообразить, как мне себя с ним вести. Иронически похвалить чудесную способность совершенно нечаянно оказаться на чужой крыше? Спросить, о какого рода контроле и над какими именно действиями он толкует? Молча изобразить недоумение? Или не трудиться делать вид, будто я не понимаю, о чем речь?

Клари Ваджура сам положил конец моим сомнениям.

– Вы, разумеется, знаете, как обстоят мои дела, – сказал он. – Сперва не знали, но довольно быстро все поняли; полагаю, это как-то связано с непродолжительным визитом человека, который пришел сюда Темным Путем. Он вовсе не так прост, как вы оба старались изобразить.

Я кивнул. Потому что если не подтвердить правильную версию, дело будет выглядеть так, словно сэр Шурф, наплевав на уговор, разболтал мне тайну своего секретаря. А это уже форменная клевета.

– Заподозрили, что со мной не все ладно, и вызвали эксперта? – спросил мой гость. – Я не в обиде, сам бы на вашем месте так поступил. Все к лучшему, по крайней мере, теперь мои извинения звучат гораздо более убедительно. Вы наверняка по собственному опыту знаете, как

происходят такие вещи: на рассвете, когда бесчисленные дела, удерживающие мое внимание в стенах Иафаха, оказались завершены, мне внезапно приснилось, что я стою на вашей крыше и смотрю отсюда на пробуждающийся город. И я пока не могу это прекратить. Видимо, недостаточно сильно хочу.

И улыбнулся, явно с целью окончательно меня обезоружить. Это у него, надо сказать, получилось на славу.

– Ясно, – сказал я. – Добро пожаловать, если так. Не только сейчас, в любое время. Не могу же я всерьез запретить кому-то видеть мою крышу во сне.

– Большое спасибо. Для меня огромная удача получить ваше разрешение. Надеюсь, беспокойства от меня будет немного. Прежде... – так и тянет сказать: «при жизни», – но формально я до сих пор жив – словом, когда я существовал наяву, я вовсе не был чувствителен к красоте окружающего мира. И разговоры о ней считал занятием для бездельников, которым больше некуда приложить ум и воображение. А теперь не просто научился ценить красоту, но стал нуждаться в ней как в пище. И острота наслаждения от ее созерцания мало с чем сравнима. Пожалуй, самый неожиданный из побочных эффектов жизни в сновидении. И несомненно, самый приятный.

– А как у вас обстоят дела с обычной пищей? – спросил я. – В смысле могу ли я вас чем-нибудь угостить?

Он отрицательно помотал головой.

– Нет смысла хлопотать. Иногда еда может стать для сновидца вроде меня источником довольно любопытных переживаний, но, положила руку на сердце, они не стоят усилий, которые приходится затрачивать, чтобы их ощутить. Если хотите меня порадовать, сожгите что-нибудь или закурите. Мне очень нравится дым. И поговорите со мной, все равно о чем. Я отдаю себе отчет, что это звучит довольно бесцеремонно, но разговоры, чтение и письмо доставляют мне почти такое же удовольствие, как созерцание красоты. А молчаливые размышления изматывают, как тяжелая работа. Тоже одна из интересных особенностей жизни во сне.

– Да вы просто идеальный гость, – улыбнулся я, доставая из кармана лоохи измятую, но все еще целую сигарету. – Легче легкого вам угодить! И курить, и трепаться я могу практически бесконечно. Не так много в Мире охотников это терпеть.

– Вы говорите неправду, – без тени улыбки возразил Клари Ваджура. – Охотников более чем достаточно. У вас дар располагать к себе, примерно такой же силы, как был у недоброй памяти Магистра Лойсо Пондохвы.

Только он сознательно выработал в себе это качество и использовал как оружие. А вы большую часть времени предпочитаете вовсе не замечать, что оно у вас есть.

Я удивленно покачал головой:

– Ну слушайте, не настолько все страшно. На самом деле куча народу меня терпеть не может.

– Уверен, это как раз те люди, которые не понимают, что вы не нарочно всех очаровываете. И одновременно досадуют, что до них вам нет дела, даже корыстно использовать в каких-нибудь своих темных целях не пытаетесь, обычно для очарованных это настоящая катастрофа. Неудивительно, что люди стараются защититься от вашего обаяния неприязнью. А если для возникновения сильной неприязни объективных фактов оказывается недостаточно, призывают на помощь фантазию. Когда я вернулся в Иафах, некоторые Старшие Магистры нашего Ордена рассказывали мне о вас удивительные вещи, из тех, что проще счесть неприятной правдой, чем понять, зачем могла бы понадобиться настолько причудливая ложь...

– Например?

– Например, будто вы жаждете получить власть над Миром и уже взялись за дело: поработили волю нашего нового Великого Магистра и даже леди Сотофы Ханемер. Насчет господина Почтеннейшего Начальника Тайного Сыска мнения расходятся: одни утверждают, будто он с вами в сговоре, другие, что тоже в беде. А вот молодой Король однозначно попал в ваши сети, его уже пожалуй не спасти. Та же участь в скором времени ждет владык остальных государств Хонхоны, а после и Мира.

– Вот прямо всех возьму и порабощу, одного за другим? – восхитился я.

– Да, вам придется потрудиться. Впрочем, вероятно, на каком-то этапе, набрав нужное число верных союзников, остальных можно будет просто завоевать.

– Шикарно! Даже неловко так обманывать ожидания. Но боюсь, для завоевания Мира я слишком ленив.

– Только увидев вас своими глазами, я смог оценить нелепость дошедших до меня слухов. Вы скорее похожи на человека, который сбежит на край Мира от предложения возглавить какую-нибудь мелкую канцелярию, в которой служит всего дюжина человек.

– Вы меня все-таки идеализируете, – усмехнулся я. – В свое время мне несколько лет пришлось исполнять обязанности царя кочевников^[22]. Хенха сравнительно небольшое племя, но их гораздо больше дюжины. Я так

плохо выполнял свою работу, что теперь вспоминать стыдно. Но на край Мира все-таки не сбежал, чего не было, того не было. Очень уж люблю Ехо. И Мохнатый Дом мне как раз тогда достался. Ради этого прекрасного вида на город, собственно, и терпел.

– Это признание не делает вас самым подходящим кандидатом в завоеватели Мира, – заметил Клари Ваджура. – Тем не менее, приношу извинения за то, что недооценил ваше терпение.

– Да уж, – важно подтвердил я. – Чего-чего, а терпения мне не занимать.

И сам рассмеялся от абсурдности такого заявления. А отсмеявшись, спросил:

– Вы это имели в виду, когда сказали, что обо мне говорят нелепую ерунду?

– В частности. Еще я слышал, будто вы воскрешенный сэром Халли древний колдун и одновременно его же незаконный сын от умершей задолго до родов ведьмы; укравший человеческое тело демон – что-то вроде фэтана, только половчей, а то и вовсе наш общий старый враг Лойсо Пондохва, сумевший обмануть не только смерть, но и господина Почтеннейшего Начальника; к тому же у вас нет сердца и...

– Клевета! – возмутился я. – Вот уж в чем меня точно нельзя упрекнуть! Какое-то время у меня вообще было целых два сердца^[23]. Одно я в конце концов где-то посеял, но второе все-таки на месте. Каждый день теперь проверяю. За таким растяпой как я глаз да глаз.

– Звучит как наспех, смеху ради сочиненная ложь, а ведь скорее всего даже это правда, – задумчиво сказал мой гость. – На самом деле вы, сэр Макс, похожи на древних магов – как о них рассказывают дошедшие до нас легенды; ясно, что, каковы они были на самом деле, доподлинно не знает никто. Но в старинных книгах их примерно так и описывают: милые, простые в обращении люди, с которыми постоянно происходят совершенно невозможные вещи, при этом они гордятся исключительно карточными победами над соседями и слегка досадуют на неудобства, связанные с лежащей на них ответственностью. Дескать, когда твое дыхание в любой момент может случайно породить новую Вселенную, приходится отвыкать от площадной брани и постоянно жевать травяные леденцы от кашля, чтобы дела в этой новой Вселенной не пошли совсем уж наперекосяк. Если что, это не моя фантазия, а цитата из трактата Мори Злопамятного «Тени не ушедших». В свое время она так поразила мое воображение, что я запомнил эти грешные леденцы на всю жизнь.

Я не стал вопить: «В точку!» Но подумал именно так. А вслух сказал:

– Вы хорошо разбираетесь в людях.

– Интересно, что прежде почти не разбирался. Но оказалось, это совсем несложно, когда видишь людей во сне. Все перед тобой как на ладони, хочешь того или нет. И, как ни странно, многие в таком ракурсе оказываются гораздо более значительными и заслуживающими внимания фигурами, чем я мог бы предположить. По большому счету, это радостное открытие, но сделать его мне было довольно... тяжело? Больно? Нет, пожалуй, не так. Скорее просто обидно. Так и хочется спросить: где вы все, исполненные глубокого смысла, были раньше, когда я мог жить среди вас на равных, по-настоящему? Но это несправедливый упрек. Правильная постановка вопроса: где все это время был я сам? Ответ мне тоже известен: блуждал в своих мыслях, убеждениях, предрассудках, как и почти все так называемые бодрствующие. Стоило утратить все, кроме возможности жить в сновидении, чтобы узнать, что такое по-настоящему ясная голова.

Помолчав, он почти беззвучно добавил:

– Хотя все равно не стоило. Ну да я и не выбирал.

Я не знал, что на это ответить. Утешитель из меня тот еще. Максимум – могу придумать, как все исправить или просто рассмешить. Но сейчас первый вариант был мне недоступен, а второй казался неуместным. Поэтому я сказал:

– Я сам долго не был уверен на свой счет, есть я на самом деле или давным-давно умер. Или, к примеру, просто лежу в Приюте Безумных, принимаю туманящие ум лекарства и вижу длинный убедительный сон. Ничего не мог с собой поделаться: жил и не верил, что на самом деле живу, хоть ты тресни. Кое-как пришел к заключению, что подлинная жизнь это жизнь сознания, кроме него у нас все равно ничего нет. Собственно, я до сих пор так думаю. Но мне все-таки стало сильно полегче с тех пор, как Нумбанский Пророк заверил меня, что я настоящий. А я поверил, хотя, если рассуждать логически, он со своим экспертным мнением тоже мог оказаться моим сном.

– Даже забавно, что вы сомневаетесь. Если уж вы не живы, то непонятно, кто тогда вообще жив, – отмахнулся Клари Ваджура. И после небольшой паузы спросил:

– Нумбанский Пророк – это же Магистр Хонна? Я сам его пока не видел, но многие так говорят.

Я пожал плечами – с одной стороны, ничего не сказал, а с другой – этот жест вполне можно было расшифровать как «ну да, кто же еще». Но совесть моя при этом осталась чиста.

– А еще говорят, что Хонна хотел убить Нуфлина Мони Маха, когда вы

везли его в Харумбу. Свести старые счета. А вы не дали^[24]. Что вообще-то должно бы сделать вас моим злейшим врагом. Но с некоторых пор я не хозяин своим чувствам. Не могу возненавидеть, кого должно, я это имею в виду.

– Это кто же такое говорит? – изумился я.

Совершенно искренне изумился, потому что подробностей этой истории никто, кроме нас с Джуффином, по идее, не знает. А насколько я успел изучить шефа Тайного Сыска, в излишней откровенности с чужими секретарями его заподозрить довольно непросто.

Ну еще, понятно, сами Нуфлин и Хонна в курсе этой истории. Но на их откровенность надежды даже меньше.

– Да сам Магистр Нуфлин и говорит.

– Но как?! Он же... А вы... Погодите. Я чего-то не понимаю?

– Я и сам понимаю в этой истории далеко не все, – неохотно, словно бы против собственной воли сказал Клари Ваджура. – Однако недавно, в середине весны мне приснилось, что я навестил Магистра Нуфлина Мони Маха в Харумбе. Не могу с полной уверенностью сказать, был ли это один из тех снов, которые являются частью подлинных процессов бытия, или обычный морок: я осваивал искусство сновидения сам, без учителей, полагаясь на собственное чутье и смутные воспоминания о знаниях, когда-то более-менее случайно почерпнутых из книг. Поэтому признаков, позволяющих безошибочно различать сновидения, просто не знаю. Хотелось бы считать этот крайне тяжелый для меня сон обычной игрой спящего ума, но мои ощущения говорят об обратном. Я бы дорого дал за то, чтобы он не сохранился в моей памяти. И довольно много для этого сделал, но забыл едва ли половину. Подозреваю, самое несущественное. А остальное осталось со мной навсегда.

– Тяжелый, потому что когда-то вы с Нуфлином плохо расстались? – прямо спросил я.

– Плохо это еще мягко сказано, – усмехнулся он. И с обезоруживающей откровенностью признался: – Знали бы вы, как я хотел его убить! Но вместо этого просто сбежал, понимая, что для победы у меня недостаточно силы. Я был твердо намерен решить эту проблему в ближайшее время. Но как видите, не решил. И уже никогда не решу.

Я не стал говорить, что пока человек жив, все может измениться, в любой момент. Это моя любимая присказка, я часто ее повторяю и даже сам себе более-менее верю. Но иногда оптимистам вроде меня лучше молчать.

– Однако в том сне я на Магистра Нуфлина совсем не сердился, –

продолжил Клари Ваджура. – Считал, что неразумно принимать близко к сердцу ссору, один участник которой мертв, а второй почти. Оба проиграли, нечего делить. А тяжело мне было по другой причине. Невыносимо видеть одного из самых могущественных колдунов нового времени, подлинного основателя нашего Ордена и своего учителя, в Харумбе, где скрываются от смерти простые, несведущие в магии люди. То есть думают, будто скрываются, сновидца не обманешь: я ясно видел, что они мертвецы, всего лишь длящие иллюзию жизни. Способность мыслить и чувствовать у них действительно осталось, но чудесной одухотворяющей силы, которая сама суть жизни, больше нет. Возможно, это действительно лучше, чем ничего, но для настоящего мага все-таки унижительно. Мне бы радоваться, что мой враг сам себя наказал по заслугам, но ощущение, что все окончательно пошло прахом в тот момент, когда я увидел то, что осталось от великого Нуфлина Мони Маха, гораздо сильнее торжества. Я, собственно, поэтому и приложил все усилия, чтобы вернуться в Ехо хотя бы на правах свидетеля. Решил, что должен своими глазами увидеть упадок или возрождение Ордена Семилистника. Узнать правду и перестать терзаться предположениями.

– Ну и как вам правда? – спросил я.

– Не знаю, что на это ответить. С одной стороны, нелегко было обнаружить, насколько все изменилось. Не к худшему, нет, просто стало совсем иным. Сотни лет еще не прошло, а от всего, что я делал для Ордена, уже не осталось ни вещественных следов, ни связных воспоминаний, даже мою универсальную систему каталогизации архивов изменили; не сейчас, еще при Магистре Нуфлине – вот интересно, зачем? Будучи не магическим артефактом, а всего лишь рациональной идеей, она не могла никому причинить вреда. С другой стороны, я счастлив здесь настолько, насколько это вообще возможно в моем положении. А иногда даже сверх. Но представления не имею, связано это счастье с переменами в Ордене, или с новым настроением самого Сердца Мира, или всего лишь с особенностями природы моего сновидения, для которого состояние эйфории обычный побочный эффект.

– Правда, что ли? – изумился я. – Среди моих знакомых есть очень опытные сновидцы, но о таком приятном побочном эффекте, вроде, никто не упоминал.

– Я только предполагаю. Поскольку, как уже говорил, совсем не знаю теории.

– Глядя на вас, поневоле начнешь думать, что избыток знаний только мешает. Вон как вы лихо без всяких теорий!

– Вы все-таки учитывайте, что все мои достижения от безысходности. Если уж принял решение не умирать, сколько получится, значит, надо было найти способ жить. А жизнь это развитие, почти немыслимое без людей и событий, направляющих его ход. Я, как вы могли заметить, верю в силу и необходимость внешних опор.

– Вы невероятно круты, – искренне сказал я.

– Наверное, со стороны это так выглядит, – согласился Клари Ваджура. – С моей же точки зрения, я просто стараюсь сохранить остатки достоинства: не сдаюсь, потерпев несколько сокрушительных поражений, одно за другим. Вам это, я уверен, должно быть понятно. Упрямства вам не занимать. Вы же поэтому не отдали Магистра Нуфлина Хонне? До него самого вам дела не было, вы не его ученик и вообще не причастны к Ордену. Но, готов спорить, решили, что ради удовольствия повернуть все по-своему можно и жизнью рискнуть.

– Во-первых, вы узнали эту историю во сне, – напомнил я. – Не факт, что с вами действительно говорил настоящий Нуфлин. Да и настоящий вполне мог соврать из каких-нибудь неизвестных мне соображений. А во-вторых...

Я умолк, сообразив, что вот-вот проговорюсь. Вряд ли это разумно.

– Что – «во вторых»? – улыбнулся он. – Не забывайте, сэр Макс, я и сейчас вижу сон. Не стоит принимать меня слишком всерьез.

– А во-вторых, ничем я тогда не рисковал. Не дрался, а торговался. Невелик подвиг. Впрочем, насчет упрямства вы все равно совершенно правы. Где бы я без него был. Где бы мы все были.

– И простили вы Магистра Нуфлина тоже из упрямства? – вкрадчиво спросил Клари Ваджура. – Потому что обычные люди так не поступают, а вы не такой, как все? Вершитель^[25], как сам Король Мёнин? Можете позволить себе королевское великодушие, потому что сильнее всех?

– Почему вы говорите «простили»? – насторожился я. – Что я должен был прощать?

– Да бросьте, сэр Макс. Я знаю, что произошло между вами по дороге в Харумбу. Эту историю Магистр Нуфлин рассказал мне в назидание. Чтобы укорить: видишь, посторонний человек не стал делать трагедию из моего естественного желания позаботиться о себе. А ты!

– Погодите. Он что, и с вами пытался?..

– Получить мое крепкое, пригодное для долгой жизни и магии тело в обмен на свое одряхлевшее? Ну да, пытался. И у него почти получилось. Но в последний момент я сумел стряхнуть оцепенение и вернуть свое сознание на место. Все-таки, в ту пору я был довольно могущественным

человеком. И лучшим учеником превосходного, как бы он себя ни повел в итоге, учителя. А почему, как вы думаете, я больше всего на свете хотел убить Нуфлина Мони Маха? Не так много в Мире вещей, которые нельзя простить. Но учителя не должны поступать так с учениками, потому что это... Ну, как минимум убивает саму идею обучения, которое для учителя является наивысшим проявлением бескорыстного служения силе, готовностью помочь ей достаться другим. Попытка использовать доверие ученика в своих интересах уничтожает смысл преемственности магической традиции. И, по большому счету, магии как таковой.

– Ну и дела! – выдохнул я. – Был уверен, что это происшествие – последний отчаянный жест умирающего. А Нуфлин оказывается уже успел потренироваться на учениках. Но слушайте, почему он тогда не забрал еще чье-нибудь тело после того, как с вами не получилось? Все это время вокруг было полно народу! Чего он ждал столько лет?

– Да потому, что настолько могущественный колдун не может поместиться в теле обычного человека. Не тот размер. Я имею в виду, если у тела нет привычки принимать мощные потоки непрерывно текущей сквозь него силы, оно просто не выдержит в новых условиях, умрет вскоре после обмена сознаниями, если не вообще в тот же момент. Украсть тело можно только у равного или более могущественного, а таких поди перехитри. Со мной Магистр Нуфлин приблизился к успеху, потому что я был его учеником и доверял ему безгранично. С вами он, скорее всего, решился рискнуть в надежде на вашу неопытность. И просто от безысходности. А с другими у него даже попробовать шансов не было.

Я молчал, ошеломленный – не столько самим открывшимся фактом, скорее откровенностью Клари Ваджуры. Все-таки он видел меня всего второй раз в жизни. С другой стороны, во сне, а это порой радикально меняет отношение к тайнам, незнакомцам и вообще ко всему.

– Я не раз думал, как буду себя вести, если мне удастся добраться до вас в своем сновидении, – сказал Клари Ваджура. – По уму, следовало бы отомстить вам за то, что защитили Нуфлина Мони Маха от смертного ужаса и подарили ему блаженную полужизнь в Харумбе, которой он не заслужил. С другой стороны, довольно несправедливо мстить незнакомцу только за то, что он, сам того не зная, облагодетельствовал твоего врага. Да и шансов справиться с могущественным человеком вроде вас не так уж много, особенно у сновидца, в этом я тоже отдавал себе отчет и особых иллюзий не строил. Решил хотя бы объяснить вам, что вы совершили огромную ошибку. Всякое зло должно быть наказано. Отказываясь наказывать зло, мы способствуем его торжеству и нарушаем извечный

баланс, а значит, расшатываем сам фундамент Мира. И вы это сделали. Раз так – ищите способ дотянуться до Нуфлина в Харумбе и исправить свою ошибку, или сожалеете и кайтесь до конца своих дней! А теперь смотрю на вас и понимаю, насколько это была нелепая идея – подстрекать вас к убийству мертвеца, толкуя про баланс и фундамент. Только насмешить.

– Нет, что вы, мне совсем не смешно, – вежливо сказал я.

– Зато мне смешно, – отрезал Клари Ваджура. Впрочем, без тени улыбки. – Заготовленная мною речь впечатлила бы только такого же человека, как я сам. Старой школы, с определенными принципами и идеалами. А вы совсем другой. С таким же успехом я мог бы пойти к Сердцу Мира и укорять его, что оно давало силу такому вероломному негодяю, каким оказался мой бывший учитель. Впрочем, в отличие от Сердца Мира, вы меня хотя бы слышите. И даже сочувствуете – по-своему. Как всякому живому существу, которое дает себе труд страдать у вас на глазах. За это, кстати, спасибо. Ваше сочувствие дорогого стоит. И приносит примерно такое же облегчение, как созерцание красоты.

– Ну хоть так, – вздохнул я.

На крыше воцарилось молчание, которое я, при всем желании, не смог бы назвать умиротворенным.

– Извините, – наконец сказал Клари Ваджура. – Я не планировал заводить с вами настолько тяжелый разговор. Наоборот, хотел вам понравиться; думаю, все этого хотят, обычное следствие воздействия вашего обаяния. Но, как я уже вам говорил, с некоторых пор я не хозяин своим чувствам и настроению. Наяву я довольно легко подчинял свое поведение необходимости, но в сновидении это почему-то самый трудновыполнимый трюк.

– Для меня он и наяву обычно трудновыполнимый, – утешил его я.

– Думаю, так и есть, – согласился мой гость. – Вы похожи на человека, которым руководит скорее вдохновение, чем разумные соображения. Но когда очень нужно, вы с этим справляетесь. А нынешний я – далеко не всегда. Скорее всего, потому, что на самом деле я пришел сюда – не только на вашу крышу, а в Ехо – с целью хорошо провести время. Развлечься. Получить напоследок удовольствие от жизни, взять его, сколько смогу. Умение подчинять свое поведение необходимости не способствует радости, зато эмоциональная распушенность творит настоящие чудеса. Вот и сейчас – поговорил с вами, испортил вам настроение, а самому полегчало. Настолько, что теперь сижу и думаю: да какое мне вообще дело до Нуфлина? Он давно мертв, заперт в Харумбе, наедине с такими же мертвецами как сам, а я все еще здесь, хотя бы отчасти. И только что видел

очередной великолепный рассвет над столицей Соединенного Королевства. А сейчас пойду приводить в порядок Орденские архивы, и это тоже невероятное удовольствие: упорядочить важную для меня часть Мира в соответствии с собственными представлениями о том, что такое порядок. Такая, знаете, сладкая тайная власть над самой сутью вещей.

На этом месте Клари Ваджура рассмеялся, неожиданно громко и открыто, как и положено смеяться подростку, на которого он был похож.

– Ну и отлично, – сказал я. – Не знаю, в курсе ли вы, но моя нынешняя работа заключается в том, чтобы опекать сновидцев...

– Вы серьезно? – опешил он. – Опекать сновидцев? Но зачем? И, главное, как?

– Как – этого пока никто толком не знает, включая меня. Или даже начиная с меня. Просто в последнее время в Ехо и, говорят, вообще везде в Море стали появляться люди, которые видят нас во сне. Это, конечно, обычное дело, спящее сознание не дурак погулять по другим реальностям. Но штука в том, что теперь мы тоже их видим. И с ними взаимодействуем. И часто далеко не сразу можем отличить от обычных бодрствующих людей. В точности, как вас. Только в отличие от вас, большинство сновидцев, делают это не намеренно. И конечно совершенно не контролируют процесс. Поэтому могут натворить бед. Самое простое – застрять тут и не суметь проснуться, тогда оставшееся неведомо где тело довольно быстро умрет. Некоторых сновидцев у нас преследуют кошмары, другие сами становятся кошмарами для наших горожан. В общем, хаос, бардак и неразбериха, разобраться в которых до такой степени невозможно, что ответственность за происходящее решили переложить на меня. Я, по крайней мере, везучий, поэтому довольно часто случайно делаю именно то, что надо. Вот и вам поднял настроение, пальцем о палец ради этого не ударив. Значит могу честно сказать начальству, что все утро работал в поте лица, и со спокойной совестью спать до обеда. Для меня это важно, я страшный засоня. Говорят, просто неприлично так много дрыхнуть, но тут ничего не поделаешь: я таков.

– Вы очень великодушны, сэр Макс, – сказал Клари Ваджура. – Вместо того чтобы выразить справедливое недовольство моим поведением, объяснили, что оно вам только на пользу. И были настолько убедительны, что я больше не досаую на себя за то, что затеял разговор о Нуфлине Мони Махе. А напротив, рад, что был с вами откровенен.

– Это в любом случае правильно. Глупо было бы увидеть во сне человека, на которого сердились с середины весны, и ничего ему не сказать. Лично я и наяву с такими признаниями стараюсь особо не

затягивать. Сказал: «Ах ты гад!», дал в глаз, если надо, и все, вопрос закрыт, можно заняться чем-нибудь более интересным. А более интересного в этом Море, хвала Магистрам, до фига. Да почти все.

Он посмотрел на меня так, словно впервые увидел. Сказал:

– Удивительный вы все-таки человек. Я уже говорил, что благодарен судьбе за знакомство с вами, и это не просто формула вежливости. Для меня сейчас очень важно получать наглядные доказательства, что в человеческой жизни есть некий высший смысл, зачастую невыговариваемый, но явственно ощутимый, крепчайшая из опор. Раньше таким смыслом для меня был Орден, совершенная структура, созданная для передачи и умножения магической силы. Но этого смысла не стало. Я, наверное, только потому и не умер, разорванный на куски ветрами: не хотел заканчивать жизнь утратившей все руиной среди других таких же руин.

Молчать было невыносимо, поэтому я спросил:

– Вы пошли к безумным ветрам, чтобы они вас убили?

– Да, – кивнул Клари Ваджура. – Только это была не попытка самоубийства, как вы, наверное, решили, а тщательно продуманный план. В свое время я приводил в порядок каталог Тайной части нашей Орденской библиотеки и, пользуясь случаем, довольно бессистемно читал помещенные там редкие фолианты. Среди них есть копия трактата Тейти Макабур Второй Толстой, легендарной хирургической ведьмы, одной из основательниц государства Куанкурох, ближайшей подруги их первого царя Дрегги Валимы и старшей Ночной Стражницы, иными словами, начальницы пограничных заклинателей ветров. Копия очень древняя, явно одна из первых, к тому же заверена авторской рукой, что почти исключает вероятность искажения текста. Там помимо прочего рассказывалось, что человек, сумевший противостоять ветрам Пустой Земли Йохлимы от рассвета до сумерек, а потом сознательно и добровольно отдавший себя им на растерзание, не умирает обычной смертью, а становится одним из них. Представляете, каков соблазн?

Я только тихо вздохнул – не то от почти благоговейного ужаса перед безумием этой затеи, не то от зависти, что сам ни за что бы не рискнул.

– Я долго готовился к этому походу и грядущему превращению, даже заранее вызнал, что следует предпринять ветру, чтобы вырваться за пределы Пустой Земли Йохлимы и дуть, где сам пожелает, хоть на другом конце Мира. Куанкурохские ученые, можете вообразить, давным-давно нашли ответ на этот вопрос, но от ветров свое открытие тщательно скрывают. А ветры не знают, какую выгоду могло бы им принести

перемирие и сотрудничество с людьми. Они по природе своей совсем не дипломаты. Слишком бесхитростны, яростны и неукротимы.

– Охренеть можно, какие дела творятся, – только и вымолвил я.

– Не творятся, хотя могли бы. Ветер, наделенный человеческой волей и вооруженный знаниями, мог бы стать совершенным существом. Было ради чего рисковать! Но как видите, у меня ничего не вышло. Я переоценил свои силы. Не выстоял, сколько требуется. Был нетерпеливым самонадеянным дураком, пошел к ним летом, не захотел дожидаться коротких зимних дней. Когда меня одолели, до заката оставалась всего пара часов. Вот чего бесконечно, безумно жаль, даже сейчас, когда Нуфлин Мони Мах в Харумбе, и мне некого рвать на куски. Не в Нуфлине дело. Иногда мне кажется, что я с самого начала был задуман ветром, родился человеком по какой-то нелепой ошибке, и должен был сам ее исправить. Но не сумел.

Я не стал спрашивать: «И что мне теперь делать с этим вашим признанием? Как после него жить?» И так ясно, что вопрос не по адресу. Просто никто не железный. И никто не способен всю жизнь стоически молчать о самом невыносимом, чтобы не задеть ничьих чувств. А что я со своей располагающей к откровениям крышей невовремя под руку подвернулся, так кто ж мне виноват. Жил бы в темном грязном подвале, куда гостей не позовешь, горя бы не знал.

Клари Ваджура смотрел на меня с явным сочувствием. Похоже, всех без исключения угуландских колдунов старой школы готовили к тому, что однажды в Ехо появлюсь я и буду думать чертовски интересные мысли. Поэтому все заранее научились их читать. И теперь ни от кого ничего от не скроешь, хоть ты тресни.

С другой стороны, им же хуже.

* * *

Спал я после этого разговора очень условно, то есть ворочался с боку на бок, ненадолго проваливался в темную, тихую пропасть, на дне которой обычно обретают временное забвение смертельно усталые люди, но тут же выбирался оттуда на поверхность, полную зыбких остросюжетных грез. И снова проваливался, в самый неподходящий момент, когда по сюжету сновидения это подозрительно походило на смерть, тут же подскакивал, в панике раскидывая подушки, хорошо хоть не орал во весь голос: «Спасите!» Все равно никакого толку от этих воплей в городе, где считается, будто главный спаситель от ночных кошмаров ты сам.

В общем, к полудню мне эта канитель надоела, и я встал, такой усталый и злой, каким давно уже не был. Впрочем, от усталости отлично помогает бальзам Кахара, а от злости – сам факт, что я жив и в Ехо. И у меня есть все, что у меня есть. Главное – осознать это как можно быстрее, а не через полтора часа после пробуждения, как у меня заведено.

Но я над этим работаю.

Без Истинной магии в тяжелой работе над твердым тупым предметом собой, разумеется, не обойтись. То есть натурально не представляю, что бы я делал, если бы не научился добывать кофе из Щели между Мирами. Все-таки вкус кофе действует на меня, как смесь кристаллов радости и смирения на обычных безобидных безумцев. Меня-то кристаллами не проймешь, мне подавай привычную жидкую горечь и черноту, из которых я всякий раз невольно строю мост в те далекие времена, когда ничего кроме вкуса кофе у меня толком не было. А теперь есть – вот о чем я вспоминаю, сделав второй по счету глоток, и сразу становлюсь самым счастливым балбесом в этом благословенном городе. Ну или ладно, всего лишь одним из самых счастливых, нельзя забывать о том, что в Ехо, кроме меня, есть влюбленные, возвращающиеся со свидания, начинающие маги, буквально только что впервые в жизни одолевшие сороковую ступень, художники, музыканты и безумные математические гении. Например, Базилио, решившая задачу, над которой билась со вчерашнего вечера, наотрез отказавшись от помощи, камры, прогулок, подарков, настольных игр, гостей и прочих безобидных мирских радостей, способных затуманить ум настоящего ученого аскета.

– Это не для поступающих, а уже для студентов! – сказала она, торжествующе размахивая исчерканным формулами обрывком оберточной бумаги, которую использует в особо тяжелых случаях.

Все-таки самопишущие таблички хороши для фиксации более-менее готовых решений, а когда в голове полный хаос, на получившиеся записи страшно смотреть.

– Ну ты даешь! – восхитился я, к тому времени изрядно подобревший после двух чашек кофе и решивший, что меня уже вполне можно показывать детям и домашним животным. – Но чем, интересно, ты собираешься заниматься в университете, если перерешаешь все прямо сейчас?

– Я не все, я только немножко! – заверила меня Базилио. – Леди Тайяра считает: если давать мне только простые задачи, я заскучаю. Поэтому у нас уговор: после каждой дюжины простых задач можно решить одну

сложную. Я ее честно заработала. И вот, решила! Хотя по идее, должна была застрять. Леди Тайяра обещала, что разберемся вместе сегодня вечером. А я смогла сама!

– Ужас какой. Вот так просыпаешься ни свет ни заря, выходишь в гостиную практически на четвереньках, толком не эволюционировав, а тут сидит настоящий живой интеллект, озаренный сиянием чистого разума, как дюжиной звезд Марьеза. Пойду-ка я, пожалуй, отсюда в Дом у Моста, там народ все же попроще.

Лицо Базилио предсказуемо вытянулось, преобразившись в кислую физиономию. Пришлось ее утешать: «Эй, ты чего, я же шучу!» – и подробно объяснять, в чем состоял смысл шутки. А потом дополнительно, что означает «эволюционировать» и почему в приложении ко мне это тоже должно быть смешно.

Изложить с утра пораньше теорию эволюции, с точки зрения здешней науки гораздо более абсурдную, чем, скажем, древняя мурийская легенда о происхождении людей от печального писка одинокого моллюска, выброшенного на берег прибоем, – это, на мой взгляд, подвиг не хуже решения университетской задачи. То есть я тоже, получается, интеллект.

Немудрено, что я возгордился. В этом измененном состоянии сознания величественно перешагнул порог кабинета сэра Джуффина Халли и сразу взял быка за рога. В смысле попытался завести с шефом Тайного Сыска интеллектуальную беседу, элегантно задав ему исполненный глубокого смысла вопрос: «Ну чего?»

– Если ты имеешь в виду, помер ли у нас еще кто-то, вынужден тебя огорчить, пока нет, – ухмыльнулся Джуффин. – А что касается твоей вчерашней идеи насчет тайного общества мстителей, вооружившихся смертельными заклинаниями разных народов Мира, она, конечно, красивая. Настолько, что мы с сэром Кофой провели бурную ночь; ладно, не буду врать, бурные полтора часа, обсуждая, кто бы это мог быть. Но, увы, так и не придумали. Некому осуществлять этот прекрасный во всех отношениях план. То есть, у каждого из покойников есть или хотя бы теоретически могут быть недоброжелатели, но вряд ли наши потенциальные кандидаты в убийцы способны заключить даже кратковременный союз: друг друга они ненавидят гораздо больше. И богачей со связями в Куманском Халифате среди них – аж ни одного. И при смерти никто не лежит, а без этого проклятие Йарра не сработает даже у великого мастера. Лично я бы не взялся. И Сотофа бы не взялась.

– Тогда я пас, – вздохнул я. – Не вышло из меня мыслителя.

– Вышел, – утешил меня Джуффин. – И совсем неплохой. Просто теоретик. Самому жаль, красивая была идея. Так и вижу эту компанию: отставной Магистр, посвященный в древние таинства, куманский богач, сонный наездник и какая-нибудь экстатическая пограничница из Кангона. И вот один из них оказывается при смерти, его соратники тут же приходят в состояние полной боевой готовности – здравствуй, ушедшая романтика Эпохи Орденов! Но все-таки нет.

– Ладно. По крайней мере, я не забыл купить пирожное для Куруша. То есть какая-то польза от меня Управлению все равно есть. Значит, ты не прогонишь меня со службы взащей.

– Сегодня не прогоню, – миролюбиво согласился шеф, отодвигая в сторону таблички с документами, чтобы поспешно спорхнувшему на его письменный стол сонному буриуху было сподручней клевать.

– Ты наконец запомнил, какие пирожные я люблю больше всех, – одобрительно сказал мне Куруш, попробовав мое угощение.

– Значит, вообще никогда не прогоню, – решил Джуффин. – Куруш мне этого не простит.

– Прощу, – заверил его буриух. – Я понимаю, что начальнику Тайного Сыска в решении кадровых вопросов приходится руководствоваться не только моими интересами, а целой совокупностью разнообразных причин. – И, клюнув пирожное еще пару раз, добавил: – Прощу, но далеко не сразу.

– Приятно иметь такого влиятельного заступника, – сказал я. – А вот иметь голову, не способную за сутки разобраться в таком вроде бы простом деле, удовольствие сомнительное... Слушай, а может быть, это все-таки просто цепь трагических случайностей? Или даже цепь случайностей плюс пара-тройка убийств?

– Все может быть, – легко согласился Джуффин. – Поживем – увидим. Мне не по душе подобный подход, но в данном случае, боюсь, прояснить ситуацию может только личность следующей жертвы. Или, напротив, отсутствие каких бы то ни было новых жертв – тогда, пожалуй, и правда придется признать, что мы имеем дело с игрой случая. Хотя в это как-то не очень верится. Я бы поставил сотню корон на злой умысел, да заключать со мной такое пари никто не хочет. И на тебя, как я понимаю, надежды нет.

Я отрицательно помотал головой. И спросил:

– Ты говоришь, прояснить ситуацию может новая жертва. Я правильно понимаю, что пока никакой логики в списке умерших с начала лета нет?

– Какая-то есть, – хмыкнул Джуффин. – Но, как по мне, недостаточно внятная. Допустим, кто-то решил наказать людей, в свое время избежавших

суда, заключения или ссылки. Но почему настолько сурово? Ладно, предположим, бедняга Тимбути Мариян, которого долгие годы подозревали в предательстве – кстати, незаслуженно, ключ Нуфлину выдал не он. Тимбути знал, кто это сделал, и собственноручно расправился с предателем, но скрыл правду ради сохранения доброго имени его семьи, с которой был связан крайне непростыми и не в меру возвышенными отношениями. А что по личному распоряжению Нуфлина Мони Маха магистра Тимбути отблагодарили за молчание и одновременно сделали главным подозреваемым, сохранив ему жизнь и капитал, не его вина. Покойный Нуфлин любил такие развлечения, Тимбути Мариян был слишком горд, чтобы публично оправдываться, а я тогда решил не лезть в это гиблое дело; может быть, зря. Впрочем, сейчас все это уже неважно. Я только и хотел сказать, что желающих убить Тимбути Марияна в то время было немало, и кое-кто из них все еще жив. Но остальных-то за что? И главное, зачем было ждать больше сотни лет?

– Чтобы приняли поправки к Кодексу Хрембера? – неуверенно предположил я.

Джуффин одарил меня саркастической ухмылкой:

– Да уж, конечно. Тому, кто умеет убивать, не оставляя никаких следов использования Очевидной магии, эти наши поправки нужны буквально как воздух!

Я сокрушенно развел руками.

– Ну, может он, она – или все-таки они? – все эти годы как раз учились обходиться без Очевидной магии? Тоже дело далеко не одного дня.

– Учиться сто лет, чтобы получить возможность безнаказанно убить десяток вполне безобидных людей, только тем и провинившихся, что кто хитростью, кто по воле случая, кто благодаря богатству или личным связям, а кто и в силу устойчивой репутации бесталанного, а значит совершенно безопасного колдуна, избежали изгнания, – это, конечно, весьма оригинальный способ наполнить свою жизнь высоким смыслом, – проворчал Джуффин. – Впрочем, ты вполне можешь оказаться прав. Чего только не бывает. И каких только безумцев я на своем веку не перевидал. Однако есть один интересный момент...

Я встрепенулся. Так и знал, что у шефа уже есть какая-нибудь идея! Можно сказать, за тем к нему и шел. Ненавижу топтаться в тупике, зато любой намек на подобие выхода меня натурально окрыляет, вне зависимости от того, кто его нашел.

– Ладно, – усмехнулся Джуффин. – Не в моих привычках разбрасываться непродуманными версиями, но за такой пламенный взгляд

ничего не жалко. Я попросил Кофу изложить мне точную хронологию этих несчастных случаев и сразу заметил одну закономерность, которую, пожалуй, мог заметить только я. Потому что я знал погибших лично. По крайней мере, видел их всех. А если я хоть раз в жизни видел человека, значит, знаю, чего он стоит в магии, даже если специально не задавался этим вопросом. Впрочем, тебе-то такие вещи, хвала Магистрам, объяснять не надо.

Я невольно улыбнулся.

– Когда впервые увидел нынешнюю учительницу Базилио, чуть не спросил, не собирается ли она учить наше наивное чудовище тремстам Утренним Смертным Заклятиям. А ведь ни про Орден Решеток и Зеркал, ни, тем более, про лотерею Смерти в тот момент еще не знал.

– Вот и я о том же. Леди Тайяра Ката на сегодняшний день действительно одна из самых могущественных ведьм в Ехо. Наше счастье, что она помешана на своей математике. Ну или, наоборот, наша беда, это смотря чем она захотела бы заняться вместо науки. Неважно. Важно, что, доведись тебе познакомиться с жертвами этой эпидемии несчастных случаев, ты сейчас пришел бы к тому же выводу, что и я: первыми умерли самые слабые колдуны. Каждый следующий покойник был более могущественным человеком, чем предыдущие. Я имею в виду их потенциальные возможности; тот же Тимбути Мариян со дня крушения Ордена Зеленых Лун демонстративно перестал интересоваться практической магией и вообще чем бы то ни было кроме своих книг и в последнее время театра. Но это не отменяет того факта, что если бы я встал перед необходимостью создать Орден – такой классический магический Орден, как в старые времена, – одним из первых я бы постарался сманить к себе сэра Тимбути.

– Ого! – присвистнул я. – Даже так?

– Именно. И, кстати, бывший коллега нашего сэра Шурфа, погибший днем раньше, немногим ему уступал.

– Изобретатель, от которого разбежались дверные замки?

– Да, Уриманди Файя. Характер у него испортился, надо думать, не от хорошей жизни. В Ордене Дырявой Чаши он был одним из лучших. И, кстати сказать, производил впечатление довольно приятного человека – со скидкой на эпоху и особенности пути. От Холоми и ссылки его избавила жена, то есть тогда еще невеста, она из очень влиятельной семьи. У них был страстный роман, и сэр Уриманди решил, что отказ от занятий магией не такая уж высокая плата за возможность жить в Ехо вместе с любимой. Ошибся, конечно, но кто из нас никогда не ошибался? Останься он жив,

пожалуй, смог бы все исправить, какие его годы. И вот, кстати, чему я никогда не поверю, так это что Уриманди просто напился и утонул. Насчет всех остальных – ладно, предположим, чего только не бывает, даже падение шкафа на замечтавшегося Тимбути Марьяна вполне могу вообразить, бедняге всегда была свойственна некоторая вдохновенная рассеянность. Но Уриманди Файя, пьяный или трезвый, мог бы полгода спокойно просидеть на дне Хурона без особого вреда для себя.

Я молча кивнул, показывая, что внимательно слушаю. Надеялся, что Джуффин будет рассказывать дальше, но он решительно хлопнул ладонью по столу.

– Не стану забивать тебе голову остальными подробностями, просто чтобы не запутать. Захочешь задать конкретный вопрос – приходи, я к твоим услугам. Сейчас важно другое: осмыслить, насколько интересная у нас вырисовывается картина. Если совпадения не случайны – а десять случайных совпадений, одно за другим, это, как по мне, перебор – дело выглядит так, словно неизвестный убийца каким-то образом получил в свое распоряжение заклинание, очень похожее на Проклятие Йарра, но без необходимости умирать самому, и пробует свои силы. Начал с самого слабого, все получилось, он расхрабрился, прикончил парочку колдунов посильнее, а потом, окончательно обнаглев, приступил к по-настоящему могущественным людям. Вот интересно зачем? Как ты думаешь?

– Как будто заклинание может вернуться к убийце, если жертва окажется ему не по зубам? – предположил я. – Такое вообще бывает?

– Разумеется. Вполне обычное дело, некоторые традиционные смертные заклęcia действительно таят такую опасность. Но все это довольно высокие ступени Очевидной магии. Если бы применили одно из них, индикатор показал бы как минимум сотню. Так что не вариант.

– Ну так этот человек – наш предполагаемый убийца – мог всю жизнь иметь дело только с Очевидной магией. И, научившись чему-нибудь принципиально новому, все равно опасается соответствующих последствий. Точно не знает, будут они или нет, но предпочитает не рисковать. Сидит, боится, но поскольку убивать все-таки очень хочется, оттачивает мастерство на слабых, а потом понемножку, осторожно переходит к тем, кто посильней. Может такое быть?

– Пожалуй, – согласился Джуффин. – Бывают такие осторожные люди, что даже на пороге собственного сортира норовят перину положить, чтобы второпях не споткнуться. Я лично знал нескольких чрезвычайно могущественных колдунов с подобными привычками. Но все они вне подозрений – по техническим причинам. В смысле сами давно мертвы, что,

согласись, довольно забавно на фоне их осторожности и предусмотрительности.

– А может быть, что все эти проклятия наложили одновременно, просто организм могущественного человека дольше сопротивляется? – спросил я.

– Теоретически, может быть вообще все что угодно. О проклятии Йарра известно довольно мало: особой популярностью оно по понятным причинам никогда не пользовалось, а немногочисленные знатоки древних ритуалов обычно не имеют привычки делиться информацией со всеми подряд. А о схожих с ним заклинаниях, которые можно использовать, не будучи при смерти, лично я вообще никогда не слышал, просто предполагаю, что такие могут быть. Тем не менее, спасибо за идею. В этом варианте у нас вырисовывается совсем иная картина: вместо осторожного убийцы появляется экстатический, проклинаящий всех подряд. Или, как ты предположил еще вчера, целая компания мстителей, каждый со своим списком жертв. Предположим, один разузнал заклинание, другие каким-то образом оплатили возможность его применить. По-прежнему не представляю, кто это может быть, но тут есть о чем подумать. Очень полезно оказалось все это с тобой обсудить.

– Вот теперь ты точно не отправишь меня в отставку! – улыбнулся я.

– Не отправлю, даже если будешь умолять на коленях, попутно планируя мое убийство в случае отказа. Откуда у тебя вообще такие дикие идеи? Я заполучил тебя как минимум на сто лет, а хороший охотник никогда не отдаст свою добычу. Тем более, ей самой.

* * *

Жизнь моя тут же принялась налаживаться. В первую очередь, потому, что, поговорив с Джуффином, я счел свой интеллектуальный вклад в дело о десяти трупах вполне достаточным, решил, что остальное опытные коллеги как-нибудь уладят и без меня, и с чистой совестью отправился прогуляться по городу, якобы с целью посмотреть, как дела у тех, кому мы сегодня приснились – такова официальная версия. Неофициальная версия, она же горькая правда заключается в том, что у сновидцев совсем немного шансов успеть попасться мне на глаза прежде, чем я встречу кого-нибудь из приятелей, бодрствующих, но оттого ничуть не менее интересных – не для дела, а просто так, мне, здесь и сейчас.

Если бы кому-нибудь пришло в голову приставить ко мне соглядатая,

вменив ему в обязанность тщательно отслеживать мои перемещения по столице Соединенного Королевства, бедняга сошел бы с ума, пытаясь найти в этом хаосе хоть какой-то намек на смысл. Тем не менее, смысл есть, и он прост, как новенькая корона с Королевским профилем, отчеканенным с обеих сторон: во-первых, я соскучился по этому городу. А во-вторых, я соскучился по живущему в Ехо себе.

Поэтому нет ничего удивительного в том обстоятельстве, что поздние летние сумерки застали меня в полном одиночестве бредущим по берегу Хурона, далеко от Старого города, в том месте, где нет ни набережной, ни мостов. Спроси меня, как я здесь оказался, отвечу: «Пришел», – и это будет чистая правда. Спроси, зачем, надолго задумаюсь: «ннннууу...»

Не то чтобы я весь день совсем уж бессмысленно слонялся по городу. Даже успел обстрять какое-то количество условно полезных дел и парочку совершенно бесполезных, зато приятных для некоторых отдельно взятых окружающих и меня самого, но под конец, что называется, сорвался, дал себе волю, пошел куда глаза глядят и забрел на заброшенную окраину; где-то недалеко отсюда отставной Старший Магистр Ордена Ледяной Руки Тарайот Мулина был погребен под стенами рухнувшего Павильона Случайных Свиданий времен Хоттийской Династии, но не стану притворяться, будто хотел своими глазами увидеть место происшествия. Нет, не хотел. И вспомнил-то о нем только потому, что, заметив вдалеке какие-то развалины, подумал: не этот ли грешный павильон? Но вместо того, чтобы подойти поближе, уселся на берегу, выбрав место посуше, достал последнюю сигарету из дневного запаса, такую мятую, словно я извлек ее не из кармана, а из задницы какого-нибудь малознакомого демона неизъяснимой природы, неугомонного, как я сам.

Я собирался немного посидеть в тишине, сочинить какой-нибудь интересный план на предстоящий вечер и понять, кому в связи с этим следует послать зов, но в этот момент моя судьба спохватилась и показала мне кукиш, а заодно язык, узкий и длинный, как змеиное жало. Своими глазами не видел, но готов спорить, он именно таков.

«Макс, – сказала Базилио, – случилась беда. Можешь прийти домой прямо сейчас?»

Ее голос в моей голове прозвучал так громко и звонко, что я сперва обернулся, удивляясь, как она меня нашла? Но нет, просто воспользовалась Безмолвной речью. И это обстоятельство поразило меня больше всего: что вообще должно было случиться, чтобы деликатная Базилио так орала?

Домой я вернулся быстрее, чем окончательно испугался; ради одного

этого, конечно, стоило осваивать Темный путь. Раньше в такой ситуации бежал бы, путаясь в полах лоохи, до ближайшего места, где можно найти амобилер, а потом еще ехал бы через весь город, воображая ужасы, один хуже другого с интенсивностью пять вариантов в минуту. Ну или шесть, как повезет. А теперь сделал шаг, и ужас уже у меня перед глазами. Неотменяемый, как и положено настоящему ужасу, зато всего один.

В первый момент я просто обрадовался, обнаружив, что сама Базилио цела и даже человеческий облик не утратила. По идее, и не должна бы, все-таки ее милая девичья наружность подарок леди Сотофы Ханемер, а Сотофа халтурить не станет. Но с этими овеществленными иллюзиями никогда не угадаешь, их, насколько я знаю, до сих пор никто толком не изучал.

Поэтому сперва меня охватило колоссальное облегчение, и я открыл было рот, чтобы спросить: «И что за беда у тебя стряслась?» – снисходительно подразумевая, что настоящим бедам в жизни Базилио места нет. Но тут наконец заметил, что на полу, практически под столом лежит человеческое тело в тонком голубом летнем лоохи. Увидел темные кудри, вспомнил, что на вечер у Базилио был назначен урок, сложил два и два и чуть не заорал, как персонаж экранизированной мелодрамы: «Нет!» Потому что если это леди Тайяра Ката, она совершенно точно не в обмороке, а мертва. Я больше не ощущал ее силы.

Но я, конечно, не заорал, поскольку прожил хоть и недолгую по местным меркам, зато чрезвычайно интересную жизнь и давным-давно убедился, что вопли от смерти не помогают. Зато от нее иногда, если очень повезет, помогают знахари, поэтому я сразу послал зов Абилату, который, хвала Магистрам, оказался свободен. То есть не на Темной стороне и не на дежурстве при Королевском дворе, поэтому пришел сразу и не задавая вопросов, занялся лежащей леди Тайярой. А я наконец поднял глаза на Базилио и сказал:

– Что бы ни случилось, мы с этим справимся. И разберемся. И как-то переживем.

Она молча кивнула и с надеждой уставилась на Абилата. А я послал зов сэру Джуффину Халли, кому же еще.

«У меня в гостинной мертвая леди Тайяра Ката. Я еще ничего не знаю, успел только позвать Абилата, он разбирается. Вряд ли чем-то поможет, но пусть попробует, вдруг все поправимо, а я паникер».

Шеф даже отвечать не стал, просто вошел в мою гостиную, как будто все это время стоял под дверью. Абилат обернулся на шум, и в глазах его было такое характерное отчаяние хорошего знахаря, столкнувшегося со

смертью, что стало ясно: я все-таки не паникер. По крайней мере, в этом конкретном вопросе – нет. К сожалению.

Джуффин сразу оценил обстановку, шагнул к Базилио и каким-то очень естественным жестом, как будто всю жизнь возился с осиротевшими подростками, погладил ее по голове. Я почему-то до такой простой штуки не додумался, но шеф, хвала Магистрам, опытный человек.

– Ничего не поделаешь, юная леди, так бывает, – сказал ей Джуффин и нырнул под стол к Абилату.

А я усадил Базилио в кресло, сам устроился на его подлокотнике и спросил:

– Можешь рассказать, что случилось?

– Да, конечно, – как-то подозрительно бодро отозвалась Базилио. – После занятий я предложила леди Тайяре выпить камры с деревенским сырным пирогом, который как раз испекли наши повара, и она согласилась. Пирог так благоухал, что я в очередной раз пожалела о своей неспособности есть обычную человеческую еду. И наколдowała себе похожий пирог, по крайней мере, с точно таким же запахом. Никогда раньше не делала этого в присутствии леди Тайяры, поэтому ей стало интересно, и она захотела попробовать мою еду. Я разрешила, потому что вы все много раз пробовали и ничего плохого ни с кем не случалось. Вы просто не чувствовали вкуса, но это не настолько ужасно, чтобы запрещать, правда?

– Конечно, правда, – подтвердил сэр Джуффин Халли, ненадолго выглянув из-под стола. Его улыбка могла утешить всех нуждающихся в утешении, но совершенно не походила на обычную Джуффинову улыбку. Меня не проведешь.

– Леди Тайяра взяла кусок моего пирога, положила в рот, сказала: «Ничего...», схватилась за грудь и упала, – закончила Базилио. И, подумав, уточнила: – На пол.

Как будто обычно люди падают на потолок.

– А где остатки твоего пирога? – спросил я.

– Уже исчезли. Она не сразу попросила попробовать. Пирог к тому времени уже примерно четверть часа существовал. Дольше у меня редко получается.

Такого ответа следовало ожидать. Базилио может питаться только овеществленными иллюзиями, такими же, как она сама, но гораздо менее долговечными. Результаты наших первых попыток наколдовать ей еду редко задерживались в мире материальных объектов дольше, чем на пару секунд. Бедняжка порой даже откусить не успевала. Вернее, клюнуть. В ту

пору вместо рта у нее был клюв.

Потом-то мы натренировались создавать пирожные, супы и бутерброды, способные просуществовать хотя бы несколько минут. Друг мой сэр Шурф в этом смысле особенно ценен, потому что его иллюзорные пироги стоят на столе никак не меньше трех часов. Любим мы его, конечно, не за это, но эксплуатируем в хвост и в гриву. Сама Базилио при каждом удобном случае берет у него уроки, но, как бы она ни старалась, ее рекорд пока полчаса. А обычный рядовой результат и того меньше.

– Я сама съела два больших куска, и со мной ничего не случилось, – сказала Базилио. – Если бы я нечаянно наколдовала яд, он бы и на меня подействовал, правда?

– Правда, – хором откликнулись Джуффин и Абилат.

– Можете быть совершенно спокойны, вы ее не отравили, – добавил знахарь. – Причина смерти разрыв сердца. В буквальном смысле слова разрыв. На мелкие кусочки.

Я содрогнулся. Но к чести своей промолчал. То есть переспрашивать в свойственной мне драматической манере, срываясь на хриплый шепот: «Как это – на мелкие?!», не стал.

– Уверен, ваш пирог был самой обычной овеществленной иллюзией, совершенно безвредной для подавляющего большинства живых существ, – говорил тем временем Абилат. – Вероятность несчастного случая настолько мала, что о ней никого специально не предупреждают. Впрочем, и предупреждать-то особо некому, об этой опасности никто не знает, кроме любителей редких рукописей сомнительного происхождения вроде меня. В отцовской библиотеке таких было полно. Часто без обложки, без названия и имени автора, без начала и конца; в юности мне казалось, они и есть самые интересные. Возможно, я был прав. Во всяком случае, именно среди этих обрывков мне попался обширный и, судя по ветхости страниц, очень старый перечень несчастий, которые могут случиться от сочетания разных видов магии...

– А эта книга еще цела? – встрепнулся Джуффин. – Я бы взглянул.

– Надеюсь, цела. У меня, сами знаете, до сих пор не нашлось времени разобрать и перевезти сюда из Гажина отцовскую библиотеку. И, предвижу, еще долго не найдется. Проще сходить туда Темным путем и почитать, когда что-нибудь срочно нужно. Что там где стоит, я давным-давно забыл. Но если эта книга откликнется на заклинание Призыва, я ее вам принесу. Только напомните.

– Напомню, не сомневайся, – кивнул Джуффин. – Потому что если это действительно трактат Тайбуарди Лайясы «Несовместимые потоки силы»,

то я его лет триста искал. Даже в библиотеке Семилистника нет ни одного экземпляра; говорят, раньше был, да Нуфлин продал какому-то коллекционеру из Куманского Халифата за несколько тысяч корон. Немыслимый поступок для Великого Магистра, но зная покойного, легко верю. Был за ним такой грех.

– И в этой книжке описывалась беда, которая случилась с леди Тайярой? – спросила Базилио.

– Может быть, – ответил Абилат. – Там было написано, что людям, продлевающим свою жизнь при помощи заклинаний, обновляющих сердце, следует воздерживаться от близкого физического контакта с примитивными овеществленными иллюзиями, потому что... Честно говоря, трудно внятно объяснить причину, поскольку я сам недостаточно ясно ее понимаю, да и читал этот трактат очень давно. Запомнил только потому, что на меня произвело впечатление утверждение автора, будто многократно обновленное сердце отчасти меняет свою природу и состоит из немного иной материи, чем весь остальной человек. Это само по себе небезопасно, а овеществленная иллюзия, попав в организм, может сработать как катализатор, то есть обострить существующее противоречие. Если бы я об этом не читал, решил бы сейчас, что произошло драматическое совпадение: сердце леди Тайяры не выдержало череды обновлений и разорвалось в тот самый момент, когда она попробовала вашу еду, хотя на самом деле эти события не взаимосвязаны. Впрочем, вполне возможно, именно так оно и есть. В любом случае вы, леди, ни в чем не виноваты. Обновление сердца штука довольно рискованная; при всем уважении к древней традиции, в рамках которой был создан этот метод продления жизни, своим пациентам я бы его не рекомендовал.

– А в Ордене Решеток и Зеркал обновление сердца пользовалось большой популярностью, как самый простой способ продлить молодость, – заметил Джуффин. – Самое обидное, что леди Тайяра легко могла бы обойтись без этой ерунды. Таким, как она, первые пару тысяч лет достаточно просто жить как живется и заниматься своими делами, а потом... ну, если очень хочется как-то дополнительно укрепить организм колдовством, можно начать пить какой-нибудь горький травяной чай по старинному рецепту, просто для самоуспокоения. Я хочу сказать, леди Тайяре все эти хитрости, которым ее научили старшие подружки, были вообще ни к чему. Иногда бездумная приверженность традициям опасней любого оружия. Или даже не иногда.

– Значит, это не я убила леди Тайяру? – спросила Базилио. И, не дожидаясь ответа, даже не поглядев, как дружно мы мотаем головами,

упавшим голосом добавила: – Но она все равно умерла? И ее нельзя оживить? А если позвать леди Сотофу?

– Нет, леди Сотофа не воскрешает мертвецов, – ответил ей Джуффин. – И вообще никто в Море. Так уж нелепо все устроено. Прости.

Тогда Базилио наконец заревела, и меня немного отпустило. Нельзя сказать, что я успокоился, но понял, что с ней все будет в порядке. Не сегодня, не завтра, когда-нибудь потом, но будет. Мы справимся и разберемся, и переживем, как я ей и обещал.

Честно говоря, я бы сейчас тоже с удовольствием заревел, но природа лишила меня этого чудесного дара. Что совсем неплохо с точки зрения сохранения лица, но довольно обидно всякий раз выяснять, что анестезии на твою долю опять не выписали. В некоторых случаях она бывает нужна.

Зато голова моя в условиях отсутствия анестезии становится ясной. Удивительное у нее свойство: чем хуже идут дела, тем лучше она работает. В аду я, вероятно, быстро стал бы величайшим мыслителем всех миров. Но моим потенциальным конкурентам крупно повезло: ада нет. А моя повседневная жизнь все-таки недостаточно ужасна, чтобы всегда быть в форме.

Воспользовавшись кратковременным просветлением ума, я послал зов Трикки Лаю и спросил: «Если бы у тебя на глазах умер очень дорогой тебе человек, как тебя можно было бы утешить?»

«Сначала никак, – честно сказал Трикки. – А потом, когда успокоюсь настолько, чтобы понимать чужие слова и придавать им хоть какое-то значение, неплохо было бы напомнить, что я сам одно время был призраком и преотлично себя чувствовал. А ведь есть еще другие варианты посмертного существования, о которых мы ничего не знаем, но можем быть более-менее уверены, что смерть – это не настоящий конец».

«Спасибо, – сказал я. – Ясно. Сперва оставить в покое, а потом объяснить...»

«А почему ты спрашиваешь? – встревожился Трикки. – Что случилось?»

«Учительница Базилио только что умерла у нас в гостиной. Она, понятно, ревет, и я не знаю, что делать. До сих пор ничего по-настоящему плохого с Базилио не случилось, значит, мои проверенные методы вряд ли подойдут. А ты ее создатель. Считается, вы должны быть очень похоже устроены. По-моему, так и есть».

«Хочешь, я приду и посижу с ней? – предложил Трикки. – До сих пор мое присутствие ее вроде бы успокаивало. Можно попробовать и сейчас».

«Было бы отлично, – сказал я. – Мы в Мохнatom Доме, в гостиной».

Давай».

И спрыгнул с подлокотника кресла, освобождая место для Трикки, который без промедления появился в гостиной, молча кивнул Джуффину и Абилату и сел рядом с Базилио. Та немедленно уткнулась носом в его плечо и зарыдала еще громче. По моему богатому опыту наблюдений за плачущими, это хороший признак: в момент увеличения интенсивности рева человеку обычно становится гораздо легче. Надеюсь, и сейчас было так.

Я подошел к Джуффину и Абилату, все еще сидевшим на полу возле тела леди Тайяры, устроился рядом с ними и негромко, чтобы не отвлекать Базилио от рыданий, сказал:

– Если Шурф достоверно описал мне действие проклятия Йарра, вернее, если я правильно его понял и ничего существенного не упустил, это вполне может быть оно.

Эти двое удивленно переглянулись и уставились на меня – не то с одобрением, не то, напротив, с сочувствием к моей наивности, я часто не понимаю таких нюансов. Видимо, потому, что по большому счету мне плевать, с каким выражением на меня смотрят. Лишь бы внимательно слушали. И сразу поправляли, если меня занесет не в ту степь.

– Он говорил, что проклятый какое-то время может оставаться здоровым и бодрым, но смерть уже рядом и готова ухватиться за первый мало-мальски подходящий повод забрать свою жертву. Ее устроит любая житейская оплошность, любая пустяковая болезнь. И – это уже только мое предположение – возможно, иногда смерть даже подталкивает жертву под руку, вынуждая делать роковые глупости? Сдался же леди Тайяре этот дурацкий иллюзорный пирог! Мне показалось, она такая рассеянная, что вряд ли вообще замечает, кто что рядом с ней ест. И вдруг внезапно заинтересовалась.

– Я не знаю, мне до сих пор не приходилось сталкиваться с жертвами проклятия Йарра, – откликнулся Абилат. – Но теоретически...

– Такое вполне может быть, – подхватил Джуффин. – И если ты прав, хотел бы я знать, кто это у нас так красиво и неспешно умирает – вон уже сколько народу успел вперед себя пропустить. Еще дюжину лет назад у меня был бы неплохой список кандидатов. А теперь что-то никого. Одни уже сами мертвы, другие, напротив, живы настолько, что им не до глупостей. Не мог же я в одночасье перестать разбираться в людях?

– А оглупляющие заклинания бывают? – спросил я.

Не то чтобы всерьез этим заинтересовался, просто решил порадовать шефа. Джуффин любит, когда я задаю идиотские вопросы. Думаю, за

столько лет он привык считать их убедительным доказательством моего душевного благополучия, ну или просто доброй приметой, вроде орущих школьников, кто его разберет.

– Будешь смеяться, но еще как бывают! – заверил меня Джуффин. – Даже я знаю около дюжины, хотя никогда специально ими не интересовался. Дурак гораздо опасней умного, а мне дополнительные трудности ни к чему. Но со мной такой номер не пройдет. Против моих щитов любые наносящие ущерб на расстоянии заклинания бессильны, включая, кстати, пресловутое заклинание Йарра. А как, ты думаешь, я ухитрился дожить до сегодняшнего дня?

– Научил бы, что ли, – невольно улыбнулся я. – А то страшно жить среди вас, злых колдунов! Проклятие Йарра еще куда ни шло, это развлечение не на каждый день, а вот что заклинаний, способных сделать из человека полного дурака, не меньше дюжины, пугает по-настоящему. Только не говори, что интеллект не самое сильное мое место. Я знаю. Но дорожу тем немногим, что нажил непосильным трудом.

– Мои щиты, можно сказать, сувенир на добрую память от старых друзей, – серьезно ответил Джуффин. – Настолько старых, что сам теперь, пожалуй, на пальцах не сосчитаю, сколько тысячелетий назад мы встречались, и не вспомню, кто в тот раз пересекал Мост Времени, они или я.

– Так ваши щиты ставили древние маги? – восхитился Абилат.

– Кто же еще. Я показался им чрезвычайно забавным юношей, а ребята относятся к любимым развлечениям не менее трепетно, чем сэр Макс к своему интеллекту. Поэтому они решили подарить мне шанс дожить до того дня, когда я смогу научиться делать по-настоящему сложные вещи самостоятельно. Но этот день пока не наступил. Приятно осознавать, что самое интересное у меня еще впереди, но я бы предпочел сам делать подобные подарки. Полезное умение, мне его не хватает. Мне и врагов-то хоронить давным-давно надоело. Ничего увлекательного в погребальной церемонии нет. Гораздо интересней помочь человеку сохранить жизнь и посмотреть, что будет с ним дальше. Сколько шкур сменит, сколько раз собьется с пути, сколько шишек набьет и на какую тропу в итоге вывернет. Бывают, конечно, совсем упертые типы, но таких, хвала Магистрам, один на сотню, а большинству долгая жизнь скорее на пользу.

Джуффин умолк, с досадой взмахнул рукой и посмотрел на мертвую леди Тайяру Ката. На его лице было явственно написано: «Ну что же ты так!»

Я бы дорого дал за то, чтобы все они – Джуффин, Абилат, Трикки Лай – остались в гостинной хотя бы до утра. А еще лучше, позвали кучу народу. Джуффин – наших с ним коллег, Трикки – пару дюжин своих подчиненных, для антуражу, а Абилат... Ладно, пусть никого не зовет, лишь бы сам не уходил. Все-таки знахарь есть знахарь, его присутствие действует на меня утешительно, даже когда он с потерянным видом сидит на полу и вежливо отказывается от всего, что хозяин дома в моем лице может ему предложить.

Однако Абилат ушел первым, ему прислал зов пациент. Я был за него рад, потому что для настоящего знахаря с сильным призванием, только что в очередной раз осознавшего свою беспомощность перед лицом смерти, самый лучший выход – немедленно кого-нибудь вылечить. Другого способа привести себя в порядок у знахарей кажется вовсе нет, зато этот действует безотказно.

Следующим ушел Джуффин, прихватив с собой мертвое тело леди Тайяры. Щадя Базилио, шеф Тайного Сыска не стал сообщать присутствующим в присущей ему жизнеутверждающей манере, что съест ее целиком, не дожидаясь завтрака, а, напротив, честно сказал, что ему надо хорошенько подумать, кое в чем разобраться, с кем-то проконсультироваться и только потом делать окончательные выводы. Спасибо ему, конечно, за деликатность, но мне от созерцания серьезного сэра Джуффина Халли окончательно стало не по себе. Как будто со смертью леди Тайяры внезапно изменился весь Мир, и события начали развиваться по каким-то незнакомым мне правилам – не факт, что непременно плохим, но я по этим правилам играть не подписывался, и теперь сижу с чужими картами в руках, как последний дурак.

Впрочем, сразу после ухода Джуффин все-таки прислал мне зов, специально, чтобы напомнить: «Ты хотел вернуть себе зловещую репутацию? Получай! Готов спорить, нового учителя для бедняжки Базилио ты не найдешь никогда. И добрая половина слуг завтра попросит расчет, и соседи по кварталу срочно съедут куда-нибудь в Новый город – все, как ты и мечтал».

От его ехидства мне сразу полегчало – насколько это вообще было возможно в сложившихся обстоятельствах. Очень вовремя, потому что в этот момент Базилио наконец-то перестала рыдать, а Трикки Лай, на чью лекцию о разнообразных вариантах посмертного бытия я здорово рассчитывал, вдруг сказал:

– Я надеялся, что могу побыть с вами подольше, но у нас в порту случилось нечто беспрецедентное: попытка ограбления таможи. Я, к сожалению, должен там быть. Говорят, ничего подобного не творилось с тех пор, как Белая Птица прирезал старого начальника Тювина Саливаву, да и тогда было не настоящее ограбление, а вполне обычное сопротивление контрабандиста властям, просто зашедшее несколько дальше, чем хотелось бы всем участвующим сторонам... Кстати, нынешних грабителей остановил не кто-нибудь, а призрак Тювина. К счастью, моряки суеверный народ и безобидных призраков боятся больше, чем любого оружия, так что к моменту прибытия моих ребят все уже было практически решено. Но это не избавляет меня от обязанности лично присутствовать на месте происшествия.

– Иди, конечно, – унылым дуэтом откликнулись мы с Базилио.

И остались одни. Ни собаки, ни даже кошки не пожелали составить нам компанию. Обычно они охотно утешают загрустившую Базилио, но сейчас рядом с ней был я. А от моего плохого настроения звери стараются держаться подальше; большинство людей, впрочем, тоже пулей выскакивают из помещения, где обретаюсь печальный я. Говорят, удовольствие не для слабонервных. А еще говорят, такое сильное воздействие твоего настроения на окружающих верный признак могущества. То есть, по уму, всем нам сперва следовало бы учиться безмятежности, а уже потом приступать к занятиям магией. Но вряд ли в Соединенном Королевстве найдется хотя бы один колдун, которому удалось осуществить эту идеальную последовательность действий на практике. И я – совершенно точно не он.

По идее, теперь я должен был найти какие-то правильные слова, чтобы утешить Базилио. Завернуть что-то этакое про жизнь и смерть, философски оптимистическое и одновременно понятное даже младенцу. Но вместо этого печально сказал:

– Представляешь, когда мы ужинали с леди Тайярой, она рассказала, что изобрела способ сделать дураков умными. Тебе, по ее словам, это не нужно, зато остальным было очень легко у нее учиться, даже тем, кого из начальной школы прогнали за тупость. Я толком не понял, в чем там штука, но...

– Индивидуальный ритм, – шмыгнув носом, подтвердила Базилио. – Я тоже не все поняла, но запомнила, что у каждого человека есть свой внутренний ритм, и, если учителю удастся выстроить речь в этом ритме, знания как бы сами войдут в организм и лягут на отведенное им место. Она мне довольно подробно рассказывала. Надеюсь, что когда-нибудь я смогу

стать ее помощницей, если захочу. Говорила, как раз к тому времени, как я выучусь в университете, ей понадобится много толковых помощников, чтобы делать расчеты и тренировать молодых учителей. А теперь ничего не будет, да?

– Вот за это я больше всего не люблю смерть, – честно признался я. – Вместе с каждым человеком умирают сотни, тысячи невероятных возможностей. Ужасно их жалко!

– Больше, чем самих мертвых людей?

– Больше, меньше – откуда я знаю? Поди подсчитай. С другой стороны, сам человек и есть все эти возможности. Так что, получается, одинаково жалко. Всего.

– Трикки говорит, после смерти ничего не заканчивается, – сказала Базилио. – Правда, он сам точно не знает, всегда или не всегда. А ты знаешь?

– Никогда ничего не заканчивается, – твердо сказал я. – Ни для кого. Подробностей я не знаю, но, уверен, тут и знать особо нечего, подробности у каждого свои. Смерть для всех разная, как и жизнь.

– А для таких, как я? – дрогнувшим голосом спросила Базилио. – Как ты думаешь, что случается с овеществленными иллюзиями после того, как мы умираем? Или мы не умираем, а просто исчезаем? И... больше ничего?

Этого вопроса я так опасался, что подготовился заранее. Неоднократно повторил про себя бодрым тоном: «С такими, как ты, вообще все всегда будет в полном порядке, вы же все-таки волшебные существа». Но завалил выступление, потому что легко вру только по мелочам, да и то при условии, что временно сам себе поверил. А сейчас вместо оптимистической заготовки честно сказал:

– Не знаю, дорогой друг. Этого вообще никто не знает, потому что таких чудесных существ как ты за всю историю Соединенного Королевства было – раз, два и обчелся. Но из них, кстати, никто так и не умер и не исчез. Ушли неведомо куда, ну так это и с людьми постоянно случается. И скорее хорошая новость, чем наоборот.

– Я знаю, что никто не знает, – нетерпеливо кивнула Базилио. – Я уже Трикки спрашивала. И сэра Шурфа. И даже господина Старшего Помощника Придворного Профессора. Все они говорили примерно то же самое. Но мне интересно, что ты об этом думаешь?

– Думаю, что у тебя есть сознание – тот, кто живет, с кем все происходит, кто воспринимает, осознает и действует. Как по мне только это и важно. А значит, ты ничем принципиально не отличаешься от людей. Способ рождения, особенности материи, из которой ты состоишь, твой

первоначальный внешний вид и все остальное – несущественные детали. Я же и сам типичное не пойми что, разве что специальную еду для меня наколдовывать не надо. Но, кстати, многие местные зелья действуют на меня странным образом, не как не остальных людей. От супа отдохновения мгновенно дурею, а от простого приворотного средства однажды чуть не умер, то есть, умер бы, если бы Джуффин не спас. Ты знаешь эту историю? Нет? Ладно, сейчас расскажу.

Так я открыл свой персональный способ утешать безутешных: травить байки, пока не уснут. Благо жизнь мне досталась довольно насыщенная событиями, а рассказывать истории я умею даже лучше, чем скакать по Темной Стороне и путешествовать между Мирами. Лучше, чем вообще все.

В конце концов успокоенная доброй полудюжиной сказок с неизменно хорошим концом Базилио задремала, кое-как устроившись в кресле, а я умолк и тут же снова приуныл. Как мне теперь отвлекаться от черных мыслей о мертвой леди Тайяре, которая так и не смогла запомнить как меня зовут, зато успела застолбить в моем сердце очень неплохой участок, и теперь, что ни делай, он всегда будет пуст.

Но сердце – ладно, к потерям ему не привыкать, никуда не денется, вытерпит еще одну. А вот как ужиться с тем фактом, что в Ехо, похоже, одного за другим убивают незаурядных; впрочем, ладно, неважно каких, просто убивают людей? И мы, такие прекрасные и могущественные, понятия не имеем, как это остановить, даже у Джуффина с Кофой пока никаких идей. И вот прямо сейчас я ничего не могу с этим сделать. И завтра вряд ли смогу. Захотят – еще кого-нибудь убьют и меня не спросят.

На этом месте прокравшиеся было в гостиную собаки решительно развернулись и снова вышли. Я бы на их месте сам развернулся и вышел, да что толку, если придется брать себя с собой.

В таком замечательном настроении меня и застал сэр Шурф Лонли-Локли. Честно говоря, я не был ему рад. То есть рад я сейчас не был вообще ничему, в принципе, а насчет Шурфа имел дополнительное соображение, что он ничем не хуже собак. И тоже имеет полное право не страдать от моего душевного раздора. Но будучи человеком ответственным, не развернется и не уйдет. По крайней мере, не сразу. И заранее страшно вообразить, что его ждет.

– На самом деле ты не хочешь меня видеть, – честно сказал я. – В смысле ты совершенно точно не хочешь видеть то, что сейчас тут вместо меня сидит. Иметь дело с этим типом трудно и довольно противно. Даже

мне.

– Если ты думаешь, будто до сих пор с тобой всегда было легко и приятно, вынужден развеять это удивительное заблуждение, – невозмутимо заметил мой друг. – Даже не представляю, откуда оно у тебя взялось. То, что происходит сейчас, далеко не худшее, чему я становился свидетелем. Максимум пять баллов по двенадцатибалльной шкале. Будь ты ветром,гнулись бы тонкие деревья, а рыбакам не рекомендовалось бы выходить в море. Но я не рыбацкая лодка. Не перевернусь.

Я был так сражен красотой сравнения, что не стал возражать.

– Я знаю о несчастье с леди Тайярой, – добавил Шурф. – Нет ничего удивительного, что ты зол, как голодный фэтан и одновременно печален. Что наверняка помешает тебе по достоинству оценить вкус камры, которой я намерен тебя угостить. Но выпить ее залпом, как воду, ты вполне способен – уже неплохо. В любом случае попытки воспитать из тебя гурмана я прекратил много лет назад, как абсолютно безнадежные. Пошли в твой кабинет, а еще лучше – на крышу. Не будем мешать Базилио.

– Я как раз из-за нее здесь сижу, – объяснил я. – Не хочу, чтобы она проснулась в одиночестве.

– Как только ты уйдешь из гостиной, сюда сразу вернутся кошки и собаки, – заметил Шурф. – Будь я юной леди, с которой стряслась беда, я был бы не прочь проснуться в такой компании.

– Ладно, учту, – кивнул я.

– Что именно ты учтешь?

– Если ты когда-нибудь случайно превратишься в печальную юную леди, буду навещать тебя исключительно в виде кота. Вряд ли это гораздо трудней, чем просто изменять внешность.

– Надеюсь, мне все же удастся избежать этого несчастья... обоих несчастий, – усмехнулся мой друг. – Совсем не уверен, что кот, в которого ты превратишься, – подходящая компания для девушки.

* * *

– Полагаю, ты решил, будто я пришел тебя утешать, – сказал мне Шурф после того, как мы добрались до кабинета в башне и вылезли на крышу самым неудобным и одновременно восхитительным путем, какой только можно придумать – через маленькое, высоко расположенное окно.

– И даже отчасти в этом преуспел, – меланхолично согласился я, принимая из его рук кружку с камрой, сваренной искусным Орденским

поваром. – По крайней мере, когда я смотрю в будущее, мои глаза больше не застилают кровавая тьма. Просто очень жалко леди Тайяру. И Базилио тоже жалко. Она, представляешь, сперва решила, будто сама во всем виновата. А потом предлагала позвать леди Сотофу, чтобы воскресить учительницу, но узнала, что мертвых не воскрешает даже она. И вообще за один присест получила кучу не самой приятной информации о законах мироздания, в котором мы все зачем-то живем...

– Но больше всего тебе жалко, что ты бессилен что-либо изменить, – понимающе кивнул Шурф. – И тут тебе никто не поможет, так уж ты устроен, будешь сходить с ума, пока не найдется убийца. И еще какое-то время после, просто по инерции, пока тебя что-нибудь не отвлечет. Поэтому я не планировал тебя утешать. Не в моих привычках ставить перед собой заведомо невыполнимые задачи. Я пришел к тебе с просьбой. По делу. Понимаю, что несколько несвоевременно, но так получилось, что мне срочно нужна помощь, а кроме тебя попросить некого. Разве что Джуффина, но он сейчас, как ты сам догадываешься, очень занят.

– Надеюсь, что так, – вздохнул я. – Выкладывай, что случилось. Все что смогу, сделаю, не вопрос.

– Ты знаешь, что я регулярно вожу на Темную Сторону тех адептов Ордена, которых она соглашается принять. Эти совместные прогулки я считаю наиболее важной частью своей нынешней деятельности, если не вообще единственным осмысленным резонансом продолжать занимать должность Великого Магистра после того, как бюрократическая работа, связанная с принятием поправок к Кодексу Хрембера почти завершена; впрочем, тебе это можно не объяснять.

– Еще бы, – подтвердил я.

– До последнего времени наши совместные походы носили ознакомительный характер. То есть я просто помогал адептам Ордена, способным достичь Темной Стороны, реализовать свой дар на практике. Собственно, именно это и должен сделать всякий опытный проводник для новичка: привести на Темную Сторону и присмотреть, чтобы с ним там ничего не случилось.

Я нетерпеливо кивнул – да, и что?

– Тем не менее, я постепенно пришел к выводу, что пользы было бы несоизмеримо больше, если бы я передавал своим ученикам те знания о Темной Стороне, которые успел получить и отчасти систематизировать за годы практики. Я имею в виду ту часть своих впечатлений, которые можно считать более-менее объективными, а значит пригодными для всех.

– Надеюсь, ты не рассчитываешь, что я помогу тебе составить курс

лекций? – спросил я. – Потому что, во-первых, мой опыт вряд ли еще кому-то пригодится, а во-вторых...

– А во-вторых, ты не обладаешь навыком составления учебных программ, – продолжил мой друг. – Не беспокойся, сэр Макс, я пока не настолько безумен, чтобы предложить тебе писать конспекты будущих лекций. У меня просьба совсем иного рода. Видишь ли, я не совсем уверен, что Темная Сторона одобрит такое мое поведение. Вернее, просто не знаю, как она поведет себя, если я начну рассуждать вслух о ее природе. Возможно, будет оскорблена, как человек, чьи тайны прилюдно обсуждают досужие сплетники? И я хотел бы заранее заручиться ее согласием, чтобы не подвергать опасности своих спутников.

– Думаешь, я могу дать это согласие от ее имени? – опешил я.

– Конечно, нет. При всем уважении к тебе, так я не думаю. Зато совершенно уверен, что если мы отправимся на Темную Сторону и ты задашь там интересующий меня вопрос, то сразу получишь ответ. И сообщишь его мне, каким бы он ни был.

– Хочешь, чтобы я пошел с тобой на Темную Сторону и спросил, можно ли тебе проводить уроки для орденской молодежи? Слушай, да хоть сейчас!

– А мне и надо прямо сейчас. Потому что завтрашний день у меня почти совершенно свободен, спасибо Клари. И мне хотелось бы употребить его с пользой. То есть, если занятия будут, составить программу. А если нет... – на этом месте Шурф мечтательно зажмурился, явно прикидывая, на что можно потратить освободившееся время, – с легким сердцем ее не составлять.

– Похоже, ты совсем не хочешь готовить эти дурацкие лекции про Темную Сторону, – сказал я. – Ну и зачем тогда?

– Хочу или нет, не имеет никакого значения, пока я ощущаю это своим долгом. Вот если Темная Сторона окажется против, это будет серьезным резонансом воздержаться от дополнительной работы. Пошли?

– Конечно, пошли, – кивнул я. – Не знаю, какими путями ты нынче предпочитаешь ходить на Темную Сторону, но сейчас советую держаться за меня. Чую, сегодня я очень быстро там окажусь.

Забавно, конечно, что Темная Сторона называется именно «темной»; многие новички, впервые услышав этот термин, мужественно закусывают губы и заранее прощаются если не с жизнью, то с рассудком, подозревая, что сейчас их потащат в самое сердце зла.

Впрочем, я в свое время проявил неслыханный оптимизм, решив, что

на Темной Стороне просто очень темно. И, оказавшись там, какое-то время действительно видел только оттенки черного цвета. Потом, хвала Магистрам, прошло.

А на самом деле «Темная» в данном случае имеет значение «потаянная», «скрытая от человеческих глаз». Потому что Темная Сторона, тайная изнанка Мира и правда скрыта от большинства его обитателей. Она не удаленное секретное место, куда не знает дороги никто, кроме специально обученных мудрых старцев, а особое состояние сознания и материи. Чтобы достичь Темной Стороны, надо соответствующим образом преобразиться. Превратиться во что-то отличное – не столько от человека, сколько от обычных человеческих представлений о себе. И это такая способность, которую не разовьешь тяжким трудом. Она или есть, или нет. Зато когда есть, тяжкий труд не помешает – я имею в виду, лучше почаще туда ходить.

Ясно, что назвать этот труд «тяжким» можно разве что в шутку. Тот самый случай, о котором я сто раз вполне безуспешно долбил Базилио: когда причиной комического эффекта становится очевидная абсурдность высказывания. Потому что любой хоть раз побывавший на Темной Стороне счастливчик скажет вам, что большей радости в его жизни до сих пор не случилось. Но конечно еще случится: когда он снова туда пойдет.

Когда-то я, как и все новички, мог попасть на Темную Сторону только подолгу блуждая по темным подземным коридорам под Управлением Полного Порядка; позже выяснилось, что на наших подвалах свет клином не сошелся, любое протяженное и запутанное подземелье сойдет. Потом оказалось, что спускаться в подземелья тоже не обязательно, можно часами кружить по городу, постепенно обнаруживая вокруг себя знакомые приметы Темной Стороны: сияние ее камней, прозрачность текучей как вода земли, разноцветные потоки ветра, покрытую трещинами небесную твердь. И наконец я понял, что можно вообще никуда не ходить, а просто спокойно сидеть на крыше, или на подоконнике, да хоть в постели лежать. Где бы ты ни был, чем бы ни занимался, в любой момент достаточно сосредоточиться, вспомнить, как выглядит Темная Сторона, и окружающий мир тут же удивительным образом преобразится, а тебе останется только смеяться над собой, дураком, который собирался прилагать какие-то специальные усилия, чтобы оказаться там, откуда никогда не уходил.

Я хочу сказать, для всякого избранника Темной Стороны самая главная ее примета – ощущение, что вернулся домой. И одновременное понимание, что на самом деле ты этот дом никогда не покидал. Это действительно

всякий раз оказывается очень смешно, самая безотказная шутка в Море, бессмертный, не надоедающий анекдот о нас.

Поэтому оказавшись на окутанной зыбким туманом улице, вымощенной сияющими как мелкие луны камнями, под темно-оранжевым небом, из трещин которого сегодня лился на удивление теплый лазурный свет, мы сперва просто смеялись, разглядывая друг друга, как будто впервые увидели – надо же, вроде бы взрослые разумные люди, а ведь только что всерьез обсуждали, по какому важному делу нам надо сюда пойти. Хотя дураку ясно: сама прогулка по Темной Стороне и есть важное дело. А все остальное – просто повод вспомнить, что нам надо быть здесь.

– Ты и правда очень быстро теперь сюда добираться, – наконец сказал Шурф. – Мне приходится сосредотачиваться никак не меньше полудюжины минут даже когда я один. А со спутниками гораздо дольше.

– Ну так это смотря какие спутники, – откликнулся я. – С тобой, по моему, только быстрее.

– Наверное, так и есть, опытный спутник скорее подмога, чем обуза, – кивнул он, подставляя руку прилетевшему к нам ярко-алому ветру, как любимой собаке, чтобы придержать на месте и одновременно приласкать.

– Ты невероятный молодец, что меня сюда вытащил, – сказал я. – Под совершенно дурацким предлогом, но какая разница, главное, что я встал и пошел. А самому бы в голову не пришло – вот интересно почему, когда становится плохо, человек первым делом забывает все спасительные рецепты, позволяющие быстро поправить дело?

– Вероятно, потому что всякое страдание, как настоящая тайна само себя бережет, – усмехнулся мой друг. – Но, кстати, ты напрасно считаешь, будто я наскоро придумал первую попавшуюся причину вытащить тебя сюда. Мне действительно необходимо получить ответ на свой вопрос. Другое дело, что не так срочно, как я постарался представить. То есть, если бы ты уже лег спать или был занят, я бы легко подождал.

– Ладно, сделаем, если надо, – согласился я. – Мне для тебя и так-то ничего не жалко, а сегодня я твой должник. Когда уволишься из Великих Магистров, постараюсь уговорить тебя занять вакантное место первого заместителя моего головного мозга. Работа непыльная, с тебя одна толковая идея в сутки, все остальное на твое усмотрение. Пошли найдем какое-нибудь убедительное место для переговоров. В смысле погуляем, так-то я и сам понимаю, что все места одинаково хороши.

Шурф улыбнулся, кивнул – уж насколько с ним в последнее время стало легко договориться, а все равно на Темной Стороне он сговорчивей

во сто крат – развернулся и пошел вперед по сияющей, словно бы разбегающейся из-под его ног в разные стороны улице. Я собрался было последовать за ним, но застыл на месте, еще не испуганный, а только удивленный открывшимся мне зрелищем.

– Эй, – сказал я, – погоди! Что за странную... – жабу? Рыбу? – штуковину ты себе завел? Зачем она висит у тебя на шее? Что символизирует? Твою тайную власть над Орденом Семилистника? Или какую-то нерешенную бюрократическую проблему? Или это обязательный атрибут всякого счастливца, обретшего идеального секретаря?

Шурф неохотно остановился – кому как не мне знать, какое неизъяснимое наслаждение доставляет обычная ходьба на Темной Стороне – обернулся, снисходительно улыбаясь:

– Какая, к лесным вурдалакам, жаба? И почему именно на шее? Если ты собирался меня разыграть, учти, это не тянет даже на неудачную попытку... Эй, да что с тобой?

Его последний вопрос означал, что выражение лица у меня в этот момент стало совсем ни к черту. Сказать, что я испугался, обнаружив, что мой друг ничего не знает о повисшем на его шее темном комке причудливой формы, а значит эта пакость вряд ли является следствием его личного колдовства – ничего не сказать. Я и в штаны-то не наделал только потому, что таинственная природа Темной Стороны не предоставляет ее гостям такой возможности. Ну или лично я пока недостаточно опытен и не знаю, с какой стороны к этой нетривиальной задаче подойти.

Но, к счастью, именно в такие моменты у меня обычно включается голова. На полную мощь, я имею в виду, а не в обычном развлекательном режиме. Вот и сейчас она наконец-то вспомнила, что мои слова на Темной Стороне имеют силу могущественных заклинаний. И сразу сообразила, какую практическую пользу можно из этого извлечь.

– Стой, пожалуйста, где стоишь, – попросил я Шурфа. – Не двигайся. Я разберусь.

А потом сказал, спокойно и четко, тщательно взвешивая каждое слово:

– Я хочу знать, что за странная штука повисла у Шурфа на шее.

До сих пор горжусь тем, что когда ответ на вопрос возник у меня перед глазами, я не счел его игрой своего расшалившегося воображения. И долго раздумывать, что делать с этой ужасающей информацией, тоже не стал, а просто попросил:

– Пусть наложенное на Шурфа заклятие исчезнет без всяких последствий, как будто его никогда не было.

Мой друг слушал меня, что называется, с возрастающим интересом.

Но прежде, чем он понял, что происходит, все было кончено.

Я даже толком не обрадовался, что у меня настолько легко получилось. Во-первых, так и положено, а во-вторых, на радость у меня сейчас не было душевных сил.

– Пошли все-таки пройдемся, – сказал я. – Лучшего способа привести себя в порядок, чем прогулка по Темной Стороне пока не изобрели. А мне позарез надо. Я тебе дома все расскажу. Не хочу об этом здесь вслух говорить. Ну его к лешему.

– Ладно, – невозмутимо кивнул мой друг. – Пошли.

Надо сказать, уже через пару минут происшествие с жабой на шее стало казаться мне вполне рядовым эпизодом, а четверть часа спустя я был готов счесть его почти смешным. И натурально подпрыгивал от восторга: как же нам повезло, что так вовремя сюда пришли! Такова целительная сила прогулок по Темной Стороне.

– Я так понимаю, тебе пока не до моих лекций, – внезапно сказал Шурф. – Это не беда, мне на самом деле не к спеху, с удовольствием приду сюда с тобой снова, когда выберешь время. А сейчас я бы предпочел вернуться домой и узнать, что случилось. Неизвестность отравляет все удовольствие, все-таки нет для меня ничего хуже, чем не понимать.

– Конечно, – откликнулся я. – Свинство с моей стороны из тебя жилы тянуть, надо было сразу возвращаться. Просто не смог удержаться от соблазна побыть здесь подольше. Извини. Сейчас, еще минуту, и пойдем. Хочу напоследок попробовать кое-что прояснить.

Я умолк, прикидывая, как лучше сформулировать свой вопрос.

Тут такая штука: я, конечно, редкостный счастливчик, Темная Сторона не только всегда соглашается исполнять мои желания, но и готова отвечать на вопросы. Однако отвечает она не человеческим голосом, а по большей части умеренно внятыми указаниями, знаками и событиями. А иногда, если повезет, вполне ясными мыслями в моей голове, которые я, хвала магистрам, быстро научился отличать от собственных. Когда не питаешь особых иллюзий на свой счет, это довольно легко.

На первый взгляд, удивительно, что обладая такими возможностями, я до сих пор не стал самым всеведущим пророком этого Мира и нескольких соседних Вселенных за компанию – если уж Темная Сторона согласна меня консультировать. Загвоздка в том, что ее взгляд на проблемы несколько отличается от нашего, человеческого. И ответы Темной Стороны на конкретные практические вопросы могут показаться несколько чересчур абстрактными. Облаку, проплывающему над землей в километре от наших макушек, они, не сомневаюсь, были бы чрезвычайно полезны. А простому

угуландскому колдуну с кучей житейских забот – далеко не всегда.

Со временем я усвоил, что здесь обычно удается получить ответы на вопросы вроде: «Что случилось? И что теперь делать? Как все исправить?» Иногда эти ответы даже можно расшифровать без привлечения лучших умов Соединенного Королевства. Но с вопросами типа: «Кто виноват?» к Темной Стороне соваться вполне бесполезно. Когда я прихожу сюда, чтобы выяснить имя конкретного преступника, некоторые трещины на ее разноцветном небе меняются местами, вероятно символизируя его смятение, ближайший ко мне поток ветра меняет цвет, не удивлюсь, если в полном соответствии с настроением провинившегося, а вот бумажки с его именем и домашним адресом здесь не допросишься. В лучшем случае, озарит откровение: «Это сделал человек», – то есть совершенно точно не говорящая коза сэйю, не огненный демон, не гриб, не камень, не одушевленный случайно пролетевшим мимо заклинанием кирпич, не его величество случай, а именно бескрылый двуногий венец творения. Боюсь, Темная Сторона, как покойная леди Тайяра, просто не запоминает ничьих имен, кроме разве что самых близких. Так что меня, в случае чего, вполне сможет сдать с потрохами. А остальных, извините, нет.

Но сейчас я все равно спросил: «Кто это сделал?» – ну а что я теряю? Не ответит, так не ответит, но все-таки вдруг? В виде исключения. Я же действительно везучий, глупо не пытаться это использовать.

Вожденная бумажка с именем злодея не материализовалась перед моим носом. Зато носу достался запах – горького дыма, увядшей травы, сладкой сырой земли. Запах был очень хорош, из тех, что однажды услышав, безотчетно ищешь повсюду и безошибочно узнаешь даже спустя годы. И одновременно мне стало так плохо, как уже очень давно не было. Собственно, с тех пор, когда мне в интересах следствия время от времени приходилось становиться на след мертвеца. Ощущение оказалось очень похожим: вот этот утробный тоскливый вой каждой клетки тела, внезапно осознавшего свою смертность, сливающийся в мучительно громкий, парализующий разум и отменяющий тебя самого хор; та степень душевной муки, когда она превращается в физически ощутимую боль.

Удивительно, что когда было нужно для дела, я подолгу терпел это кошмарное состояние и даже более-менее осмысленно действовал, невзирая на него. Хоть памятник тому прежнему нестигаемому себе ставь. Потому что сейчас мне и секунды хватило, чтобы утратить способность стоять на ногах. Ну, правда, следует сделать скидку на эффект неожиданности. И на контраст с обычным эйфорическим состоянием на Темной Стороне.

К счастью, это очень быстро закончилось. То есть к тому моменту как моя задница достигла сияющей земли, со мной уже все снова было в порядке. Если не считать некоторого удивления, граничащего с полным офонарением. Хотя, конечно, совсем другим словом надо бы это называть.

В первый момент я сдуру решил, что Темная Сторона отвесила мне оплеуху, чтобы не лез с расспросами. До сих пор за ней такого не водилось, но я себя знаю: кого угодно могу до цугундера довести, сам того не заметив. Впрочем, я тут же понял, что это полная ерунда. Темная Сторона не пьяный матрос, чтобы затевать драку. У нее есть тысяча способов гораздо более внятно сказать: «Хватит приставать ко мне с вопросами». Если я ей надоем, сразу почувствую, что спрашивать больше нельзя, как до сих пор всегда безошибочно знал, что мне тут можно вообще все. И теперь ничего не изменилось. Чтобы понять это, оказалось достаточно выдохнуть и снова вдохнуть. И сказать вслух: «Спасибо». Голос у меня, конечно, сейчас звучал... ну, скажем так, не ахти. Но уж какой есть.

– С тобой все в порядке? – спросил Шурф.

С его точки зрения эта сцена наверняка выглядела совершенно душераздирающе: человек задал вопрос, с перекошенной рожей рухнул на землю и тут же принялся вежливо благодарить, срываясь на подозрительно звенящие ноты. Но держался мой друг неподражаемо, даже тон умудрился взять лишь отчасти обеспокоенный, а отчасти насмешливый. И никакого звона в голосе. Никогда, наверное, этому не научусь.

– Все в порядке, – кивнул я и поднялся, опираясь на его очень кстати протянутую руку. – Просто получил чрезвычайно интересный ответ на свой вопрос. Пошли домой. В смысле из дома. В общем, отсюда. Хватит с тебя. Да и с меня.

И попросил:

– Нам надо вернуться на крышу Мохнатого дома, минут через десять после того, как оттуда уш...

Даже договорить не успел.

* * *

– Все-таки плохо быть тайным сыщиком, – сказал я, усевшись, конечно же, мимо всех специально разбросанных по крыше подушек, на голую, остывшую за ночь черепицу.

– Да, у этой профессии есть свои недостатки, – не теряя невозмутимости, ответил сэр Шурф. – Однако до сих пор ты не считал их

существенными.

– Мало ли, что было до сих пор. Мне бы сейчас, по-хорошему, пару стаканов осского аша залпом, а потом упасть, уснуть на сутки и все забыть. В идеале навсегда. Но нельзя. Даже рюмку, пожалуй, не стоит, потому что работать... Не смотри на меня так, я не нарочно тяну резину, а просто тараторю, не затыкаясь, чтобы не закричать. Здесь не Темная Сторона, и сохранять спокойствие не так просто, то есть вообще невозможно, ты меня знаешь; ладно, неважно. Все равно когда-то придется сказать это вслух. Короче, у тебя на шее висело какое-то жирное смертельное заклятие, возможно как раз модное в этом сезоне проклятие Йарра, точно не скажу, я не специалист и в нюансах не разбираюсь. Слушай, это какое же счастье, что ты потащил меня на Темную Сторону до того, как оно подействовало! Получается, смерть леди Тайяры нас в каком-то смысле спасла... И дополнительное счастье, что следы чужих заклятий на Темной Стороне обретают зримую форму, и их становится легко уничтожить. Сто раз от Джуффина слышал о таких штуках, а своими глазами увидел в первый раз. Какие-то мне спутники до сих попадались незаколдованные, и это, конечно, не дело, надо расширять круг общения... Ну чего ты ржешь?

Я преувеличивал, на самом деле сэр Шурф вовсе не «ржал», а улыбался. Не до ушей, довольно сдержанно, но все-таки улыбался. Вот кто из нас настоящий пижон. Выслушивать с улыбкой такие новости – это конечно надо уметь. Высокий класс.

– Считай, просто отдаю должное твоей манере забавно рассказывать по-настоящему страшные вещи, – объяснил мой друг. – Улыбка в ответ на шутку – обычное следование правилам хорошего тона, как аплодисменты оперному певцу. Каким бы ты ни был сдержанным человеком, но без них на концерте нельзя. А теперь выкладывай подробности. Считай, с тебя ария на бис.

– Какие тут могут быть подробности, – вздохнул я. – Увидел, что у тебя на шее болтается что-то странное, действительно немного похожее на жабу и одновременно на рыбу. Сперва даже не вспомнил, как Джуффин описывал чужие заклинания, решил, что это какие-то твои личные великие магистерские дела. Но на всякий случай спросил и понял, что ты ничего о жабе не знаешь. Тогда я спросил о ней Темную Сторону и получил на редкость внятный ответ: твое мертвое тело перед глазами. Отличный, кстати, из тебя получится труп, большой, красивый и аккуратный. Но мне все равно не понравилось.

– На тебя не угодишь, – бесстрастно заметил мой друг.

– Да, я довольно придиричив. Надеюсь, мне больше никогда не

придется созерцать твои трупы. Зато я сразу понял, что это и есть ответ: если мне показывают мертвого тебя, значит, жаба – смертельное заклятие. И я ее, как ты помнишь, отменил. Или его? В общем, все отменил на фиг. Ты слышал формулировку. Как думаешь, подходящая?

– Думаю, да, – сдержанно согласился Шурф. И, помолчав, добавил: – Быть Великим Магистром ничуть не лучше, чем тайным сыщиком. Я имею в виду, что два стакана осского аша вот прямо сейчас и для меня несбыточная мечта. Сначала дела. Впрочем, подозреваю, завтра вечером это желание все еще будет актуально. И послезавтра. Возможно, даже дюжину дней спустя.

– Тебе в любом случае не поможет. Ты же практически не пьянеешь, я помню. Думал, кстати, это твое естественное свойство, а вас оказывается в Ордене специально учили; кто-то недавно при мне об этом говорил...

– Не пьянеть – это просто навык, – пожал плечами мой друг. – Его можно использовать, а можно и не использовать. Будь моя воля, я бы сейчас не стал. Не каждый день узнаешь, что с тебя только что сняли какое-то неведомое смертельное заклятие, о существовании которого ты сам не подозревал. Просто ничего не заметил. Это даже не просто позор, это полный провал.

– Будь на твоем месте я, ты бы сейчас сказал: «Не подозревал, но при этом действовал максимально эффективно: позвал меня на Темную Сторону и повернулся спиной». Или другими словами, но по сути примерно то же. В смысле кто ж тебе виноват, что ты такой стремительный вдохновенный гений, что собственная голова от тебя отстает. Конечно, лучше бы такие штуки сразу замечать, не спорю. Но хоть так.

– Да, тебе я именно так и сказал бы. Но с себя спрос всегда строже. В конце концов, я гораздо старше и опытней.

– На каких-то несчастных двести с хвостиком лет, – фыркнул я. – Несерьезно. Вот доживешь до тысячи, можешь начинать спрашивать с себя строго. А сейчас – какой смысл?

Шурф укоризненно покачал головой, но возражать не стал. Спросил:

– Ты знаешь, кто это сделал, я правильно понимаю?

– Неправильно. Я, как ты помнишь, об этом спросил и тут же почувствовал себя так, словно встал на след мертвеца.

– Так вот почему тебе стало дурно.

– Ну да. Ничего из ряда вон выходящего, но на Темной Стороне подобных ощущений как-то не ждешь. Если я правильно понимаю, это был ответ. Похоже, тот, кто наложил на тебя это смертельное заклятие, уже умер. Он, конечно, зря поторопился, я бы с удовольствием ему помог.

Давно уже не испытывал настолько сильных и страстных чувств к незнакомцам. Но ладно, сам так сам. Значит, это и правда было проклятие Йарра. Тогда все сходится: ты себя прекрасно чувствовал и даже теоретически не мог ничего заподозрить. И виновник уже мертв.

Шурф надолго задумался, наконец кивнул:

– Ты прав, это бы все объяснило. Включая тот факт, что я не заметил чужого заклятия, чего по идее все-таки не может быть. Интересные дела. Меня, конечно, довольно много народу не любит, особенно после скандального назначения в Орден Семилистника. Но ненавидеть настолько, чтобы посвятить последние минуты жизни попытке меня убить... Я даже отчасти польщен. И совершенно не представляю, кто бы это мог быть.

– Интересно другое, – сказал я. – На самом деле, на действие проклятия Йарра похожи вообще все случаи, произошедшие с начала лета... Ладно, все, не все, но некоторые из них – факт. Леди Тайяра, наевшаяся иллюзий, и другая леди, нечаянно слизнувшая с руки яд, с которым до этого много лет профессионально работала. И парень из Ордена Потаенной Травы, свалившийся с крыши – ну слушай, даже я способен в случае чего плавно спланировать! Хотя с детства магии не учился, в Орденах не состоял и в Смутные Времена не жил, а просто взял полтора частных урока на бегу – собственно, у тебя. И твой бывший коллега по Ордену Дырявой Чаши, который, по идее, физически не мог утонуть. И Старший Магистр Ордена Зеленых Лун, на которого упал книжный шкаф, – это вообще ни в какие ворота. Насчет остальных я не так уверен, просто пока не разбирался, но слушай, даже этих случаев более чем достаточно, чтобы открылась фантастическая картина: где-то сейчас целая толпа очень злобных колдунов умирают один за другим, выкрикивая напоследок убийственные заклинания. По-моему, бред собачий. Зато многое объясняющий бред.

– Боюсь, у меня в голове сейчас примерно такая же каша, – вздохнул Шурф. – Все-таки довольно странно ощущать себя счастливо спасенным от неминуемой смерти. Хотя давным-давно мог бы привыкнуть, что время от времени такое со мной происходит, ничего необычного в этом нет. Надо бы подсчитать, сколько жизней я тебе уже задолжал.

– Подсчитай, дело хорошее, – согласился я. – Благо с тебя наконец-то есть что взять. Отдавать долги будешь камрой своего повара. Одно чудесное спасение – дюжина кувшинов. До конца года небось сочтемся, и можно будет начинать с нуля. Хотя я бы предпочел просто немного спокойно пожить. Без этого романтического пронзительного ощущения хрупкости самого фундамента бытия. Но ладно, нет, так нет... Ты мне

лучше вот что скажи, как потомственный интеллеktуал невежественному гызу^[26]: а это проклятие Йарра может наложить специально воскрешенный для такого дела мертвец? Скажем, вроде Джифы Саванхи и его развеселой банды^[27]? Или тех бедолаг, которых я ненадолго воскрешал для допросов? Может такое быть?

В кои-то веки всеведущий сэр Шурф был озадачен.

– Понятия не имею. Не верю, что такое возможно, но неверие – не информация. Попробую узнать.

– Попробуй, – кивнул я. – Потому что если все-таки да, абсурдная толпа злых колдунов-самоубийц, в которых при всем желании трудно поверить, превращается в своего рода фабрику смертных проклятий. С одним-единственным ловким хозяином, придумавшим отличный эффективный и безопасный метод уничтожения всех подряд. В него даже верить не надо, мы точно знаем, что такие прекрасные люди в Мире есть.

Шурф задумчиво кивнул. Потом внимательно посмотрел на меня. Спросил:

– Ты вообще когда в последний раз спал? Выглядишь гораздо хуже моего трупа, по крайней мере, как ты его описывал.

– Не далее как нынче утром, зато очень недолго и совершенно отвратительно», – вздохнул я. – Но ничего не...

– Еще как поделаешь, – перебил он. – Ложись спать. Прямо сейчас. А я пока соберу информацию. И поговорю со всеми, с кем об этом нужно поговорить. Все равно такие вещи у меня получаются лучше, нет никакого практического смысла преждевременно загонять тебя в гроб.

– Звучит неплохо. Но если ты думаешь, что я после всего этого вот так просто усну...

– «Так просто», может, и не уснешь. А магия нам на что? Самое время усыпить тебя как минимум до полудня. Не беспокойся, если потребуется для дела, разбужу раньше. Возможно даже получу от этого некоторое удовольствие. Когда-то мне нравилось мучить людей.

– Ни за что бы не согласился, – усмехнулся я. – Но твой последний аргумент меня убедил.

* * *

Проснулся я, тем не менее, совершенно самостоятельно. Причем хорошо за полдень. Вот и верь после этого злым угуландским колдунам:

сперва обещают зверски замучить, а потом забывают. И справляйся как можешь сам.

Впрочем, грех жаловаться. Для полноценных утренних мучений у меня было все, что требуется: одиннадцать трупов в городе, потрясенная смертью учительницы Базилио в доме и воспоминания о вчерашнем походе на Темную Сторону в голове, сердце, желудке и прочих совершенно не подходящих для воспоминаний местах.

В гостиную я спускаться не стал, потому что позорно струсил. А вдруг Базилио сидит там и по-прежнему ждет утешений? С утра я, пожалуй, не придумаю ни одного. Лучше уж пусть собаки и кошки стараются, для того они и нужны.

Посылать зов Джуффину я тоже не стал, потому что опять же струсил. Вдруг он сейчас сообщит мне о двенадцатом трупе? Или даже тринадцатом. И назовет знакомые имена. Не то чтобы я надеялся всю жизнь избегать этой информации, но не мог не воспользоваться возможностью хоть немного оттянуть момент прозрения.

Но больше всего я, конечно, трусил посылать зов Шурфу. Потому что если он не ответит сразу же, я совершенно точно решу, что мои старания были напрасны, заклятие подействовало, видимо я его сдуру как-то недостаточно отменил. И чокнусь, не сходя с места, прежде, чем успею сообразить, что мой друг может быть по делам в Холоми, где Безмолвная речь не работает. Или на Темной Стороне, ровно с тем же эффектом. Или просто поставить защитный барьер от Безмолвной речи, чтобы спокойно читать не мешали. Сэр Шурф в этом деле великий мастер, а я – наоборот.

Из всего вышесказанного следует, что по утрам я фантастический трус. И стараюсь хотя бы на полчаса спрятаться от жестокого реального Мира, полного ужасающих новостей, в своей спальне. Или в кабинете. А еще лучше – на крыше, в надежде, что туда по мою душу никто не сунется. Хотя дураку ясно: если срочно понадобится, именно оттуда и начнут искать.

На крыше было хорошо, как, впрочем, всегда. Очередной восхитительно пасмурный летний день, бледное небо, затянутое тучами, теплый ветер и чашка кофе, которую я добыл из Щели между Мирами, благо этого запредельного магического действия не страшусь даже по утрам. Может быть, кстати, зря. Всегда есть некоторый шанс извлечь оттуда вместо завтрака какую-нибудь ядовитую гадину, вроде арварохского зайца клец. Мне же потом придется за ней по всему городу гоняться. А изловив, войти в ее положение, накормить, утешить, забрать домой и усыновить.

Надо же, – думал я, сделав первый, самый сладкий, хотя на самом деле конечно же горький глоток. – Еще вчера утром единственной заслуживающей внимания проблемой мне казались собственные переживания о судьбе Шурфова се... Стоп. Секретаря. Ах ты ж черт.

Я даже не вспомнил, что буквально минуту назад больше всего на свете боялся неудачной попытки поговорить с Шурфом. Дело есть дело, какой может быть страх. Поэтому я без колебаний послал ему зов и сразу, не здороваясь, ни о чем не спрашивая, сказал: «Твой секретарь!»

«Что – мой секретарь? – переспросил Шурф. И, не дожидаясь ответа, поспешно добавил: – погоди немного. Сейчас закончу разговор и приду, все равно собирался. Ты где?»

«На крыше, где мне еще быть», – ответил я. И приготовился мужественно крепиться, чтобы не лопнуть от нетерпения. Но ждать пришлось совсем недолго. Я не то что лопнуть, даже кофе допить не успел.

– Надо же, ты сам проснулся, – сказал мой друг. – Я думал, после моего заклинания можно дюжину дней проспать, если я не разбужу. Видимо, не учел силу твоего сопротивления любому чужому влиянию и вообще всему на свете... Ладно, в следующий раз учту. Так что – мой секретарь?

– Он болтается между жизнью и смертью! – выпалил я. – Уже много лет. К тому же одержим идеей, что всякое зло непременно должно быть наказано, иначе нарушится какой-то там мистический баланс и треснет фундамент Мира. Чем не кандидат в убийцы?

Шурф смотрел на меня как громом пораженный. Или, напротив, всем своим видом выражая готовность поразить громом меня. Говорю же, я совершенно не разбираюсь в нюансах.

– На самом деле он мне очень понравился, – сказал я. – Потрясающий тип. Даже не припомню, кто в последний раз производил на меня настолько сильное впечатление. Но это не отменяет того факта, что технически Клари Ваджура...

– Если говорить о технической стороне вопроса, Клари присутствует здесь лишь отчасти, – напомнил Шурф. – Понимаю твою логику, но к счастью, уже неоднократно было доказано, что сновидцы не могут вредить нам смертельными заклинаниями. По крайней мере, не в полную силу. Как ни старайся во сне, у бодрствующей жертвы максимум голова заболит или, к примеру, рука отнимется – при условии, что ты очень могущественный человек. В сновидениях относительно легко убивают только других сновидцев. В этом вопросе разная природа материи, из которой мы

состоим, оказывается решающим фактором.

– У Клари Ваджуры есть настоящее тело, – напомнил я. – Которое лежит в какой-то темной пещере, уже не живое, еще не мертвое. И находится в этом состоянии почти сотню лет.

– Его тело сейчас спит и видит сны, а не читает заклинания.

– Ну, по идее, можно проснуться, быстренько прочитать нужное заклинание и спать дальше. И так много раз. Почему нет?

– Если Клари проснется, он сразу отсюда исчезнет, – сказал Шурф. – До сих пор вроде не исчезал; впрочем, специально я за ним не следил. На самом деле полностью исключать такую возможность не стоит, ты прав. Хотя знаешь, вообразить не могу Клари Ваджуру убивающим вполне невинных людей. Меня-то как раз запросто, если он решил, что моя деятельность наносит непоправимый вред его любимому Ордену. Но всех остальных – нет. У него обостренное чувство справедливости. Очевидцы рассказывают, Клари был воистину ужасен, когда возглавил охоту на послушников разгромленного Ордена Водяной Вороны, но он же употребил все свое влияние, чтобы не допустить расправы над несколькими задержавшимися в Ехо магистрами Ордена Потаенной Травы. Уперся: они заслуживают не смерти, а только изгнания, и точка. Даже не понимаю, почему Нуфлин Мони Мах так долго его терпел... Впрочем, стой. По твоим же словам, тот, кто наложил на меня заклятие, уже мертв. А Клари Ваджура все еще жив, я видел его сегодня. На мой взгляд, это веское алиби.

– И правда, – с облегчением вздохнул я. – Тогда извини.

– За что?

– За ложную тревогу и необдуманную клевету на твоего секретаря. На самом деле я только рад, что ошибся. Но тогда, получается, мы опять в тупике. Или нет? Ты насчет воскрешенных мертвецов, кстати, уже выяснил? Они могут накладывать заклятия?

– Не могут. Потому что у них, строго говоря, нет сознания. Так называемое «воскрешение» просто более-менее удачная имитация телесной и умственной подвижности, не более того.

– У Джифы Саванхи сознание точно было. На что угодно могу спорить. Я достаточно долго находился рядом с ним.

– Да, случаются исключения. Джифу, насколько я помню, воскрешала великая мастерица. Но ее самой уже давно нет в живых.

– Скажем мне за это спасибо. Но вряд ли она была единственная на весь Мир. Могут найтись и другие мастера-воскресители.

– Могут. Но стараться в данном случае бесполезно. Джифа Саванха

все равно не смог бы применить заклятие Йарра. Потому что границу между жизнью и смертью он уже однажды переступил.

– Ты уверен?

– Совершенно. Все утро эту тему изучал. Могу теперь давать консультации всем желающим рационально использовать возможности искусственно воскрешенных мертвецов. Универсальная рекомендация: «Не связывайтесь, хлопот много, а пользы почти никакой».

– Ладно, – кивнул я, – нет, так нет. Жалко, красивая была идея про фабрику смерти с воскрешенными мертвецами, читающими заклятия от зари до зари. Слушай, а живого человека можно заставить?..

– Большинство живых людей можно заставить сделать вообще все что угодно. Подкупить, обмануть, запугать, убедить. Да и заклинаний подавляющих чужую волю пока никто не отменял. А сопротивляться им умеют единицы. Я понял, к чему ты клонишь. И вполне можешь оказаться прав. Мне самому гораздо проще поверить в одну злую волю, помноженную на незаурядные организаторские способности, чем в толпу одновременно умирающих разгневанных колдунов и другие небывалые трагические совпадения.

– Но чья это злая воля, пока никаких идей?

– У меня никаких, – признался Шурф. – Впрочем, совершенно не удивлюсь, если они уже есть у сэра Джуффина Халли и леди Сотофы Ханемер. Но оба почему-то не спешат делиться со мной соображениями. До сих пор обычно было иначе. Не ожидал, что мне когда-нибудь снова доведется почувствовать себя несмышленным мальчишкой рядом с занятыми важным делом взрослыми колдунами, которые на все рассеянно отвечают: «Пойди что-нибудь съешь». Хотел бы сейчас сказать, что мне нравится свежесть ощущений. Но, увы, нет.

– А некоторые, – заметил я, трагически заломив бровь, – вообще всегда рядом с вами так себя чувствуют. И ничего, как-то живут.

Сострадания я от него, конечно же, не дождался. Но хоть насмешил.

– Пойду сейчас в Дом у Моста, попробую поговорить с Джуффином, – решил я. – Может, что-нибудь путное из него выколочу после того, как он триста раз пошлет меня подальше. Я стойкий. В смысле настырный. И куда ни посылай, неизменно возвращаюсь.

– Я тоже на это надеюсь, – кивнул Шурф. – Если тебе понадобится помощь, можешь рассчитывать на меня. В кои-то веки у меня появилось свободное время, а все заранее составленные планы сейчас кажутся несколько несвоевременными. Давно у нас таких дел не творилось.

– Слушай, дела делами, но у меня тут еще и Базилио, – сказал я. –

Осталась без любимой учительницы, задумалась, что бывает после смерти с людьми и, самое главное, с такими, как она. Не уверен, что у меня вчера получилось ее утешить, разве только отвлечь болтовней. А даже если получилось, вторая серия не помешает. И третья, и четвертая. Если до конца года приведем ребенка в порядок, будем удивительные молодцы.

– Мне кажется, ты сильно недооцениваешь твердость ее характера, – заметил мой друг. – Если хочешь, я с ней поговорю, но учти, в роли утешителя я обычно не слишком убедителен.

– Ни фиги себе! – возмутился я. – Убедительней, чем ты, вообще не бывает.

– Разве только для тебя. Но ты, уж прости, человек не без некоторых странностей.

– А Базилио вообще чудовище, – напомнил я. – Чем тебе не «некоторая странность»?

* * *

Чувство такта меня когда-нибудь погубит. Был бы бесцеремонным человеком, шагнул бы Темным Путем прямо в кабинет Джуффина, нарушив все мыслимые правила хорошего тона разом и поставив шефа Тайного Сыска в крайне неловкое положение, зато не стоял бы сейчас на пороге Зала Общей Работы, слушая дружный хохот, раздающийся из-за плотно закрытой двери. И не умер бы молодым от любопытства, гадая: один весельчак, предположим, сам Джуффин. Но второй-то, второй? И что такое должно было случиться, чтобы так ржать?

Я, впрочем, и так не умер. Но спасло меня только чудо. Так уж мне повезло, что буквально пару минут спустя дверь кабинета открылась, и оттуда вышел загорелый тип с длинной зеленой косой в блестящем халате, похожем на банный, который, впрочем, совершенно не мешал ему сохранять царственную осанку. Зато выражение лица у него было совершенно не царственное; с другой стороны, почему бы царям иногда не корчить уморительные рожи и не подмигивать посторонним в моем лице.

Впрочем, царем этот человек совершенно точно не был. И в ближайшее время не планировал. Насколько мне известно, бывшего Великого Магистра Ордена Потаенной Травы Хонну никогда не интересовала светская власть. В отличие от власти над человеческими умами, которые он морочит в Нумбане примерно с середины зимы. Ну, то есть, наоборот, проясняет и ставит на место. Отличный из него получился

ярмарочный пророк.

Но на то Хонна и Великий Магистр, хоть и бывший, чтобы издеваться над талантливой молодежью. Вот и сейчас талантливая молодежь в моем лице получила от него пару дюжин уморительных гримас, довольно остроумно пародирующих отразившиеся на моем лице чувства – изумление, любопытство, тревогу, надежду, смятение и все остальное, что людям бывалым кажется забавной чепухой. Потом Хонна полез за пазуху, извлек оттуда ужасающего вида здоровенный черный леденец в виде двухголового индюка; на Нумбанской ярмарке я поначалу от них натурально шарахался, потом более-менее привык, но в руки ни разу не взял. Вручил чудовище мне и исчез, не дожидаясь благодарности. В смысле моего возмущенного рева.

Хонна исчез, а я остался в зале Общей Работы наедине с кошмарным индюком. Ну, по крайней мере, теперь у меня точно был веский повод вломиться в кабинет Джуффина. Я и вломился, драматически размахивая черным леденцом. Сказал:

– На меня только что напал мятежный Магистр и всучил мне вот это смертельное заклятие на палочке. Опытные люди советуют в таких случаях обращаться в Тайный Сыск.

К моему удивлению, Джуффин некоторое время внимательно рассматривал индюка и только потом вынес вердикт:

– Никакое это не смертельное заклятие. Самый обычный леденец. А я-то уже обрадовался, что Хонна и правда сумел его материализовать...

– Что он сумел материализовать? – опешил я.

– Смертельное заклятие, – невозмутимо ответил Джуффин. – Вообще-то, как ты сам уже знаешь, они овеществляются только на Темной Стороне, но все-таки Хонна есть Хонна. От него чего угодно можно ждать.

– Его что, тоже?.. – я умолк, не в силах заставить себя озвучить столь абсурдное предположение.

– Осчастливили смертоносным проклятием? Представь себе. Хонне от такого неаккуратного обращения, хвала Магистрам, ни холодно, ни жарко. Но он очень удивился, это да. Говорит, уже и не припомнит, когда к нему в последний раз обращались с предложением срочно умереть. Все вокруг знали, что любое наложенное на Хонну заклятие неизбежно обратится против самого заклинателя. И вдруг такой сюрприз!

– Он что, поэтому приходил? Жаловаться в Тайный Сыск? На покушение?!

– Именно. Как примерный гражданин. Говорит, сперва посмеялся и забыл, но потом сообразил, что мне следует об этом знать. Потому что

возможно другие люди нуждаются в защите. Он совершенно прав. От такого хорошего, крепкого проклятия Йарра далеко не каждый вот так запросто отмахнется.

– Так это все-таки оно? – подскочил я. – Не что-то похожее?

– У Хонны – да. По крайней мере, сам он совершенно уверен в своей способности их различать. У Шурфа, если он правильно описал с твоих слов нечто темное, отдаленно похожее на рыбу... – Джуффин адресовал мне вопросительный взгляд.

Я кивнул.

– Даже не то чтобы отдаленно. На рыбу и одновременно на жабу.

– Значит, скорее всего, тоже оно. Что случилось с остальными, мы по-прежнему точно не знаем. Но похоже, все это части одной большой истории.

– Какой-то нелепой безумной мести всем подряд, – подхватил я.

– Нелепой безумной мести, – задумчиво повторил Джуффин. – Да, можно сказать и так.

Куруш тем временем спланировал на ручку моего кресла и принялся изучать ужасающий леденец.

– Это для меня угощение? – наконец спросил буривах.

– Извини, – покаялся я. – Про угощение я сегодня забыл, но меня можно...

Слово «понять» и последующий пространный монолог, который должен был оправдать мою забывчивость, я произнести не успел. Куруш решительно клюнул леденец, одна из уродливых индюшачьих голов откололась и упала на пол. Буривах птица грозная, невзирая на высокий интеллект и пушистые перья. Не хотел бы я однажды чего-нибудь с ним не поделить.

– Положи это на стол, не видишь, мне неудобно клевать! – укоризненно сказал Куруш. – А с пола я есть не привык.

Я положил на письменный стол шефа черную леденцовую тушу, туда же отправилась подобранная с пола голова. Несколько минут мы с Джуффином зачарованно смотрели, как буривах расправляется с гостинцем магистра Хонны. Только щепки во все стороны летели. В смысле осколки леденца.

– Отличное угощение! – наконец одобрительно сказал Куруш. – Почему ты раньше никогда такое не покупал?

– Потому что в руки взять было страшно, – проворчал я. – К тому же он с Нумбанской ярмарки. В Ехо такое не продают.

– Ну так ты же теперь умеешь ходить Темным Путем, – дружным

хором напомнили оба, Джуффин и буривах.

– Но если тебе действительно страшно брать это в руки, я, конечно, потерплю, – великодушно добавил Куруш. – Хотя решительно не понимаю, чего тут бояться. Леденец маленький. Ты большой.

– И правда, – согласился я. – Спасибо, что обратил мое внимание на разницу в размерах. В следующий раз мне будет гораздо легче подступить к этому черному ужасу. А потом, глядишь, привыкну. Ну или тебе надоест.

Куруш отнесся к этому предположению скептически: нахохлился и взлетел обратно на шкаф. А Джуффин налил мне полную кружку камры, надо понимать, авансом за будущие подвиги.

– Ну хоть Хонна-то знает, кто автор? – спросил я его.

– Автор чего?

– Леденца, конечно... Тьфу ты, в смысле проклятия. Кто попытался его убить? Он же все-таки пророк, должен знать такие важные вещи.

– Кстати, ни один пророк знать о собственных делах совершенно не обязан. Более того, обычно и не знает, что совершенно не умаляет его профессиональных достоинств. Просто оно иначе работает. Пророчество занятие вдохновенное: увидел кого-то, и тебя осенило. А сам к себе в палатку случайно не зайдешь. Другое дело, чтобы выяснить, кто попытался тебя околдовать, пророком быть не надо, любой опытный маг это сходу определит. Но с проклятием Йарра такая беда: к тому времени, как спохватишься, ловить обычно уже некого. Подберешься к нему по невидимой нити, связывающей жертву и нападающего, а на том конце пустота. Виновник сам уже мертвец.

– Надо же! – удивился я. – Всегда думал, смерть разоблачению не помеха, а оно вон как. Так что, у нас по-прежнему ни одного подозреваемого? Вообще никаких идей? Ни у тебя, ни у Кофы? Не верю. Вы же всю эту публику знаете невесть сколько лет и прекрасно представляете, кто на что способен.

Джуффин посмотрел на меня таким характерным прозрачным взглядом, за которым обычно следует предложение прогуляться, благо погода хорошая. И, конечно, что-нибудь съесть. А занятых людей оставить в покое до лучших времен.

Я приготовился к тяжелой борьбе, но шеф неожиданно сказал:

– У меня есть подозреваемый. Практически идеальный. Все сходится: в списке первоочередных злейших врагов только меня не хватает; подозреваю, по сугубо техническим причинам, поди меня прокляни. И предварительная тренировка на более беззащитных, необходимая не

столько для проверки метода, сколько для собственного удовольствия, его узнаваемый стиль. И о проклятии Йарра он совершенно точно знал; по моим сведениям, даже пытался убедить одного умирающего, который был в его власти, оказать ему такую последнюю услугу. Впрочем, безуспешно. Проклятие Йарра довольно сложный ритуал, которому надо специально учиться, а когда человек умирает, ему обычно не до учебы. Раньше надо было.

– Ну так... – начал было я, намереваясь, разумеется, спросить, с какого перепугу мы все тут сидим в мягких креслах вместо того чтобы куда-то бежать и кого-то ловить.

Джуффин покачал головой.

– Все бы хорошо, но мой идеальный подозреваемый умер задолго до того, как я его заподозрил. Что само по себе невелика беда, однако изрядно сбивает меня с толку. Умом понимаю, что надо выбросить эту версию из головы и думать дальше, но мое сердце уверено, что задача уже решена. И чутье твердит то же самое. Прежде они меня так не подводили. Что само по себе дополнительный аргумент в пользу их правоты. Которая, разумеется, невозможна.

– А кто он, этот твой идеальный подозреваемый? – спросил я. – Расскажи! В обмен на его имя могу поделиться своей дуростью: я нынче с утра пораньше заподозрил нового Шурфова секретаря, который как раз болтается между жизнью и смертью и видит нас во сне – ты же в курсе?..

– Магистр Клари Ваджура? – оживился Джуффин. – Да, о нем я тоже думал. Теоретически его нынешнее сновидение о возвращении в Ехо вполне можно перемежать короткими периодами бодрствования. К тому же он мог проклясть всех заранее, а потом с легким сердцем идти гулять – он же совсем недавно тут объявился.

– Вот именно, – мрачно подтвердил я.

На самом деле я выложил эту версию только затем, чтобы Джуффин разнес ее в пух и прах. А он, гад такой, похоже, готов согласиться.

– Но, во-первых, я не знаю, насколько текущее состояние магистра Клари вообще подходит для осуществления заклинания Йарра, – продолжил шеф. – Это зависит от множества факторов; коротко говоря, чем ближе он к могиле, тем выше шансы на успех. Поэтому без тщательного осмотра тела ничего нельзя сказать наверняка. А во-вторых, он не стал бы покушаться на своего нынешнего начальника. Дело даже не в обычном для всей этой старой гвардии Семилистника трепетном отношении к Орденской иерархии, хотя это тоже довольно важный фактор, а в том, что Клари умный и проницательный человек. Он не может не видеть, что

новый Великий Магистр на пользу Ордену Семилистника. Одни только регулярные походы Орденской молодежи на Темную Сторону чего стоят. Прежде об освоении Истинной магии в таких масштабах мужчины Ордена даже мечтать не могли.

– А если он наложил заклятие заранее, просто по старой памяти, еще не зная, что Шурф стал Великим Магистром и приносит пользу? Вряд ли в его затерянную невесть где пещеру доставляют столичные газеты.

– Да, такой вариант возможен, – подумав, согласился Джуффин. – Хотя, надо сказать, Клари Ваджура единственный из Старших Магистров Семилистника не требовал в нарушение данного мне обещания отправить бывшего Безумного Рыбника в вечное изгнание. Он считал, что человек не может по всей строгости отвечать за поступки, совершенные в состоянии безумия; собственно, в законах Соединенного Королевства то же самое написано, а закон Магистр Клари свято чтит. И кстати, не знаю насчет Хонны, но Тимбути Марьяна он тоже пальцем не тронул бы. Клари Ваджура был в курсе той истории, сочувствовал магистру Тимбути и, насколько мне известно, даже пытался снять с него негласное обвинение в предательстве; впрочем, не преуспел: в те времена заступничество одного из Старших Магистров Ордена Семилистника могло помочь в суде, а в глазах общественного мнения – только навредить. Остальными нашими покойниками Клари Ваджура в ту пору не интересовался вовсе, даже не прикладывал усилий чтобы добиться их ссылки, хоть и был помешан на идее справедливости, как он себе ее представлял.

– Теоретически Клари Ваджура может быть безумен, – предположил я. – Вообще-то, мне так не показалось, а я довольно долго с ним говорил. Но кто его знает, вдруг он во сне нормальный, а наяву – полный конец обеда, не ведает, что творит? Я бы на его месте точно чокнулся.

– Начнем с того, что на его месте ты бы просто не оказался, – заметил шеф. – Никаких шансов. Надо быть угуландским колдуном старой школы, яростным и упертым, чтобы отдать себя на расправу безумным ветрам Йохлимы в обмен на мифическую возможность стать одним из них.

– А она именно мифическая? – огорчился я. – Вранье? То есть у Клари с самого начала не было шансов?

– Честно говоря, я просто не знаю, – неохотно признался Джуффин. – Но звучит, по-моему, как-то не очень. Лично я бы не рисковал. Впрочем, я и не яростный. И даже не особо упертый. И уж совершенно точно не доверчивый. Азартный – это да.

– То есть главное, чтобы никто не предложил тебе соответствующее пари?

– Да пусть себе предлагают. Знаешь, почему я обычно выигрываю в спорах? Только потому что не имею нелепой привычки соглашаться на все подряд.

Джуффин умолк и принялся набивать трубку. Наконец он сказал:

– На самом деле твое предположение, что наяву магистр Клари может быть безумен, содержит здоровое зерно. Такое и правда случается. Надо бы это в ближайшее время проверить. Равно как и состояние его тела. Подумаю, как это проверить.

– В обмен на это здоровое зерно давай своего подозреваемого, – напомнил я. – Как договаривались!

– Лично я ни о чем с тобой не договаривался, – усмехнулся шеф. – Ты предложил обмен, было дело. Но я не сказал ни «да», ни «нет». Просто не успел вставить ни слова, тебя несло. Мне это только на руку: имя моего подозреваемого не ахти какой великий секрет, но называть его я пока не намерен...

– Это нечестно! – возмутился я.

– Просто не хочу сбивать тебя с толку. Чего доброго, тоже засядет занозой, думай потом, как избавиться от заведомо ошибочной, но такой правдоподобной версии.

– Засядет занозой? – изумленно переспросил я. – То есть погоди, получается, я знаю того, о ком речь? Знаю настолько хорошо, что сразу пойму, насколько ему подходит роль убийцы? Я-то рассчитывал услышать неизвестное мне имя и поучительную историю жизни и смерти этого негодяя. А оно вон как. Но тогда я, пожалуй, понимаю, о ком ты. По крайней мере, из моих знакомых это единственный кандидат. И да, довольно удачный. Жалко, конечно, что мертвый. С другой стороны, что бы мы сделали с ним при его жизни? Как я понимаю, Великого Магистра правящего Ордена нельзя просто так взять и арестовать.

– С логикой у тебя в последнее время как-то подозрительно все в порядке, – заметил Джуффин. – И с догадливостью тоже вполне ничего. Тебя часом не подменили?

– Надеюсь, нет. Было бы обидно внезапно выяснить, что все происходящее происходит не со мной. Даже неприятности подменяшу отдавать жалко: что мое, то мое!

– Склонности у тебя, по крайней мере, не поубавилось, – ухмыльнулся шеф. – Можно спать спокойно: зажилить даже неприятности мог только ты.

– Кстати о подменах. Знаешь, что бы я сейчас сделал на твоём месте? Не мудрый и опытный ты, а нелепый паникер вроде меня.

Джуффин вопросительно приподнял бровь. Впрочем, его внешнее

спокойствие не обмануло даже меня. Ясно, что человек лопається от любопытства. На этом месте мне следовало бы надолго умолкнуть и начать набивать трубку, славная вышла бы месть. Но Джуффину повезло, трубку я не курю.

– Я бы сказал себе: ладно, предположим, все это полная чушь, Нуфлин давно в Харумбе и ничего подобного сделать не мог, а все равно давай-ка составим список тех, кого он теоретически был бы не прочь прикончить при жизни, а потом посмотрим, кого из них можно провести на Темную Сторону. Кого она примет, тех проведем, убедимся, что у них на шее не повисла какая-нибудь мистическая черная жаба, и с чистым сердцем объявим себя тревожными идиотами. Но если у кого-то жаба все-таки обнаружится, того спасем – жалко нам, что ли?

Шеф Тайного Сыска ухмыльнулся, открыл ящик письменного стола, достал оттуда самопишущую табличку, протянул мне. Сказал:

– Только что, сэр Макс, ты обозвал меня нелепым паникером. И тревожным идиотом. Но я не в обиде.

– Так ты?..

– Ну да. После того, как Шурф рассказал мне, что случилось, я понял, что для меня есть два варианта поведения: оставаться, как ты выражаешься, мудрым и опытным и ничего не делать или вести себя как дурак, уповая на удачу: вдруг кого-то спасу? Пусть только по случайному совпадению, я совершенно не против.

На табличке было несколько дюжин имен, включая дважды продублированное «Мелифаро», один, ясное дело, магистр Фило, второй...

Я содрогнулся.

– В смысле наш Мелифаро?!

– А чей еще? Он же рассказывал тебе, как в одиночку штурмовал Иафах, чтобы отвлечь внимание от нашего несанкционированного вторжения^[28]? Ну вот. На всякий случай я решил начать с него: Нуфлин при жизни был чрезвычайно злопамятен, вряд ли это изменилось, и плевать я хотел, что в Харумбе невозможно колдовать. Если уж решил вести себя, как идиот, надо быть последовательным идиотом.

– И ты смог провести Мелифаро на Темную Сторону? Я думал, если он Страж^[29]...

– Правильно думал, Стража дальше границы утащить непросто. Но, к счастью, на границе уже можно увидеть отметину почти любого проклятия. И даже уничтожить – ничего невозможного, хотя гораздо трудней. Но я, хвала Магистрам, справился.

– То есть у Мелифаро действительно была жаба на шее?

– Я так благодарен тебе за Шурфа, что даже готов позволить и дальше называть след проклятия Йарра «жабой», хотя лично я особого сходства не нахожу. Но важно не это, а то, что никакой пакости на шее сэра Мелифаро больше нет. Кроме него я уже успел разыскать и отвести на Темную Сторону еще четверых. Одного, как выяснилось, тоже не напрасно, остальных пока пронесло.

– Так, значит, все-таки Ну...

– Самое смешное, что, похоже, не значит. Я уже успел поговорить с одним из хранителей Харумбы. К счастью, в некоторых исключительных случаях они готовы идти навстречу живым людям. Ну или просто я умею быть чрезвычайно убедительным. В данном случае это неважно. Главное, что разговор состоялся.

– И что?

– Хранители Харумбы совершенно уверены, что их подопечные лишены возможности влиять на живых при помощи любой из форм колдовства. Так что в финале этой истории, скорее всего, выяснится, что мы имели дело с невероятным совпадением. Но пока я твердо намерен продолжать в том же духе. У кого из этих людей – он постучал по табличке узким острым ногтем – есть хоть малейший шанс пройти на Темную Сторону, те побывают там еще до ночи. А на кой ляд мне такая толпа новых учеников, и что я буду с ними делать, предпочитаю пока не задумываться. Может быть, я настолько везучий, что еще до завтрашнего утра наступит конец Мира, и мне не придется расхлебывать кашу, которую сам заварил.

– Да ладно тебе, – сказал я. – Зачем сразу конец Мира? Я только гардероб обновил, кучу денег потратил, глупо получится, если зря. Так что давай обойдемся без катастроф. Не захочешь возиться с новичками – отдашь их мне. Шурф вон водит своих магистров на экскурсии, а мне завидно. Тоже хочу педагогической славы! И лишний повод каждый день ходить на Темную Сторону мне совершенно не мешает. Буду таскать твоих подопечных туда-сюда, пока не взвоют и в Арварох не сбегут.

– Почему именно в Арварох?!

– До сих пор от меня обычно сбежали именно туда. Правда, это делала только леди Меламори, зато целых два раза кряду, а это уже тенденция, согласись. Возможно, со временем это может стать милой столичной традицией? Универсальным средством от меня. Вас задолбал сэр Макс? Поездка в Арварох позволит вам избавиться от этой напасти! Кто первым придумает агентство путешествий под таким девизом, озолотится. Может, самому его и открыть? Через подставное лицо? Предложить сделку сэру

Анчифе? Или нет, к Темным Магистрам Анчифу, у меня есть знакомый ташерский капитан...

– Ты тараторишь с такой скоростью, что я не успеваю запоминать, – неожиданно пожаловался Куруш. – А запоминать все, что говорится в этом кабинете, моя непосредственная обязанность. Поэтому будь любезен, постарайся говорить помедленней.

– Спасибо, милый, – поблагодарил птицу Джуффин. – Я хотел попросить Макса о том же самом. Но не был уверен, что он услышит.

– Ладно, уже заткнулся, – вздохнул я. – И смертельно обиделся. Предложение насчет твоих подопытных, в смысле подопечных, так и быть, остается в силе. Но насчет агентства путешествий даже не проси, в партнеры не возьму.

– Ладно, не стану просить, – легко согласился Джуффин. – А за предложение спасибо. Не привык перекладывать ответственность за свои решения на чужие плечи, но на твои, пожалуй, можно. Буду иметь это в виду.

– Ты не представляешь, как я рад, что ты все это делаешь, – сказал я. – Точно знаешь, что Нуфлин совершенно точно непричастен к проклятиям, но действуешь так, как будто вообще ни в чем не уверен.

– Ты давно мог бы заметить, что в непростых случаях я предпочитаю действовать именно так.

– Мог бы. И даже заметил. Просто – откуда же я знаю, какой случай по твоим меркам непростой? По моим-то почти все.

– Да по моим в общем тоже, – усмехнулся Джуффин. – Давно понял, что стоит мне счесть какой-нибудь случай простым, тут же выясняется, что пришла настоящая беда.

– В общем, мне крупно повезло, что не нужно уговаривать тебя делать глупости.

– Да, я неплохо справляюсь сам. Сэкономил тебе кучу времени и усилий. И было бы отлично, если бы ты любезно согласился потратить небольшую их часть на попытку назначить свидание леди Сотофе.

Я адресовал ему вопросительный взгляд. Даже два. Первый означал: «А что, это может оказаться проблемой?» А второй: «С каких это пор тебе нужен посредник, чтобы поболтать с ближайшей подружкой?»

– Меня она с утра развернула уже три раза, – объяснил Джуффин. – Говорит: «Погоди, дай мне время, позже, потом». Не то чтобы я удивлен: Сотофа терпеть не может заниматься моими делами. Сразу не отказала наотрез, уже хорошо. Но...

– Ты не любитель ждать.

– А кто, интересно, любитель? Я бы на такое чудо природы посмотрел.
– Ладно, – сказал я. – Попробую. Но вряд ли леди Сотофа наивно решит, что я действую отдельно от тебя.

– Что она решит, одним только Темным Магистрам ведомо, – пожал плечами Джуффин. – Возможно, она сейчас просто мою рожу видеть не хочет. Бывает у нее такое настроение. А твою – вполне.

Я невольно покосился на свое зыбкое отражение в стекле книжного шкафа и нашел это зрелище очень умеренно привлекательным. На любителя, так сказать. Тревоги меня не красят, это давно известно. Мне к лицу безмятежность. Поэтому чертовски хорош собой я бываю примерно полчаса в день.

Но что мы знаем о вкусах леди Сотофы Ханемер? Могущественные ведьмы все с причудами. А уж она...

* * *

Леди Сотофа сразу взяла быка за рога.

«Кто тебе пожаловался, что я не хочу с ним разговаривать? Джуф или Шурф?»

«Оба, – честно признался я. – Но не хором, а по отдельности. Не сговариваясь. Впрочем, я бы обошелся и без их жалоб. Куда еще бежать в затруднительной ситуации, как не к вам?»

«Не уверена, что сейчас это правильный выбор, – сказала она. – Хотя... Магистры тебя знают, может, и правильный. Ладно, приходи. Даже интересно, сколько ты рядом со мной выдержишь».

Все-таки я фантастически везучий, – вот что я успел подумать, пока делал один-единственный шаг, отделявший меня от резиденции Ордена Семилистника и вообще от любого места в Море, если идти туда Темным Путем.

На первый взгляд, все было как всегда. Леди Сотофа Ханемер выглядела как обычно, маленькой пухлой добродушной старушкой и по традиции ждала меня в своей любимой беседке в глубине сада, заменяющей ей приемную и рабочий кабинет. Она поднялась мне навстречу, даже улыбнулась приветливо. Правда, не обняла, но обниматься со мной при всякой возможности никто и не обязан.

В первую секунду я просто обрадовался, потому что видеть леди Сотофу – всегда счастье. Но уже во вторую секунду понял, что все-таки не всегда. А в третью снова обрадовался – тому, что мы не обнялись. Не факт,

что я бы это пережил. Ее прежде целительное присутствие сейчас оказалось настоящей мукой. Не след мертвеца, конечно, но что-то вроде того.

– Да, – кивнула леди Сотофа, отвечая на мой невысказанный вопрос. – Ты застал меня в очень скверном настроении, сэр Макс. Лет триста себе ничего подобного не позволяла, а сегодня расклеилась. Сама не ожидала, что все еще способна на такую печаль. С одной стороны, отвратительно, а с другой – возвращение в юность, можно сказать, приятная неожиданность. Условно приятная, и только для меня одной. Прости, сэр Макс. Надо было сказать тебе, как и прочим, чтобы ждал до ночи, а лучше – до завтра. С другой стороны, что тебе сделается? Ты крепкий. А мне развлечение. Люблю с тобой говорить.

– Если для вас мой визит развлечение, а не дополнительное расстройство, тогда все в порядке, – сказал я. – Опять же, мои собаки отомщены. Боюсь, вчера ночью они примерно так же себя чувствовали рядом со мной. Теперь справедливость восторжествовала.

– И ты туда же, – усмехнулась она. – Справедливость тебе подавай.

– Так уже подали. Куда от нее деваться в тех редких случаях, когда она зачем-то есть... А еще кому подавай справедливость?

Она не ответила. Указала кивком на плетеный садовый стул в некотором удалении от беседки – дескать, садись.

Расстояние было выбрано чрезвычайно удачно. Еще можно разговаривать, не повышая голос, при этом меня уже не слишком мучило от ее настроения и прочих возвышенных чувств. Теперь мои ощущения были похожи на обычную депрессию, справляться с которыми я великий мастер. Особенно когда память не отшибает, а в сердце не ворочается явственно ощутимый, хоть и невидимый кол. Рядовое «все очень плохо», по моим меркам, уже почти «хорошо».

– Ты знаешь, что я нечасто соглашаюсь помогать в ваших делах, – сказала леди Сотофа. – Причин тому много, но основная – я этого не хочу. Вернее, Мир этого не хочет, так уж сложилось, что желания у нас с ним с некоторых пор стали общими. Если я чего-то не хочу, значит, этого делать не надо. Это правило упрощает мою жизнь и усложняет ваши, – на этом месте она вдруг рассмеялась своим обычным безмятежным смехом, похожим на перезвон колокольчиков, и добавила: – Потому что справедливости все-таки нет!

Я тоже невольно улыбнулся. Хотя по сути ее слова звучали крайне неутешительно. Ясно, что меня только затем и позвали, чтобы доходчиво объяснить, в какую именно задницу нам всем следует пойти. Видимо по

какой-то причине очень важно не перепутать.

– Тем не менее, иногда я вам все-таки помогаю, – продолжила леди Сотофа. – Джуффину, бедняге, в последнее время совсем редко, но кто ж ему виноват, что он уже давным-давно почти все может сделать сам и обращается ко мне скорее по старой привычке. Тебе чаще, скажи спасибо обаянию своей неопытности, которое гипнотически воздействует на меня, а значит, и на весь Мир. Но даже тебе я готова помогать далеко не по каждому требованию. Надеюсь, вы оба на меня не в обиде. Впрочем, если хотите, обижайтесь, только тогда уж по-честному: не на меня, а на Мир.

– Обижаться на вас – это вообще совершенно новая для меня постановка вопроса, – галантно сказал я. – Никогда прежде в голову не приходило, что можно просто взять да и обидеться. И, к примеру, не разговаривать с вами целых три дня. Слушайте, как-нибудь непременно попробую! Это будет самый невероятный мистический опыт моей жизни. Грех упустить такой шанс.

– Все бы тебе паясничать, – вздохнула леди Сотофа. Но не укоризненно, как было бы логично, а одобрительно. Поди пойми этих ведьм.

– Просто я нервничаю, – честно признался я. – Не понимаю пока, к чему вы ведете. А когда я нервничаю, мету что попало. Просто чтобы отвлечься от самого себя.

– А веду я к тому, что сейчас совершенно исключительный случай, – сказала она. – Я хочу помочь вам в этом деле. Всем сердцем, а значит, этого хочет Мир. Но я не могу, причем по довольно забавной причине – если посмотреть со стороны. Когда я была молода, принесла клятву Высокой Верности... скажем так, одному человеку. Причем по доброй воле принесла, он меня не заставлял. Был тронут моей выходкой, не более. Что понятно, в ту пору мало кому из могущественных людей пришло бы в голову, что я однажды смогу пригодиться. Но я была исполнена разных нелепых чувств, которые сдуру считала возвышенными, в первую очередь, вины... Неважно. Важно, что этого уже не исправить, сколько по Мосту Времени ни бегай. Знаешь, что такое Клятва Высокой Верности?

– Ннннуу так, – неуверенно протянул я. – По смыслу вроде понятно...

– В общем да, – кивнула леди Сотофа. – Разве что несколько важных нюансов, которые тебе следует знать: Клятва Высокой Верности не проклятие, поэтому от нее не избавишься на Темной Стороне. И вообще никак. Даже тот, кому ты эту клятву принес, не может тебя от нее освободить. Его воля тут ни при чем. Если тебе хватило ума дать конкретное обещание, будешь свободен после того, как его исполнишь. А

если, к примеру, пообещал кому-то, что всегда будешь его защищать, пиши пропало: всегда значит всегда. Даже смерть ничего не изменит – ни его, ни твоя.

– Впечатляет, – откликнулся я.

– Надеюсь, – невесело усмехнулась она. – Можешь считать мое признание подсказкой, все равно больше ничем я вам в этом деле не помогу. И смотри, никогда, ни с кем не повтори моей глупости. Вряд ли ты сейчас гораздо умнее, чем была я в свои сто с небольшим лет.

– Зато не такой красивый, – в тон ей ответил я. – По моим наблюдениям, это избавляет от подавляющего большинства неприятностей.

– В точку!

Леди Сотофа даже не рассмеялась, натурально расхохоталась. И я сразу почувствовал, что находиться рядом с ней стало гораздо легче. До обычного эйфорического состояния, в которое меня всегда мгновенно приводит Сотофино присутствие, было еще далековато, но ни о какой тоске-печали речи уже не шло.

– Все-таки я молодец, что решила тебя позвать, – успокоившись, сказала она. – Была готова спорить, что ты меня рассмешишь! Хоть и не понимала, как тебе это удастся. Теперь знаю ответ. Спасибо, мальчик.

– Для себя же стараюсь, – улыбнулся я. И, поскольку с кем с кем, а с Сотофой совершенно точно можно не хитрить, спросил прямо: – Вы еще что-нибудь важное расскажете? Или мне пора уходить?

Леди Сотофа отрицательно покачала головой. Поди пойми, что это означает: «не расскажу», или «не пора». Но долго гадать не пришлось, она сказала:

– Во-первых, Шурф. Я не могла проморгать такую беду. И, как ты, наверное, догадываешься, не стала бы сидеть, сложа руки, и ждать, что будет дальше. Но не видела его два дня. Он в последнее время как с цепи сорвался; впрочем, это ты знаешь лучше меня. Я, собственно, только рада, даже этого невыносимого типа Клари Ваджуру согласилась терпеть, раз уж от него столько пользы. Не смотри на меня с таким скорбным пониманием, сэр Макс, это не завуалированное обвинение. Если я кого-то не люблю, это вовсе не обязательно означает, что он непременно натворит бед. Просто я терпеть не могу убийственно серьезных мальчишек вроде Клари; жизнь их, кстати, тоже обычно не любит. Мы обе одинаково несправедливы – я и жизнь.

– Ясно.

– Ничего-то тебе не ясно, – улыбнулась леди Сотофа. – Но не беда, потом когда-нибудь разберешься. Или не разберешься, как повезет. А в

данном случае тебе следует знать только одно: смертное заклятие, от которого ты избавил Шурфа, совсем свеженькое. Ему не больше двух дней. Насмотревшись на Джуффина, я поняла, что иногда такая информация бывает полезна для балагана, который вы называете «следствием». Вот и владейте ею на здоровье до конца своих дней. То есть, надеюсь, вечно.

– В ваших устах такое «надеюсь» дорогого стоит.

– Ничье «надеюсь» ничего не стоит, в том числе и мое. Я бы предпочла твердо знать. Но не знаю. Что, впрочем, нормально, ты сам стоял на Мосту Времени и видел, сколь изменчиво будущее: ни для кого никогда ничего окончательно не решено. Не отвлекай меня, слушай дальше. С Шурфом разобрались, теперь поговорим о тебе.

– Обо мне?! Со мной, что ли, тоже не все в порядке?

– Наоборот. В полном порядке. Я это ясно вижу. И Джуффин на твой счет пока совершенно спокоен. Знаешь почему? В первые годы твоей жизни в Ехо он присматривал за каждым твоим не то что шагом – вздохом. И правильно делал, в ту пору тебя надо было опекать. Можешь не хмуриться, прикидывая, чего он за последний год насмотрелся, когда Джуффин говорит, что давным-давно перестал за тобой следить, он не врет. Но связь такого рода редко рвется сразу и полностью. Если на тебя наложат какое-нибудь опасное заклятие, старый лис узнает об этом первым, просто по привычке. Обо всем остальном вряд ли, а об угрозе для жизни – да. Поэтому можешь не тратить время и силы на беспокойство о себе.

– А я, будете смеяться, и не беспокоюсь. Хотя обычно дергаюсь по любому поводу. А тут... Как будто точно знаю, что на этот раз я не в игре. И это настолько же очевидно, как тот факт, что у меня две ноги. Не нужно ежеминутно их пересчитывать, чтобы когда надо, встать и пойти.

– Хорошая новость, – улыбнулась леди Сотофа. – По всему выходит, у тебя изрядно обострилось чутье. Вернее, ты наконец-то научился к нему прислушиваться. Джуф на моем месте сказал бы: давно было пора, а я просто рада, что это случилось сейчас, а не через триста лет. Совсем неплохой темп. А теперь проваливай. У меня куча дел, и я похоже снова способна ими заниматься. Спасибо тебе.

– Только один вопрос напоследок, – поспешно сказал я. – Личный. И даже не то чтобы мой.

– А чей?

– Базилио вчера спросила, что бывает после смерти с такими, как она. В смысле с овеществленными иллюзиями.

– Бедный сэр Макс. Только этого тебе не хватало. И как же ты выкрутился?

– Сказал, что сознание есть сознание, так что вряд ли она в этом вопросе принципиально отличается от людей. О которых, собственно, тоже никто ничего толком не знает, но по крайней мере, лично я готов спорить, что смерть никогда не конец.

– Ну а я тебе в таком случае зачем?

– Как – зачем? В качестве более авторитетного источника информации.

– Я бы сказала ей примерно то же самое, – улыбнулась леди Сотофа. – Ты, конечно, ничего толком не знаешь, не только о смерти, но и о жизни. И даже о сновидениях, по которым ты сейчас якобы великий специалист, всем окрестным индюшкам на смех. Зато часто угадываешь. Вот и сейчас угадал.

На прощание она все-таки меня обняла. И это оказалось так же восхитительно, как обычно. Выходит, я и правда поднял настроение леди Сотофе Ханемер. Знать бы еще, как мне это удалось и запомнить на будущее, вдруг пригодится. Но с теорией у меня вечно неладит.

* * *

Я, конечно, ушел от леди Сотофы в состоянии, отличном от ясности ума и спокойствия духа несколько больше, чем хотелось бы. И, конечно, сразу послал зов Джуффину, чтобы выпалить раздирающее меня на части: «Слушай, все сходится! Как по-твоему, кому она Клятву Высокой Верности принесла?» Но ответом мне была гробовая тишина. Что легко объяснимо: когда мы расстались, шеф планировал утащить на Темную Сторону очередную партию потенциальных жертв и, надо понимать, уже туда отправился. Ладно, это действительно срочно. А я как-нибудь не взорвусь.

Тем более, что у меня есть безотказный, неоднократно проверенный опытом способ не взорваться – просто пойти домой. Единственное место в Мира, где меня гарантированно уронят на пол, упрекнув в недостаточной образованности, озадачат какой-нибудь драматической новостью из жизни кухонных припасов или дверных замков, деликатно попросят решить все проблемы этого Мира разом и три головоломки в придачу, а заодно накормят чем-то мало-мальски съедобным – может быть, если повезет.

Раньше у меня там еще и ужасающие чудовища всюду слонялись, изумляя своим разнообразием, блаженные были времена. Теперь, конечно, не то. Но все равно дом есть дом. Там хорошо.

На пол меня действительно уронили. Эта обязанность лежит на

Друппи, а он крайне ответственный пес. И привержен традициям. Твердо знает, что если я вошел в гостиную, меня следует лизнуть в нос, предварительно поставив на плечи передние лапы. При его габаритах и скорости движения результат предсказуем: я падаю, не выдержав напора. Друппи это не смущает. По его мнению, вылизывать мой нос гораздо удобней, когда я лежу на полу.

Когда-то манеры пса меня умиляли, потом начали сердить. Еще какое-то время спустя, я просто смирился: Друппи не переделать, он – гигантский вечный щенок, который меня любит и умеет выражать свои чувства именно так. А теперь я даже обрадовался его выходке. Она означала, что дома все в порядке. Вчера, когда в гостиной лежала мертвая леди Тайяра, Друппи меня не ронял. И вообще на глаза не попадался, предпочел пересидеть это горе на кухне, от греха подальше. В смысле от трупа, Базилио и меня.

Но сейчас Друппи бросился мне навстречу, энергично мотая ушами. И затормозил только в самый последний момент, под целый хор голосов: «Осторожно!», «Не надо!», «Даже не вздумай!», «Ты обещал, что не будешь так себя вести!» Не то чтобы меня это спасло. Когда такая громадина пытается затормозить буквально в полуметре от твоего носа, сила инерции превышает силу благого намерения примерно в сто миллионов раз. И неизбежное все равно происходит.

Поэтому с остальными присутствующими я здоровался уже из положения лежа на ковре, под аккомпанемент условно виноватых поскуливаний неопишимо довольного Друппи.

– Мой друг приносит извинения и говорит, что снова не смог сдерживать эмоции, которые обычно охватывают его при виде тебя, – любезно перевел Дримарондо, который тоже был тут.

Если у вас в доме живут целых две собаки, позаботьтесь, чтобы хотя бы одна из них была говорящей. Это очень удобно. До появления переводчика у нас с Друппи возникало куда больше коммуникационных проблем. Например, он понятия не имел, что мне не нравится падать на пол. Думал, это моя любимая игра. А теперь всякий раз вежливо извиняется. Я считаю, это огромный прогресс.

– Точнее будет сказать «не захотел», – заметил сэр Шурф, который хоть и утверждает, будто не в его привычках ставить перед собой заведомо невыполнимые задачи, до сих пор не оставил попыток перевоспитать моего пса.

– Рад тебя видеть, – сказал ему я, не поднимаясь с пола: мягкий ковер поработил мою волю. И поспешно добавил: – Очень рад видеть всех. Если бы не строгое воспитание, лизнул бы каждого в нос.

Услышав про строгое воспитание, мои гости дружно заржали. Громче всех – Малдо Йоз. Оно и понятно, все-таки богема. Ему положено эпатировать добропорядочных обывателей вроде меня.

Кроме Малдо здесь были: соседская девчонка, за которой он ухаживает, ее тетка леди Лари, вероятно временно спихнувшая свои обязанности трактирщицы на брата, Трикки Лай, Нумминорих, счастливо спасенный нынче утром сэр Мелифаро и, господи боже, глазам своим не верю, самый занятой человек всех миров Кофа Йох.

Ясно, почему собралась такая компания: все они очень любят Базилио. И, прослышав о смерти учительницы, пришли ее утешать.

Все-таки вечно занятому человеку следует иметь как можно больше друзей. Со временем они волей-неволей перезнакомятся и организуют самодостаточную устойчивую систему: если что, сами друг друга утешат, спасут, развлекут и накормят. И меня за компанию, если вовремя под руку подвернись.

Я с большим удовольствием это обдумал, поднялся с пола и только теперь заметил, что за столом нет самой виновницы торжества. В смысле Базилио, которую, по идее, все пришли утешать. Мне показалось, это довольно плохой признак. Никогда еще для Базилио не было дела важнее гостей. Разве что другие, еще более желанные гости. Но вряд ли сейчас в ее кабинете сидит замаскированный под старенького помощника придворного профессора Король. Хочет он того или нет, но его тайное неназойливое присутствие в самой дальней комнате создает совершенно особую атмосферу во всем доме; в общем, был бы он здесь, я бы знал.

– Базилио ушла рыдать в спальню? – спросил я.

– Нет, заниматься математикой в кабинет, – сказал Трикки Лай. – Совсем недавно. Принесла нам извинения и ушла.

– По крайней мере, она так утверждала, – с нажимом на «утверждала» заметил Мелифаро.

Несмотря на легкомысленные золотые ленточки, согласно последнему крику столичной моды обильно свисающие с его полупрозрачного зеленого лоохи, он вовсе не наивный оптимист.

– У леди Базилио очень неплохое настроение, – сказал мне Шурф. – С учетом вчерашнего происшествия, его можно назвать хорошим. Несколько чересчур возбужденное, только и всего. Я говорил тебе, что ты недооцениваешь твердость ее характера. И оказался прав.

– Ладно, – кивнул я. – Если ты так говоришь, не буду к ней лезть...

– Вот это как раз напрасно. Будь я для нее более близким человеком, непременно полез бы. Людям такого склада избыток сочувствия только на

пользу.

Окружающие дружно закивали. Похоже, им требовалось мое экспертное заключение, что с Базилио все в порядке, которое позволило бы с чистой совестью разойтись по своим делам. Я же говорю, стоит прийти домой, и сразу окажется, что до сих пор особых проблем у тебя не было. Зато теперь есть!

Постучав в дверь кабинета Базилио и сказав: «Привет, это я», – вместо привычного: «Заходи!» – я услышал сдавленный ох. Потом наступила драматическая пауза, наконец Базилио сказала:

– Подожди, пожалуйста, я сейчас.

Тут бы мне, конечно, заподозрить неладное, но, зная Базилио не первый день, я был готов спорить, что она просто спешно пытается прекратить реветь.

Проспорил бы, между прочим. Потому что когда Базилио наконец появилась на пороге, на ее лице не было ни намека на следы недавних слез. Хотя сто раз уже проверено: у овеществленных иллюзий глаза от рева краснеют, а нос распухает совершенно как у обычных людей.

– Извини, что не сразу открыла, – сказала она. – У меня была... В общем, одна задача, от которой никак нельзя отвлекаться. Поэтому я сперва закончила, а потомпустила тебя.

Я открыл было рот, чтобы сказать: «Эй, хватит врать! С каких это пор от меня нужно что-то скрывать?» Но захлопнул его, не издав ни звука. Потому что кто угодно имеет полное право на свои секреты. Даже, как ни прискорбно это признавать, от меня.

– Я только хотел узнать, какое у тебя настроение, – сказал я. – Все говорят, хорошее, а я не поверил. Уже вижу, что зря. Извини, что помешал заниматься. Если понадобится, в любой момент присылай зов. Без этих твоих обычных опасений оказаться некстати. Обещаешь?

– Спасибо, – улыбнулась Базилио. – Обещаю. У меня правда все хорошо. Думаю, даже вступительные экзамены не завалю. Основы леди Тайяра мне объяснила, с остальным как-нибудь справлюсь.

– Я сегодня видел леди Сотофу, – сказал я. – И спросил у нее, что бывает после смерти с овеществленными иллюзиями. Все-таки она знает больше нас всех вместе взятых. Так вот, леди Сотофа подтвердила мою вчерашнюю версию. Все правильно я тебе сказал. Сознание – главное, происхождение – полная ерунда.

– Здорово! – Базилио улыбнулась еще шире.

Впрочем, меня не обманешь, я видел, что даже эта новость не

произвела на Базилио особого впечатления. Похоже у них... у нее и правда очень интересные задачки. Лучше не отвлекать.

Ладно, не очень-то и хотелось.

– Сейчас уже побегу, – пообещал я. – На самом деле у нас творится ужас, хуже твоих будущих экзаменов. Только еще одно, напоследок. Имей в виду, что ты имеешь полное право никого к себе не пускать, когда работаешь. Запираться на ключ и говорить всем, включая меня: «Проваливайте к Темным Магистрам, я занята!» – самое обычное дело. Никто на тебя не обидится. Настоящие ученые всегда так поступают; думаю, в этом залог их успеха. Учись!

– Что, прямо так и говорить: «Проваливайте к Темным Магистрам?» – изумилась Базилио.

– Так и говорить, – подтвердил я. – Вообще-то есть еще разные прекрасные варианты, от лисьей задницы до ледяной бездны. А можно по старому доброму гугландскому обычаю посылать ближних к болотным дядьям. Но это, по-моему, все-таки чересчур экспрессивно. К Темным Магистрам – самый нейтральный вариант.

– Спасибо, – просияла Базилио. – Я попробую. К Темным Магистрам! Точно-точно никто не обидится?

– Я не обижусь. Остальные... ай, привыкнут, куда они денутся. А господина Старшего Помощника Придворного Профессора, готов спорить, ты и так не станешь никуда посылать.

* * *

– Я же правильно помню, что статья Кодекса Хрембера, запрещающая призракам находиться на территории столицы Соединенного Королевства, отменена? – спросил я.

– Кажется, это была вообще самая первая поправка, – ответил Шурф. – Сэр Джуффин, любезно вызвавший меня помочь переписать Кодекс Хрембера, то есть, если называть вещи своими именами, доверивший мне едва ли десятую часть этой важной работы, чрезвычайно трепетно относится к Гажинскому филиалу Тайного Сыска. А там, сам знаешь, какой состав.

Я кивнул, с содроганием вспоминая неугомонных Гажинских призраков, деловой визит к которым подарил мне совершенно незабываемые несколько суток практически без сна. Им-то, заразам, спать вообще не надо. Впрочем, во всех остальных отношениях Гажинские Тайные сыщики отличные ребята, особенно их начальница; был бы

призраком – пал бы к ее мерцающим, едва различимым ногам.

– А почему ты спрашиваешь?

– На всякий случай. Не смотри на меня так, я не собираюсь становиться призраком. И никого не планирую в призрака превращать. Просто совершенно уверен, что рано или поздно они в этом доме заведутся. И еще парочка заплутавших в Хумгате бродячих демонов. И какой-нибудь запойный эльф^[30] в подвале, где нам с тобой когда-то мерещилась Невидимая Библиотека^[31]; готов спорить, повара и Базилио будут из жалости таскать ему Джубатыкскую пьянь, а ты – расспрашивать о временах Ульвиара Безликого и украдкой писать какую-нибудь не приличествующую твоему сану диссертацию. В общем, не дадите вы мне его извести. Потом объявится уснувшая в чулане на дальней окраине одного из соседних миров белокурая сиротка, которой каждое полнолуние снится, что она гроза Вселенной о семнадцати зубастых пастях и живет у меня в одежном шкафу. Ко мне такое безобразие как магнитом притягивается.

– Это утверждение при всем желании нельзя назвать совсем уж безосновательным, – деликатно согласился Шурф.

– Ладно, переживем, главное, чтобы не фэтан. Вряд ли мне удастся с ним поладить. Бессмысленное создание: с утра до ночи тупо жрет чужую силу. И жрет, и жрет. Никакой культурной программы! Даже не влюбляются ни в кого, хотя на такую глупость, по идее, вообще кто угодно способен – бдымц! – и все.

Мы сидели в гостиной. Фан-клуб Базилио, успокоенный результатами моей проверки, уже разошелся по своим делам, а сэр Шурф остался, сказав, что пока никуда не торопится. За одно это, конечно, следовало поставить памятник его секретарю. А не сновать вокруг бедняги акулой, прикидывая, за какое подозрительное обстоятельство его ухватить.

– Ты на взводе, – заметил мой друг. – По-моему, даже для тебя чересчур.

– Естественно. Поскольку так и не напился после вчерашнего. И ничего не забыл. Зато узнал много нового и интересного. Во-первых, убить пытались не только тебя, но и Магистра Хонну. Ему, конечно, до одного места, но...

– Магистра Хонну?! Он что, приходил к тебе жаловаться?

– Не ко мне, а к Джуффину. Но действительно приходил. Решил, что нам следует знать такие новости. Заодно принес мне с ярмарки жуткий двухголовый леденец – тоже, между прочим, дополнительный стресс. Но

это еще не все, дальше веселее. Джуффин говорит, что у нас есть идеальный подозреваемый: покойный Нуфлин Мони Мах. И все, представь себе, сходится! Я бы сказал, более, чем все. Кроме одного: мертвецы колдовать не могут. Джуффин ходил в Харумбу скандалить...

– Именно скандалить?

– Зная его не первый день, совершенно уверен, что таков был запасной вариант на тот случай, если надменные кейифайи не согласятся сотрудничать со следствием. Но они согласились. Сказали: «Нет, наши милые маленькие мертвецы не способны на дурные поступки». Физически неспособны, имеется в виду. И все, прощай самая убедительная в мире версия! А потом еще этот твой секретарь...

– Дался тебе мой секретарь.

– Еще как дался! Твой секретарь так прекрасен, что я ни о чем другом толком думать не могу. Видел бы ты, какими глазами он смотрел на предрассветный город с моей крыши.

– Примерно такими же глазами он постоянно смотрит во все имеющиеся в его распоряжении окна. В любое время суток, на любой высоте. Клари любит Ехо. И всегда любил. Долгие годы он совершенно точно знал, что не сможет сюда вернуться. Но все-таки смог. Во сне, но, думаю, его сновидение не менее достоверно, чем бодрствование любого из нас. Поразительная история о победе воли над обстоятельствами, очень воодушевляющая. Но ты явно хотел поговорить о чем-то другом.

– Всего лишь сказать, что секретарь у тебя отличный, но я все равно постоянно прикидываю, не может ли он иногда ненадолго просыпаться в своей пещере, чтобы прочитать это грешное Проклятие Йарра и перевернуться на другой бок... Впрочем, откуда бы у него взяться боку? Не на что там переворачиваться. Ладно. Будем считать, это у меня такая новая мания, вполне безобидная, скоро пройдет. Просто объясняю тебе, почему я на взводе: для меня невыносимо подозревать человека, к которому я испытываю такую сложную гамму сильных чувств, от восхищения до сострадания. И это только одна из множества причин. Я же, кроме всего, и по твоему поводу теперь дергаюсь: хорошо ли расколдовал? Качественно? Точно-точно навсегда? А вдруг надо было еще три раза подпрыгнуть, погрозить кулаком небу и выкрикнуть какое-нибудь ругательство, чтобы наверняка? Сам понимаю, что дурость, но когда это понимание мешало мне изводиться. При этом два стакана осского аша залпом по-прежнему недостижимы. Совершенно точно не прямо сейчас.

Думал, Шурф сейчас прочитает мне традиционную лекцию о необходимости контроля над эмоциями, напомнит о дыхательной

гимнастике, осведомится, каким чудом я, такой замечательный, до сих пор жив – как всегда. И мне сразу станет легче: мало что так успокаивает, как некоторые ритуалы. Но мой друг только вздохнул:

– И не говори. Два стакана осского аша залпом – несбыточная мечта. Надо же, а.

* * *

Шурф в конце концов меня покинул ради каких-то особо гадских дел, которые не переложить даже на плечи совершеннейшего из секретарей. Джуффин так и не объявился; я впрочем с самого начала подозревал, что эта затея надолго. Чем больше у тебя неопытных спутников, тем выше риск вернуться с Темной Стороны не когда пожелаешь, а как повезет. Остается только надеяться, что это случится сегодня, хотя бы к ночи, а не дюжину лет спустя.

Общества остальных коллег я пока старательно избегал: делиться с ними гипотезой шефа не следовало по причине ее абсурдности, возводить напраслину на Шурфова секретаря – примерно из тех же соображений, а говорить о чем-то другом я пока был не в состоянии.

Все что я мог сделать в такой ситуации – вылезти на крышу, достать из Щели между Мирами чашку черного кофе и выпить его залпом, представляя, что случайно добыл коньяк; не то чтобы это помогло, но хотя бы рассмешило. А потом поиграть с собой в игру под названием «Как будто я тут самый умный». В смысле обдумать все, что я успел увидеть, услышать и узнать за последние дни. Порой это нелепое в моем исполнении занятие приносит неожиданный результат. Все-таки когда живешь в магическом мире, рассчитывать на чудо – вполне рациональный подход.

По крайней мере, просидев на крыше какие-то несчастные полчаса, я сообразил, что могу сделать прямо сейчас, не дожидаясь шефа. Причем не просто могу, а даже обязан. Мы знаем, что сказали Джуффину Хранители Харумбы, но когда у тебя есть уникальная возможность перепроверить информацию, грех ее упускать.

Поэтому вместо того чтобы и дальше протирать черепицу своим лоохи, я сделал тот самый единственный шаг, отделяющий меня теперь от любого места в Мире, и удобно улегся на теплом пепельно-белом песке. Закинул руки за голову, вытянул ноги и принялся ждать. Больше ничего делать не требовалось, мое присутствие тут само по себе приглашение к

разговору. Очень настойчивое приглашение, что-то вроде артиллерийской пальбы.

Здесь, на берегу Ариморанского моря, давным-давно наступила ночь, но до рассвета было еще далеко, поэтому воздух пока не окрасился в розовый цвет. Пришлось довольствоваться видом усыпанного звездами зеленовато-лилового неба и шумом прибоя. Не сказать что такая уж суровая аскеза.

Потом мне на голову обрушилась груда песка, практически целая дюна. Особо приятным это переживание не назовешь, одна радость, что оно сродни наваждению и длится недолго; в любом случае, я к таким приветствиям уже привык.

На смену временно придавившей меня песчаной горе пришла другая, уже не иллюзорная тяжесть. Сперва я только сдавлено охнул, даже в глазах потемнело, а потом обнаружил, что на груди у меня сидит злющая с виду старуха с седыми кудрями до земли и азартно размахивает длинным куманским ножом. Если не знать, что изначально грозное оружие предназначалось для дробления окаменевших медовых глыб, осколками которых торгуют на всех рынках Уандука, оно может произвести довольно сильное впечатление. Впрочем, если знать, все равно производит. По крайней мере, на меня.

– Однажды я избавлю от тебя этот многострадальный Мир! – воскликнула старуха, еще раз взмахнув своим медорубом. И расхохоталась, тут же помолодев примерно на восемнадцать тысяч лет. Заодно превратилась в мужчину. Чтобы два раза не вставать.

С Иллайуни примерно та же беда, что с Друппи. В смысле он меня любит. По-своему. И выражает свою любовь – вот так.

– Шутки шутками, но это и правда свинство с твоей стороны – являться ко мне в таком состоянии, – сказал Иллайуни, вставая с моей груди и усаживаясь рядом. – Ты и в самом безмятежном настроении едва выносим. А уж сейчас...

– Знаю, – согласился я. – Прости. Ни за что не пришел бы, но мне позарез нужна твоя помощь. Не хмурься, всего лишь ответ на вопрос. Или на два вопроса. Или, если судьба будет к тебе особо жестока, на три.

Иллайуни снова рассмеялся.

– У тебя повадки в точности как у моего прадеда Гомулай Тар Оган Найи, который приходил в гости и объявлял с порога: «Не знаю, что вы натворили, злодеи, и знать не желаю, пришел час расплаты, я уже тут!» Тоже тяжелый человек, хотя до тебя ему далеко. Давай, выкладывай свой вопрос, только будь милосерден, быстро! Я – несчастный беззащитный

бессмертный, даже утопиться по-настоящему при виде тебя не могу.

– Шурфа чуть не убили, – сказал я. – То есть, считай, почти убили, но я по счастливой случайности углядел на его шее смертное проклятие и отменил, благо на Темной Стороне это просто; не потащил бы он меня туда развеяться... Нет, стоп, не надо мне в твоём присутствии об этом думать.

– Вот-вот, – мрачно подтвердил Иллайуни.

– Ещё одного моего друга избавил от точно такого же проклятия шеф. Только уже не случайно, а нарочно повел на Темную Сторону проверять. А перед этим погибла целая толпа народу, причем смерть каждого в отдельности выглядела трагической случайностью, не придерешься. Проклятие Йарра именно так и действует. Слышал о таком?

Иллайуни равнодушно помотал патлатой головой. Выглядел он сейчас совсем мальчишкой, ровесником Шурфова секретаря. Им бы мяч напару гонять, да в окна женских бань подглядывать, если, конечно, таковые тут имеются. Внешность вообще обманчива, а уж в магическом Мире и вовсе нелепо придавать ей хоть какое-то значение. Но я так по-дурацки устроен, что даже научившись по желанию изменять собственный облик, все равно придаю.

Впрочем, буквально секунду спустя Иллайуни стремительно постарел. Его вид и так-то не отличается постоянством, а сегодня он явно нарочно мельтешил, действуя мне на нервы. Иллайуни вообще на удивление мстителен; хвала Магистрам, только в мелочах.

– Я в ваших нелепых угуландских смертных проклятиях не разбираюсь, – надменно сказал он. – И не намерен что-либо менять. Спрашивай, что собирался.

– У нас есть подозреваемый. Одна беда, он уже несколько лет в Харумбе. И Хранители говорят...

– Они согласились удовлетворить ваше любопытство? Тогда зачем еще и меня дергать? – возмутился Ба Шумбай Иллайуни Горда Ойян Цан Марай Абуан Найя, бессмертный кейифай из рода строителей и хранителей Харумбы, давным-давно сбежавший от своих родственничков ко всем чертям.

– Затем, что ты незаинтересованное лицо. У тебя нет задачи защищать своих подопечных, утверждая, будто обитатели Харумбы не могут воздействовать на живых какими бы то ни было заклинаниями...

– Но он действительно не могут! – воскликнул Иллайуни. – Как вам только в голову такое пришло?!

– Ну как – просто мы не Хранители Харумбы. Поэтому не в теме, – усмехнулся я. – Ладно, я уже понял: это абсолютно невозможно. От такой

новости чокнуться впору, но все равно спасибо тебе.

– Чокнуться впору, говоришь? То есть сейчас ты по собственным меркам еще нормальный? – осведомился Иллайуни. – Плохи, значит, дела.

– Да, дела неважные. Зато у меня есть второй вопрос: может ли живой человек посетить Харумбу в сновидении? Я имею в виду, не грезить на эту тему, а по-настоящему там побывать?

Иллайуни нахмурился.

– Уродился бы я подозрительным – решил бы сейчас, что мои родичи уговорили тебя попробовать нас помирить.

– При чем тут твои родичи?

– Притом, что тот же самый вопрос я слышал от них минувшей осенью. Специально приходили посоветоваться, хотя до сих пор демонстративно придерживались мнения, будто я вышел из общего дела не от большого ума. Но как припекло, сообразили, что о сновидениях я знаю побольше, чем вся семья вместе взятая и прибежали расспрашивать. Прежде такого никогда не бывало – чтобы Харумба приснилась кому-то из живых. Даже в обычных пустых снах она не фигурировала, хотя, конечно, доподлинно это не проверишь. Но так говорят. А теперь на улицах Харумбы то и дело появляются сновидцы; мои рассказывали, по большей части, обитатели каких-то иных реальностей, но и местные, из этого Мира, изредка попадают. Ходят по городу, глазают, заводят разговоры. Один юный Шиншийский принц отыскал там свою прапрабабку и был шокирован встречей, видимо иначе ее себе представлял. Зато жители Харумбы в восторге от гостей, новые впечатления для них радость, которой ни за какие деньги не купить. А вот Хранители в растерянности: не понимают, как такое вообще стало возможно. И не могут решить, плохо это или хорошо.

– Конечно, хорошо, если сами покойники рады, – усмехнулся я. – Клиент всегда прав.

– Так-то оно так. Но хотел бы я знать, почему такое творится!

– Джуффин говорит, в Мире открылись некие границы, которые прежде были закрыты и не позволяли постороннему вниманию проникать в нашу реальность, – вспомнил я.

– Это и так понятно, – отмахнулся Иллайуни. – А вот почему они открылись и как именно это изменило свойства Харумбы, хотелось бы однажды узнать... Ладно, по крайней мере, ты можешь быть доволен прямо сейчас, не сходя с места: ответ на свой вопрос ты получил.

– Да, но есть и третий вопрос. Потом сразу уйду, обещаю. Ты говоришь, обитатели Харумбы не могут воздействовать колдовством на

живых. А на сновидцев, которые бродят по улицам и вступают с ними в разговоры? С ними – как?

– Да откуда же мне знать? – удивился Иллайуни. – Я давным-давно не был в Харумбе и не собираюсь их навещать, даже не проси!

– Мне бы в голову не пришло просить о таком одолжении. Сам понимаю, что перебор. Просто надеюсь на твои знания и опыт. Как ты думаешь? Теоретически. Вот и все.

– Магия обитателям Харумбы недоступна, это я тебе уже говорил. Мог бы объяснить, почему и даже показать, как работает этот механизм, но это слишком долгое дело. А, скажем, до осени ты сам со мной не останешься, даже если я соглашусь столько тебя терпеть. Что маловероятно, уж извини. Поэтому придется поверить мне на слово.

– Верю, – кивнул я. – Если бы не верил, какой смысл приходить к тебе с вопросами?

– Ну как – какой? А вдруг ты просто соскучился? – усмехнулся Иллайуни. – И не сумел сочинить другой подходящий предлог.

– Ты меня недооцениваешь. Подходящих предлогов я могу сочинить сколько угодно. Например: «я соскучился». Как тебе такая лихо завернутая интрига? По-моему, вполне ничего.

– Никогда не устану удивляться: как у тебя получается будучи таким невыносимым человеком, оставаться настолько забавным? Думаю, только поэтому я и все остальные соглашаемся тебя терпеть.

– Спасибо, – серьезно сказал я. – Не знаю как насчет остальных, но что ты меня иногда терпишь, это мне крупно повезло. Все, уже ухожу.

– Еще минуту, – неожиданно попросил Иллайуни; я-то думал, он на радостях пустится в пляс. – Хочу, чтобы ты понял меня правильно. Магия обитателям Харумбы, конечно, недоступна. Но это не означает, будто они вовсе не способны влиять на тех, кому приснились. Я, как ты мог убедиться, довольно много знаю о сновидцах и сновидениях. Так вот, на сновидцев очень легко воздействовать. Звуком голоса, ритмом дыхания, прикосновениями, да просто выражением лица. Практически чем угодно, особенно если знаешь соответствующие приемы общения; у нас, в Уандуке, они настолько ни для кого не секрет, что некоторые давно стали частью повседневных правил хорошего тона, а у вас в Соединенном Королевстве их знают немногие и берегут от чужих как великую древнюю тайну, что само по себе довольно смешно. В общем, имей в виду: сновидец существо чуткое и изменчивое, это его сильная и одновременно слабая сторона. Поэтому большинство спящих так легко лечить, учить, воспитывать, уговаривать – словом, подчинять своей воле. Ясно тебе?

– Да.
– Похоже, это знание тебя совсем не обрадовало.
– Не обрадовало, – согласился я. – По правде сказать, практически подкосило. Но я все равно тебе благодарен. Всегда лучше знать, чем не знать.

* * *

– Все, – сказал Джуффин, когда я появился на пороге его кабинета. – По крайней мере, на сегодня – точно все. Пятнадцать человек...
– На сундук мертвеца, – машинально продолжил я.
– Что?!

– Песенка такая. Пятнадцать человек на сундук мертвеца, йо-хо-хо, и бутылка рому!
– Чего-чего бутылка?
– Рому. Ром – что-то вроде недорогого бомборокки. Я его, кстати, из Щели между Мирами не раз добывал, и тебе, точно помню, доставалось попробовать. И песенка как раз тоже пиратская... Извини, увлекся. Так приятно говорить о всякой ерунде вместо того, чтобы перейти к делу! Пятнадцать человек – это ты на Темную Сторону столько отвел?

– Да. Пятерых, включая Мелифаро, с утра, а остальных собрал вместе и повел толпой, чего тянуть. И так трое из моего списка не отвечают на зов. Все они так давно покинули Ехо, что даже Кофа пока не в курсе, где их искать и кого расспрашивать об их судьбе. Обещал попробовать разузнать. Честно говоря, не удивлюсь, если выяснится, что эти люди умерли совсем недавно. Хотя доказательств у меня, сам понимаешь, по-прежнему нет.

– Понимаю, – мрачно кивнул я. – А что было на Темной Стороне?
– Ну как – что? Весело было. Вообрази себе сельских школьников, случайно попавших на выступление Екки Балбалао в Королевском летнем дворце, и возведи результат в десятую степень.

– А какой-то практический толк от этой прогулки вышел?
– А как же. Куда ж мы без практического толка. Избавил от скорой гибели еще двоих, с остальными и так все в полном порядке. В сумме получается четыре уничтоженных смертных проклятия за день. Даже не знаю, можно ли считать такую работу эффективной. С одной стороны, почти три четверти – мимо, зря их туда потащил. С другой, пока не проверишь, не узнаешь, зря или нет. Ну и удовольствия получил море. Все-таки мало что может быть забавней, чем новичок, впервые попавший на

Темную Сторону. Поневоле вспоминаешь, с какой стороны у тебя сердце и какого рода удовольствие можно от его наличия получить. Я, оказывается, уже подзабыл, как это бывает. Давно никого с нуля не учил.

– Но долго ходили, да? – сочувственно спросил я.

– Туда – довольно долго. Все-таки слишком большая компания, слишком много опасений и недоверия, в том числе лично ко мне. Счастье, что я мастер заговаривать зубы; в общем, худо-бедно прошли. Зато вернулись на удивление легко, хотя не ставили Стража: Мелифаро нужна передышка, а других у нас пока нет. Меня как-то внезапно осенило соврать, что время в Мире и на Темной Стороне идет примерно одинаково. Час там гуляешь, значит и вернешься через час. Сперва сам себе удивился – чего это я? Откровенная же чушь. Но оказалось, когда твоей выдумке безоглядно верит сразу толпа народу, она становится правдой. Очень удобно! Через пять минут после долгой прогулки при таком раскладе, конечно, не вернешься, зато и надолго, как видишь, не застряли. А такая опасность без Стража довольно велика. Да и Страж не абсолютная гарантия.

– Здорово, – откликнулся я.

– Как-то ты без энтузиазма, – усмехнулся Джуффин. – Уже небось жалеешь, что предложил мне с ними помочь?

– Нет, что ты. Совершенно не жалею. Тем более, что уже об этом забыл. Что, разумеется, не отменяет моего обещания... Знал бы ты, какая каша у меня сейчас в голове!

– Не то чтобы самое необычное для тебя состояние.

– Поверь, нынешняя каша из ряда вон выходящая. С окороками диких жуков еубе, старинный арварохский рецепт... У тебя еще остались силы говорить о делах?

– Силы? После целого дня прогулок по Темной Стороне?! Да мне сейчас кружку со стола надо брать аккуратно, чтобы ненароком не перевернуть Мир.

– Отлично. Тогда твою кружку, так и быть, возьму я, а ты просто слушай. Для начала леди Сотофа. Оказывается, когда-то давным-давно она принесла клятву Высокой Верности одному человеку, по всему выходит, что виновнику нынешнего переполоха. По крайней мере, она сказала, что именно из-за клятвы ничем не может нам помочь, хотя в кои-то веки разнообразия ради хочет этого всем сердцем. Я, пожалуй, догадываюсь, кому леди Сотофа могла ее принести. А ты, уверен, знаешь точно.

– Совершенно напрасно ты уверен. Впервые об этом слышу. Но да, пожалуй, тоже догадываюсь.

Мы переглянулись, прикидывая, кто озвучит свою догадку первым. Но как-то сразу поняли, что вслух называть имя не обязательно. И так ясно все.

– Она даже дала мне дополнительную подсказку, – наконец продолжил я. – Сказала, что была молода и испытывала чувство вины. Перед кем, интересно? И я сразу вспомнил, откуда взялась ее вторая Тень. Самая впечатляющая романтическая сцена в новейшей истории Угуландской магии, поди такое забудь: Тень Великого Магистра влюбилась в красивую юную ведьму и решила принадлежать ей. Я бы, наверное, тоже чувствовал себя виноватым, если бы ко мне ушла чья-нибудь Тень, бросив своего обладателя угасать, постепенно утрачивая силу и смысл. Представляю, как она тогда растерялась! Гораздо хуже, чем отбить жениха у подружки, согласись. И ведь не откажешься. От второй Тени, уверен, никто бы не отказался. Разве только я сам, да и то потому что непрактичный дурак.

– Жалко, меня тогда рядом с Сотофой не было, – невесело усмехнулся Джуффин. – И вообще ни одного здравомыслящего друга, который напомнил бы, что Тень Нуфлина приняла решение сама, и отговорить ее не было никакой возможности. Забавно, кстати, что старому пройдохе даже худшая из мыслимых катастроф принесла немалую пользу! Я большой противник всех этих древних клятв, не отменяемых ни волей, ни самой смертью, но следует признать, когда клятву Высокой Верности тебе принесла сама Сотофа Ханемер, жизнь становится чрезвычайно простой и удобной штукой. Даже если иметь совесть. А уж если не иметь...

– Как она, интересно, вообще тебе помогала, при таком-то раскладе? Рассказывают, вы с ней Магистры знает что за спиной Нуфлина творили. Вот что меня смущает. Может все-таки не о нем речь?

– Все зависит от формулировки клятвы. Если Сотофа обещала, скажем, защищать жизнь своего Великого Магистра, вполне могла совершать поступки, которые ему не нравились, при условии, что объективно они приносили пользу – например, примиряли с Нуфлином опасного противника в моем лице, создавая, таким образом, приемлемый для всех сторон баланс сил. Так, собственно, и было: как бы мы ни враждовали, Нуфлин мог быть твердо уверен, что в случае крупных неприятностей я буду играть на его стороне.

– Похоже, что так, – согласился я. – Она, точно помню, как раз что-то говорила насчет «всегда защищать»... Ладно, поехали дальше. Леди Сотофа утверждает, что еще два дня назад Шурф не был околдован. То есть его проклятие совсем свеженькое. Следовательно, наша версия, что проклинали всех разом, а теперь они по очереди умирают, отменяется. И еще,

боюсь, из этого следует, что ничего не закончилось. Люди будут умирать. Всех кандидатов в покойники на Темную Сторону, как я понимаю, не утащишь просто в силу их природы. Или стоит рискнуть?

Джуффин помотал головой.

– Не стоит. Ты их, возможно, и правда «утащишь», если очень захочешь. Только это все равно, что заменить некоторый риск погибнуть гарантированной смертной казнью. Я тебе уже рассказывал, чем заканчивались подобные эксперименты для приятелей Короля Мёнина, которых Его Величество с энтузиазмом, свойственным юности, достаивал чести совместной прогулки по Темной Стороне?

– Да, – мрачно кивнул я. – Было дело, рассказывал. Насколько я помню, они там сходили с ума.

– С ума сходили только некоторые счастливики. Можно сказать, отделались легким испугом. Остальные там развоплощались с громкими воплями, которые, говорят, было слышно даже в городе. То есть на лицевой стороне реальности. Трудно в такое поверить, но чего только не бывает, когда за дело берется Вершитель, твердо решивший осчастливить всех, кто не успел спрятаться от его милости в самый глубокий подвал.

– Я не...

– Рад слышать, что ты не настаиваешь. Просто гора с плеч. Что еще тебе удалось вывести у Сотофы?

– Больше ничего. Кроме ее ужасного настроения. Я имею в виду, для меня это было поразительное открытие: что она способна горевать, как самый обычный человек.

– Понимаю, – кивнул Джуффин. – Но вообще плохое настроение – это нормально. Могущество само по себе не делает нас неуязвимыми для разного рода душевных страданий. Скорее, напротив, придает им небывалую силу. Это обстоятельство вынуждает нас развивать ум и закалять характер, чтобы не давать страданиям власти над собой. Но изредка кто угодно может сорваться. Почему нет.

– Почему нет, – согласился я, подозревая, что в ближайшее время эта индульгенция очень пригодится мне самому. Так и буду отвечать на все претензии: «Кто угодно может сорваться, сам сэр Джуффин так говорит».

– У тебя все? – спросил шеф.

– Какое там. Это было только начало.

– Вот как?

Он явно удивился и даже не стал трудиться это скрывать.

– Пока тебя не было, я пошел к Иллаюни. Это... – ну ты же помнишь желтое Шихумское вино?

– Такую горькую пакость поди забудь.

– Кто ж тебе виноват, что ты был счастлив, когда его пробовал? Грустил бы, получилось бы гораздо слаще. В общем, неважно, просто Иллайуни – тот, кто мне его тогда подарил.

– Организовав таким образом одно из самых блестящих покушений на мою жизнь, – проворчал Джуффин. – Он был буквально на волосок от успеха! Ладно, я уже понял, о ком речь, и зачем ты к нему ходил. Он же из клана строителей Харумбы? Ты молодец, что решил проверить мою информацию. Но в следующий раз все-таки учитывай: я по-прежнему вполне способен распознать, когда мне лгут.

– Ну все-таки старые кейифайи, – вздохнул я. – Они настолько странный народ, что лично я бы ничему не удивился. Но я ходил к Иллайуни не только проверять твои сведения. А еще потому, что пару дней назад поболтал по душам с Клари Ваджурой. Он пришел ко мне на крышу любоваться рассветом, я его там застукал, отлично посидели. И очень интересный у нас вышел разговор. В частности, Клари рассказывал, что весной видел сон о том, как навестил своего бывшего шефа в Харумбе. Они же расстались врагами, ты в курсе?.. Ай, естественно в курсе. И наверняка знаешь, что Нуфлин хотел отнять его тело, как потом попытался со мной...

– Нет, – признался Джуффин. – Этого я не знал.

– Ну вот, теперь знаешь. Но это сейчас неважно. Главное, Клари приснилось, что он навестил Нуфлина в Харумбе, и это сновидение ему совсем не понравилось. Он говорит, что приложил немалые усилия, стараясь о нем забыть. Не то чтобы успешно, но кое-что действительно забыл. Это, мне кажется, тоже важная подробность. Поэтому я решил узнать, может ли сновидец посетить Харумбу. Оказалось, еще как может. У них там в последнее время толкутся гости, как и у нас.

– Очень интересно. Я был уверен, что проникнуть в Харумбу даже в сновидении невозможно.

– Хранители Харумбы тоже были в этом уверены. Но в последнее время многое изменилось, в том числе и для них.

– Это бесценная информация, сэр Макс.

– Спасибо. Я тоже так думаю. Бесценная. И совершенно невыносимая для меня. Потому что мне очень понравился Клари Ваджура. И сэр Шурф, позволяющий себе дрыхнуть до обеда, а потом развлекать меня долгими разговорами, потому что все рутинные дела взял на себя секретарь, мне тоже понравился. Смотрел бы на такую красоту и смотрел. Тем не менее, я собрал волю в кулак и задал еще один вопрос: может ли обитатель Харумбы заморозить сновидца? И выяснил, что колдовать в классическом

понимании они не способны. Но применять усвоенные при жизни приемы обольщения, подавления воли и что еще там используют умные люди, когда хотят одурачить балбесов вроде меня – запросто. К тому же Иллайуни сказал, что сновидцы обычно гораздо легче, чем бодрствующие поддаются чужому влиянию. На этом у меня все, дальше думай сам. Хотя чего там особенно думать.

– Ты все-таки пока погоди сходить с ума, – сказал Джуффин. – Как по мне, в твоей версии не все концы с концами сходятся. Грешные магистры, как же это все интересно!.. Знаешь что? «Думай сам» – хорошее предложение. Я его принимаю. При условии, что пока я буду думать, ты не натворишь бед.

– Вообще пальцем не пошевелю, – пообещал я.

– Звучит обнадеживающе. И языком, пожалуйста, тоже не шевели. Не на эту тему. И упаси тебя Темные Магистры, не с Клари Ваджурой. Лучше вообще ни с кем. Пусть теперь это дело будет моей заботой. Как минимум, до утра выброси его из головы. Совсем. Договорились?

– Баба с возу – кобыле легче, – усмехнулся я.

* * *

Насчет «легче» я, конечно, соврал. Ни черта мне легче не стало, хотя был уверен, что стоит поговорить с Джуффином и жизнь моя сразу наладится, как это обычно случалось до сих пор. Но вышло скорее наоборот: версия, которая совсем мне не нравилась, после обсуждения с шефом стала казаться гораздо более логичной, чем до того. Какие там у него концы не сходятся, загадка. Скорее всего, просто сказал это мне в утешение, чтобы не дергался и крепче спал. И был в форме завтра, когда понадобится для... для чего-нибудь.

Так или иначе, я получил передышку. И отправился домой, разнообразия ради пешком. Хорошо жить в городе, который любишь всем сердцем. Что бы ни случилось, необходимый прожиточный минимум радости всегда при тебе. Воздух Ехо лечит не от всех, но от многих печалей, особенно если принимать его после заката, одновременно массируя ступни булыжниками мостовых.

По дороге я завернул в лавку и купил бутылку осского аша, рассудив, что это мой единственный шанс осуществить мечту, еще недавно казавшуюся несбыточной. Джуффин человеческим голосом попросил меня не шевелить до утра ни пальцем, ни языком, а значит, эффективно вывести

язык и пальцы из строя – моя обязанность. Можно сказать, профессиональный долг.

В гостиной Мохнатого Дома было непривычно пусто: ни гостей, ни Базилио с кошками, ни даже вечно ошивающихся тут собак. И стол девственно чист. Как будто не поздний вечер на дворе, а какое-нибудь дурацкое раннее утро. Чем, кроме всего, плохи все эти убийства, покушения и расследования – ломают устоявшийся режим дня.

Я подумал, что, сидя в одиночестве за этим огромным столом, да еще и с бутылкой, я буду являть собой совершенно душераздирающее зрелище. Если кто-то случайно увидит, до конца года потом не прекратит рыдать от сострадания. Ну и вообще, надираться до потери сознания следует в башне. Для чего еще человеку кабинет?

За годы жизни в Ехо я обзавелся острым, по моим собственным меркам, ночным зрением, но по сравнению с местными уроженцами, которым фонари и лампы нужны исключительно для красоты, поднятия настроения и привлечения внимания к заведениям, работающим по ночам, я все еще подслеповат: даже читать в темноте толком не могу, особенно самопишущие таблички. Поэтому в моем кабинете с недавних пор всегда горит звезда. Та самая, которая ослепительный белый свет, мечта всякой навек разлученной с телом души. Только моя звезда совсем маленькая, можно сказать, искра Марьеза. Такой белый светлячок под потолком.

Я бы сам, пожалуй, еще долго не собрался купить новомодный светильник; времена, когда я как одержимый мотался по лавкам, давным-давно прошли. К счастью, сейчас этот приятный период жизни наступил у Базилио. Времени на опустошение домашней казны у нее, по идее, мало, но в коротких перерывах между занятиями математикой и ежедневными встречами с примерно полутора миллионами ближайших друзей она успевает скупить целые горы всякого барахла; впрочем, по большей части, вполне полезного в хозяйстве. Взять хотя бы эту кабинетную белую микрозвезду.

Когда я переступил порог кабинета, моя Звезда Марьеза переживала свой звездный (надо думать, тоже Марьеза) час. Не каждому светильнику выпадает шанс так удачно подсветить кружащее под потолком привидение, что даже я, уж насколько привычен к этой публике, а все равно вздрогнул. И невольно попятился назад.

– Извините, пожалуйста, – поспешно сказала огромная сияющая тень. – Я совсем не хотела вас пугать!

– А вы и не напугали, – ответил я. – В смысле напугали не вы, а сам эффект неожиданности. Застал бы я сейчас на своем диване кого-то живого, вообще до потолка подскочил бы. А вас я как раз очень даже рассчитывал в ближайшее время встретить где-нибудь в доме. Увидел, как подозрительно быстро успокоилась Базилио, вспомнил, что призраки обычно проявляются через несколько часов после смерти, и сделал соответствующий вывод. Рад, что оказался прав. Очень вчера горевал, обнаружив вас мертвой, причем больше всего из-за вашей незаконченной работы. Думал: «Это нечестно, нельзя так невовремя умирать!»

– В самый последний момент своей жизни я подумала то же самое, слово в слово, – призналась леди Тайяра Ката. – Видимо, это и оказало влияние на мою дальнейшую участь. Никогда не планировала становиться призраком: мне чуть ли не с детства внушали, что это недостойный путь. А в Орденах над призраками насмехались как над потерпевшими неудачу не только в жизни, но и в смерти – ох уж этот мне Орденский снобизм! На самом деле, огромная глупость, как я теперь понимаю. Прекрасное состояние: голова мыслит ясно и четко, не хуже, чем при жизни. И почти ничего не отвлекает от работы. По крайней мере, можно не думать о том, как заработать денег. И влюбиться никакого риска. И есть не нужно, и одеваться, и, слушайте, даже спать! Это вообще роскошь – столько времени, и все твое! Даже на развлечения не жалко его тратить. Вот, сами видите, шатаюсь среди ночи по всему дому. Базилио спит, а продолжать работу без ее помощи сложно: именно сейчас надо кое-что записать. И я решила осмотреть Мохнатый дом, пока все спят. Для меня он все-таки в первую очередь бывшая Университетская библиотека, когда-то я проводила здесь много времени, и теперь интересно взглянуть как все изменилось... Вы меня простите, пожалуйста, за непрошеное вторжение. Я вовсе не придерживаюсь суеверного убеждения, будто призрак должен поселиться там, где его настигла смерть, просто не хочу сейчас возвращаться в свою квартиру. Там, наверное, уже толкуются наследники, роются в сундуках, ищут фамильные драгоценности, давным-давно распроданные за полцены на рынках Чангайи и Капутты. Глядя на них, чего доброго, поверю, будто действительно умерла.

– Это я могу понять.

– И отдельно извините за то, что я попросила Базилио держать мое присутствие в секрете, пока не улучу удобного момента лично с вами встретиться и все обсудить. Но знаете, честно говоря, я почти не сомневалась, что вы скорее обрадуетесь, чем огорчитесь и разрешите мне на какое-то время у вас задержаться. Если уж вы даже чудовище, которым

сначала была Базилио, приютили без возражений...

– Вы меня раскусили, – вздохнул я. – Всегда мечтал о большой дружной семье, которая по вечерам собирается за одним столом: призраки, демоны, кошки, собаки, монстры, чудовища, главное, никаких людей, от них сплошное беспокойство... Только у меня одно обязательное условие: не заставляйте Базилио работать без перерыва. Вернее, не потакайте ее желанию круглосуточно вам помогать. Она у нас барышня увлекающаяся, но спать ей все-таки надо. И с друзьями встречаться. И покупать наряды, и гулять по городу. А иногда даже бессмысленно смотреть в одну точку, задумавшись о чем-то своем. В общем, просто жить.

– Никакой круглосуточной работы, ни в коем случае! – улыбнулась леди Тайяра. – Базилио, как я погляжу, повезло с опекуном. Обычно старшие говорят молодым: «Сиди, учись, развлекаться будешь потом». Интересно, «потом» – это когда именно? Призраком после смерти? Так не все ими становятся. Я сама довольно поздно поняла, что многое упускаю, зарывшись в учебу. Тогда усилием воли заставила себя оторваться от книг и принялась наверстывать упущенное. Это оказалось интересно и поучительно. Не могу сказать, что добилась большого успеха в искусстве «просто жить», но кое-что у меня все-таки получилось. Даже, представьте себе, замужем побывала. Вроде бы даже вполне счастливо. Вспомнить бы еще, как звали этого рыжебородого красавчика и сколько у нас родилось детей. Давно все это было.

Я сперва обалдел: ну надо же! Имя мужа еще ладно бы, но забыть, сколько у тебя детей – такого как-то не ждешь даже от самого рассеянного профессора, особенно при условии, что он самолично их родил. Но потом подумал: «Ты проживи лет восемьсот для начала, посмотри, как много сможешь вспомнить о своей нынешней жизни, а потом рассуждай».

Надо сказать, идея, что сколько-то лет спустя я даже не вспомню сегодняшний день, подействовала на меня неожиданно утешительно. Что бы ни случилось завтра, обязательно наступит время, когда я об этом забуду. Господи, да чего еще желать.

– Слушайте, – внезапно осенило меня, – а вы случайно не знаете, кто вас убил? Джуффин говорил, для опытного колдуна не проблема узнать имя своего убийцы. Что-то такое про невидимую нить, протянутую между ними...

– Понимаю, о чем вы, – перебила меня леди Тайяра. – Это правда – в том смысле, что я легко могла бы узнать, кто на меня покушался, если бы осталась жива. Но в моем нынешнем состоянии старые привычные приемы не работают. Мыслить получается ясно, а колдовать – нет. Для

использования силы Сердца Мира необходимо тело, которого больше нет. И, разумеется, никаких «невидимых нитей», такого рода связи с Миром для меня оборвались навсегда. Надеюсь, есть какой-то особый способ использования магии для призраков; ладно, разберусь.

– По крайней мере, вы наверняка можете соблюдать определенный ритм речи, как делали при жизни, – предположил я.

– Хвала Магистрам, это так, – подтвердила она. – А то даже не знаю, как бы я продолжила свою работу.

– Тогда, возможно, стоит попробовать в этом направлении? Если уж вы при помощи ритма делаете дураков умнее, наверняка можно договориться с остальным Миром. С Миром, по идее, даже проще, он-то у нас точно не дурак.

– Ну так да! – воскликнула леди Тайяра, хлопнув себя прозрачной рукой по туманному лбу. – Конечно, вы правы! Я же сама когда-то высказала гипотезу, что возможен принципиально новый вид магии, основанной на постоянном диалоге с Миром; если сумел объяснить Миру, чего добиваешься и убедить его, что задуманное тобой действие необходимо, все остальное Мир сделает сам. Но дальше теории дело не пошло: мне хватало других интересных задач. Да и большой нужды в новом способе колдовать не было, я и традиционным неплохо обходилась. А теперь самое время попробовать: ничего, кроме умения договариваться, у меня не осталось. Но оно точно при мне. И времени на работу – целая вечность!

От избытка чувств моя гостя утратила форму и заполнила своим туманным мерцанием весь кабинет. Это с призраками то и дело случается и, надо сказать, выглядит очень красиво. Удивительно, что до сих пор никому не пришло в голову использовать взволнованных призраков для украшения помещений. Натурально революционный прорыв в дизайне интерьеров, жаль, мне некогда этим заниматься. Хоть профессию меняй.

Леди Тайяра тем временем кое-как собралась – у призраков это происходит в буквальном смысле – зависла над моим диваном и резюмировала:

– Как же мне повезло! Все-таки умереть полной сил и идей – большая удача. Смерть, оказывается, открывает перед ученым совершенно новые горизонты. Досадно было бы их проморгать.

Видывал я на своем веку оптимистов. И даже втайне считал себя одним из них. Но леди Тайяре мы все в подметки не годимся, факт.

Она не уgomонилась, пока не разбила мою любимую кружку –

естественно, силой мысли, вернее, удачно подобранным ритмом речи, способствующим разрушению. Что именно говорить, оказалось неважно; по крайней мере, пока леди Тайяра твердила: «Разбейся, расколись, тресни, исчезни, умри», – ничего не получалось. Зато когда она не то отчаявшись добиться успеха, не то просто смеху ради принялась декламировать невинные детские стихи, дело внезапно пошло на лад.

До сих пор считалось аксиомой, что призраки не могут воздействовать на материальные предметы – не то что колдовством, а даже в руки взять. Рассказывают, правда, что в городе Гажине живет один призрак, обладающий удивительной для их брата способностью поглощать человеческую еду^[32], чему и посвящает большую часть своего времени. Но этот случай считается исключительным, чуть ли не единственным в истории магии, так уж этому обжоре повезло.

Чтобы заставить осколки снова собраться в целую, неповрежденную чашку, у леди Тайяры ушло гораздо больше времени, почти полтора часа. Но даже для меня они пролетели незаметно. Во-первых, еще никогда у меня на глазах не возникал совершенно новый вид магии, а сейчас происходило именно это. Во-вторых, я, конечно, всем сердцем ей сопереживал. Ну и в-третьих, я сам не особо азартен, зато чужим азартом заражаюсь буквально с полпинка.

В итоге я так устал от всех этих мистических переживаний, что уснул, где сидел, даже толком не извинившись перед леди Тайярой. С другой стороны, чего тут извиняться. Если уж завелась в нашем доме надолго, пусть сразу привыкает к ужасам совместного существования с человеком, способным вероломно заснуть на самом интересном месте разговора. И вообще в любой момент.

Я проснулся в предрассветных сумерках, почуяв постороннее присутствие на крыше, в точности, как два дня назад. Открыл глаза, огляделся. Призрака леди Тайяры рядом не обнаружил; впрочем, я был совершенно уверен, что в огромном Мохнатом доме она найдет, куда податься и чем себя занять. А если перепугает кого-нибудь до полусмерти, сами виноваты, нечего так рано вставать.

Что касается постороннего на крыше, я не сомневался, что это снова Клари Ваджура. Пришел любоваться рассветом, на что имел полное право, я сам ему разрешил. Я, честно говоря, был бы рад к нему присоединиться, но сейчас этого делать явно не стоило. Язык за зубами я как-нибудь удержу, а вот с выражением лица у меня обычно выходит гораздо хуже. И куда, скажите на милость я дену свой дурацкий сострадательный взгляд? Только хороший сон человеку раньше времени испорчу. Зачем?

Другой вопрос, конечно, что мне теперь делать с собой.

Я посмотрел на бутылку осского аша, так и оставшуюся неоткупоренной. Твердо пообещать себе напиться, а потом забыть и не сделать – это, конечно, могло случиться только со мной. Впрочем, еще не поздно. Тем более, другого способа по-быстрому снова уснуть я, пожалуй, не изобрету. Все эти многочисленные местные магические колыбельные Моффаруна и кого там еще я до сих пор не разучил, даже не брался, просто не видел в этом смысла. Обычно я и без всякой магии сплю гораздо больше, чем хотелось бы. Иногда на ходу. А для таких исключительных случаев как сегодняшний есть осский аш.

Я ласково погладил бутылку, вздохнул: прости, не судьба, – отвернулся, взял с полки другую, поменьше, с бодрящим бальзамом Кахара и сделал щедрый глоток. А потом послал зов своему другу Шурфу Лонли-Локли. Что в такое время суток, конечно, приравнивается к покушению на убийство. Но ничего, он как раз задолжал мне одну жизнь.

«Прости, что разбудил, мне очень надо...» – начал было я, но сэр Шурф ответил: «Я не сплю. Кстати, у тебя удивительный дар заставить меня на дне моря, сразу после того, как я улягусь поудобней. Это происходит уже далеко не в первый раз. Что у тебя случилось?»

«Лично у меня, считай, ничего. А вообще в Мире – много всякого разного. Потом расскажу, оно не то чтобы срочно. А вот что действительно срочно: в каком-то тайном отделе вашей Орденской библиотеки есть трактат легендарной чирухтской ведьмы Тейти Макабур Второй Толстой; названия не знаю, но надеюсь, леди не несколько сотен их написала. Особая примета: это очень древняя рукописная копия, заверенная авторской рукой. Мне надо его почитать. Эй, ты там не утонул с перепугу? Я не сошел с ума. Просто не спится, а интересные книжки закончились... Ладно, ладно, вру. Мне для дела. Можно сказать, по работе. Давай, воскресай. И выныривай. Отведи меня в этот ваш книжный ад. В смысле в интеллектуальный рай».

* * *

– По-моему, я перед тобой здорово провинился, – сказал Мелифаро.

Я хоть и сидел в этот момент на стуле, а все равно так и сел. Дополнительно.

– Слишком часто дразнил тебя «Ночным Кошмаром», – объяснил он. – И вот, напророчил. Выглядишь ты теперь натурально как ночной кошмар.

Ну хвала Магистрам, все-таки издевается. А я уже испугался, что давешнее смертное проклятие, хоть и было уничтожено Джуффином, успело дать осложнения, и у бедняги отросла совесть. С такой заразой в организме мало кто долго проживет, а насчет «счастливого» можно вообще забыть.

– Ничего страшного, это просто последствия разгульной жизни, – объяснил я. – Вскочил еще до рассвета, сразу отправился в библиотеку и читал, не отрываясь, примерно до полудня. Очень, понимаешь, книга увлекательная попалась, не мог остановиться. Наверное, зря. Но я никогда не знал удержу в наслаждениях.

– Не смешно, – фыркнул Мелифаро.

– Естественно, не смешно. Зато чистая правда. Извини, если шокировал тебя этим признанием, но ты сам виноват. Не следует приставать к старым опытным магам с критическими замечаниями по поводу их безупречной, в сущности, внешности, тогда не узнаешь никаких душераздирающих тайн. И будешь спать спокойно.

Мелифаро укоризненно покачал головой.

– «Старый и опытный» – это, конечно, сильно. Без комментариев. Нет у меня настроения с тобой пререкаться, я сегодня с утра доволен, как...

«Слон после стоведерной клизмы», – мысленно продолжил я, но осмотрительно промолчал. Не было у меня сейчас энтузиазма объяснять, кто такой слон. В Море они вроде не водятся, по крайней мере, ни разу о них не слышал. И в энциклопедии сэра Манги, Мелифарова батюшки, ни о чем подобном упоминаний нет. Впрочем, ладно бы слон, но ведь потом еще небось выяснится, что и клизмы у нас не ставят. Я до смешного несведущ в знахарском деле, хотя мог бы давным-давно поднабраться полезных знаний, благо есть кого расспросить.

– Ты представляешь, – продолжал тем временем Мелифаро, – ярмарка будет!

– Какая, к Темным магистрам ярмарка? Лично я после Нумбанской до сих пор в себя не пришел.

– Осенняя ярмарка удивительных умений. Помнишь, я говорил, что ее отменяют из-за смерти леди Лайори Макарайнис? Так вот, оказывается, не отменяют: ребята где-то раздобыли денег и уже арендовали Площадь Побед Гурига Седьмого, как и собирались, я буквально только что от Кофы узнал.

Я наконец сообразил, о чем речь. Надо же, совершенно вылетело из головы.

– Тебе эта ярмарка до одного места, – сказал Мелифаро. – А я очень рад. И почему-то чувствую себя победителем. Хотя пальцем о палец не

ударил, чтобы им помочь. Только очень хотел, чтобы она была.

– Ну так, значит, качественно хотел, – заметил я. – Помнишь, тебе Джуффин тогда на совещании сказал: «Хотеть – и есть делать». И у тебя получилось. Иногда так бывает, нечему особо удивляться. Наше счастье, что ярмарку ты захотел сравнительно небольшую и, если я правильно понял, не сельскохозяйственную. Дешево отделались, можно сказать. Спасибо тебе.

Мелифаро укоризненно покачал головой. Но при этом торжествующе улыбнулся. Поверил. Моя взяла.

– Все равно в следующий раз надо идти и делать, – наконец сказал он. – Руками, ногами, деньгами, головой, чем получится, а не просто сидеть и хотеть. Вот кто в этом смысле молодец, так это моя жена.

– Что она натворила?

– Пока толком ничего. Но собирается. Помнишь, я говорил про театральные дни в саду Тимбути Марияна? Затея, на мой вкус, совершенно бессмысленная: что может быть скучней старинной драмы? Разве только опера, да и то не вся. И при этом дело хлопотное: чтобы собрать на одной сцене нескольких мало-мальски интересных актеров, надо полгода по Соединенному Королевству мотаться, посещая чуть ли не все трактиры подряд, потому что никогда заранее не знаешь, где найдешь кого-нибудь стоящего. Но завсегдатаи театральных дней решили, что представление должно продолжаться; к тому же, секретарь покойного сэра Тимбути отдал им записи, сделанные в последних поездках, с именами и портретами актеров – есть с чего начинать. Кенлех у них, к моему ужасу, верховодит. Теперь носится по городу, ищет подходящее помещение с садовой сценой, чтобы соблюсти сложившуюся традицию. И это, предвижу, только начало, дальше будет хуже. Но я заранее смирился – а куда деваться? Зато она больше не ревет.

– «Не ревет» – это круто, – тоном знатока подтвердил я. – С чем угодно на таких условиях можно смириться. А помещение уже нашлось?

– Исходя из того, что Кен до сих пор не похвасталась, какая она молодец и как лихо все провернула, не нашлось.

– Пусть попробует бывшую резиденцию Ордена Потаенной травы. Концерты там часто проводят, значит, и для спектаклей место вполне подойдет.

– Кенлех говорит, в трактире ни в коем случае нельзя. В этом, как я понял, основной смысл их театральных дней: чтобы все внимательно смотрели на сцену и умирали от скуки. В смысле глубоко сопереживали. В общем, главное, чтобы никто не жрал.

– Ну так в саду резиденции еду отродясь не подавали, – напомнил я. – Только напитки, причем в дни концертов – до и после выступления. Совершенно точно не во время, верь мне, я часто туда хожу.

– Надеюсь, не на концерты?

– Зря надеешься. Какая-то сволочь наложила на меня страшное проклятие, и я начал превращаться в культурного человека; говорят, изменения необратимы, меня уже не спасти. В общем, скажи Кенлех, что место может оказаться вполне подходящим, а дальше пусть сама разбирается. Тебе это, как я понимаю, сейчас только на руку...

– Что – на руку? – удивился Мелифаро.

– Что жены теперь не будет дома даже чаще, чем тебя самого.

– С какой стати мне это должно быть на руку? – нахмурился он. – Так, стоп, погоди. Если ты видел меня в «Синем свете», это были просто мои однокурсницы. Охота же тебе шпионить...

– Ого! – обрадовался я. – А что ты делал с этими леди в «Синем свете»? Я, к сожалению, не шпионил. И начинаю понимать, что многое упустил.

– Да ничего ты не упустил. Я зашел расспросить трактирщика про одного из его постоянных клиентов, а девчонки – выпить перед ужином, они там по соседству живут. Обрадовались, обнялись, вот и вся история. Единственный хотя бы формально компрометирующий меня эпизод с начала года. Можно сказать, скучно живу.

– Бывшие однокурсницы хорошее дело, – усмехнулся я. – Могут надолго спасти тебя от скуки.

– Что ты имеешь в виду? – подчеркнуто сухо спросил Мелифаро.

Похоже, я перегнул палку. Он уже начинал сердиться вполне всерьез.

– Не что, а кого. Твою бывшую однокурсницу, которая стала наследницей магистра Уриманди Файи. Готов спорить, она охотно продаст тебе отцовские чертежи. Или так отдаст, не знаю, в каких вы отношениях и нужны ли ей деньги...

– Чертежи? – растерянно повторил Мелифаро.

– Извини, что лезу не в свое дело, – сказал я. – Просто привык мерить всех по себе. А если бы у меня была такая светлая голова, как у тебя, и при этом я бы уродился придурком, которому без летающих досок жизнь не мила, и вдруг узнал бы, что кто-то уже практически воплотил мою мечту, совсем чуть-чуть доделать не успел, я бы обязательно попробовал закончить его работу. Я бы и так попытался, хотя заранее страшно подумать, что однажды кто-нибудь предложит мне на этом кошмарище полетать. Но у меня настолько не инженерный ум, насколько это вообще

возможно. Ручку к вилке приделать не возьмусь.

– Но...

– А ты прожужжал мне все уши рассказами о своих интеллектуальных победах над разной домашней утварью, которую так заколдовал, что я уже в гости к тебе идти боюсь. Тарелки, в любой момент готовые помыть себя сами, нагоняют на меня мистический ужас. Поэтому и говорю: тебе на руку, что жена собирается чуть ли не круглосуточно шлаться где попало. Но если я ошибаюсь, извини и забудь.

Мелифаро удивленно покачал головой. Но спорить не стал. И улыбнулся такой нехорошей в смысле, наоборот, многообещающей злодейской улыбкой, что я понял: стрела попала в цель.

Ну хоть так. Когда не можешь изменить невыносимые обстоятельства, делай хоть что-нибудь. Все равно что, лишь бы ощущать, что Мир по-прежнему повинуется твоей воле, пусть в самых незначительных мелочах. Это ощущение дает силу, а она пригодится – кому угодно, когда угодно, но особенно мне, вот прямо сейчас.

– А я... – начал было я, намереваясь дополнительно вдохновить Мелифаро обещанием свалиться у него на глазах с этой грешной летающей доски и погибнуть во цвете лет ему на радость. Но осекся, потому что в этот момент голос сэра Джуффина Халли изволил наконец раздаться в моей голове. И сказал: «Заходи».

– Что – ты? – нетерпеливо спросил Мелифаро.

– А я пошел к шефу. Он, в отличие от тебя, верит, что я старый опытный колдун. И в связи с этим желает со мной расправиться. Такая уж у него осталась дурная привычка с эпохи Орденгов.

– Судя по выражению твоего лица, он тебя как минимум четвертует, – растерянно согласился Мелифаро.

– Не все так страшно, – утешил его я. – Возможно, просто разорвет пополам. В любых обстоятельствах следует сохранять оптимизм.

Но говорить, конечно, проще, чем делать. С оптимизмом у меня сегодня было не очень. Если называть вещи своими именами, совсем кранты. По крайней мере, увидев, что в кабинете кроме самого Джуффина сидит Клари Ваджура, обманчиво юный, по-светски приветливый, с бездонными, почерневшими от отчаяния глазами, я сказал себе: «Так и знал».

Чего тут было не знать.

– Хорошего дня, сэр Макс, – сказал мне Клари Ваджура. И улыбнулся этой своей невыносимой ослепительной улыбкой.

А Джуффин вежливо попросил:
– Дверь закрой за собой, пожалуйста.

А бушивух Куруш не спросил, принес ли я ему пирожное. Впервые за Магистры знают сколько времени. Лишь приветственно взмахнул крылом, отвернулся и снова нахохлился. Хотя вроде бы чего только за долгие годы в этом кабинете не наслушался. Обычно его нашими человеческими драмами с толку не собьешь.

– Магистр Клари любезно разрешил мне посвятить тебя в подробности его дела, – церемонно объявил Джуффин. – Поскольку именно ты помог нам разобраться в происходящем. К тому же, в ближайшее время нам понадобится твоя помощь. Сэр Клари изъявил желание, по возможности, умереть именно от твоей руки.

Еще недавно на этом месте я взревел бы: «Чего?!» и пулей вылетел бы из кабинета, вынудив всех заинтересованных лиц играть в увлекательную игру: «Догони сэра Макса столько раз, сколько понадобится и убеди его выслушать тебя до конца». Но долгая счастливая жизнь в столице Соединенного Королевства, щедро сдобренная практически ежедневными экзистенциальными катастрофами, сделала из меня скучного парня, способного молча кивнуть в ответ на это дикое заявление и всем своим видом выразить готовность слушать дальше.

– Я хочу, чтобы вы знали: я не держу на вас зла. Напротив, даже рад, что вам удалось поспособствовать раскрытию дела, в котором я являюсь не столько виновником, сколько орудием преступления, – сказал мне Клари Ваджура. – Лично для меня это довольно невыгодно, поскольку вынуждает преждевременно прервать сновидение о возвращении в Ехо, которым я еще не успел насладиться сполна. Однако остановить череду бессмысленных несправедливых убийств гораздо важнее, чем продлить мое удовольствие, которое, впрочем, уже все равно безнадежно отравлено. Глупо было бы продолжать им дорожить.

Если этот тип поставил перед собой задачу преждевременно прервать мое пребывание вне стен Приюта Безумных, он был на верном пути.

Но я все-таки спросил:

– А почему вы оба уверены?..

Джуффин не дал мне договорить.

– Мы не просто уверены, мы точно знаем. Я помог магистру Клари вспомнить, что на самом деле случилось с ним в Харумбе. Некоторые подробности, которые он с облегчением забыл, проснувшись. На самом деле его попросили – можно сказать и так – забыть вообще все. Но к тому времени у Магистра Клари уже было тренированное сознание, приученное

крепко держаться за любые воспоминания.

– Потому что, кроме них, у меня уже давно ничего нет, – с обезоруживающей улыбкой добавил Клари Ваджура. – В этом смысле я выгодно отличаюсь от подавляющего большинства сновидцев.

Его тон искушенного светского льва, привыкшего рассуждать о жизненно важных вещах с демонстративной снисходительностью баловня судьбы, совершенно не вязался с мальчишеской внешностью. Впрочем, с нею вообще ничего не вязалось, начиная с его секретарской должности и заканчивая всем этим ужасом, который с Клари случился. И продолжал слушаться вот прямо сейчас.

– Но как? – спросил я. – Когда вы это делаете? Неужели прямо во сне? Мне говорили, что сновидцы не могут всерьез навредить бодрствующим...

– Из этого правила есть исключения, – заметил Клари Ваджура. – Всего семь или восемь – один случай до сих пор считается спорным – за всю историю Соединенного Королевства. Учтите на будущее: прецеденты были, а значит, такую возможность следует всегда держать в уме.

– И вы тоже?..

– Нет. Судя по всему, я просто время от времени просыпаюсь. Иногда в моем текущем сновидении случаются своего рода провалы. Точнее, короткие периоды помутнения сознания, что-то вроде обмороков. Происходят они довольно редко и всегда в отсутствии посторонних, поэтому особого вреда я в них не видел и исправить положение не пытался. Да если бы и пытался, что толку? Даже не представляю, с чего следует начинать. Со стороны это, вероятно, выглядит как непродолжительное исчезновение, но, поскольку свидетелей ни разу не было, трудно утверждать наверняка. Я с самого начала предполагал, что в эти моменты я просыпаюсь в пещере – там, где лежит мое тело. Предупреждая закономерный вопрос: нет, проснуться там нарочно, усилием воли я не могу. Только что по просьбе сэра Халли пытался – безрезультатно. Возможно, потому что на самом деле очень этого не хочу. Впрочем, я и прежде никогда не просыпался по собственному решению, это происходило само собой. С той разницей, что тогда я бодрствовал сравнительно подолгу и далеко не всегда мог вернуться к прерванному сновидению, даже если хотел. Обычно начиналось какое-нибудь новое, с нуля. А теперь я возвращаюсь сюда практически сразу. И не помню, что было во время пробуждения. Вообще ничего.

– Такая забывчивость для вас нормальна? – спросил я.

– Совершенно не нормальна. Раньше так не было. Я никогда не забывал, что со мной происходило во время бодрствования, хотя там всех

событий – темнота, иногда луч света от лампы, боль, облегчение от лекарства, озноб, тепло, привычный бессильный гнев или радость в предвкушении скорого сна. Тем не менее, прежде эти скудные крохи оставались со мной. А теперь – нет.

Он помолчал, собираясь с мыслями. Наконец, добавил все с той же очаровательной светской небрежностью:

– С другой стороны, неудивительно, что я не заподозрил неладного. Я не настолько умелый сновидец, как можно подумать, глядя на меня сейчас. Мой нынешний успех, вероятно, объясняется силой желания и своеобразным везением; во всяком случае, для меня он стал приятной неожиданностью, я сам толком не понимаю, как это мне удалось. Не смотрите так недоверчиво, сэр Макс. Я и всегда-то был несколько более честен, чем принято между людьми, а теперь даже практического смысла обманывать не осталось: я умираю. То есть, умираю я уже без малого девяносто лет, но сейчас гораздо ближе к смерти, чем был все эти годы. Я знаю, что говорю. Товуайра – юный колдун, который присматривает за моим телом – еще весной был совершенно уверен, что я не доживу до осени, и заранее ликовал, предвкушая нашу с ним скорую свободу. Мою – от страданий, а его – от меня.

– Он вам сказал?

– Ну что вы. Он за все время слова при мне не произнес. Но я умею читать мысли прямых простодушных людей. К сожалению, с хитрыми этот номер не проходит, а то не сидел бы я сейчас тут с вами. А если и сидел бы, то в каком-нибудь другом качестве. И это был бы весь, настоящий я.

Он умолк. Джуффин закурил трубку. Я только теперь вспомнил, как Клари Ваджура говорил, что ему нравится дым. Ну хвала Магистрам, хоть кто-то из нас проявил гостеприимство.

– Теперь все ясно? – нетерпеливо спросил меня шеф. Но тут же добавил: – Хотя тебе-то было ясно еще вчера.

– Ну да, – обреченно откликнулся я. – Чего тут неясного. Магистр Клари время от времени просыпается, чтобы произнести очередное проклятие Йарра. Поскольку он умирает, заклинания действуют, хотя ему это даром не надо. И список жертв не он составлял. Нуфлин совершил невозможное, дотянулся-таки из Харумбы до всех нас. Поэтому и я на Темной Стороне, и Хонна, способный узнать имя любого, кто на него покушался, видели на месте убийцы не Клари, который был только орудием, а безликого и безымянного мертвеца. Событие в истории магии явно незаурядное. Но аплодировать этому триумфу воли, плавно переходящему в торжество какой-то бессмысленной злобной херни, я все

равно не готов. Извини.

– Ладно, не аплодируй, – великодушно разрешил Джуффин. – Я тоже не стану, хотя сама по себе комбинация мастерская. Нуфлин, не будь дураком, сразу сообразил, какие удивительные возможности сулит ему внезапное появление среди сновидцев умирающего бывшего ученика. И осуществил золотую мечту своей бесславно завершившейся жизни: уговорить кого-нибудь проклясть на смертном одре его врагов и просто неприятных людей. Всех подряд, чем больше, тем лучше. Как говорится, все в суп.

– Но как ему удалось? – спросил я.

Просто от беспомощности. Чтобы не молчать.

– Ответ на этот вопрос вчера дал мне ты сам. Полагаю, Нуфлин просто применил в разговоре древнее искусство убеждения, которым славился еще при жизни.

– Небось какой-то особый ритм речи? – сообразил я, вспомнив все, что слышал от леди Тайяры.

Если уж при помощи особым образом ритмизированной речи беспомощный перед материальным миром призрак может разбить, а потом снова склеить чашку, почему бы обитателю Страны Мертвых не заморозить того, кто увидел его во сне.

– А это ты откуда знаешь? – удивился Джуффин.

– Плохие мальчишки во дворе научили, – невольно улыбнулся я. – Вернее, плохие девчонки, но что это меняет.

– А, леди Тайяра Ката, – понимающе кивнул шеф. – Когда я впервые услышал о Лотерее Смерти, сразу предположил, что ведьмы из Ордена Решеток и Зеркал откуда-то вызнали о старинных угуландских приемах убеждения, бывших в ходу еще до Ульвиара Безликого, и нашли способ соединить их с магией Сердца Мира.

– Только предположил?

– Ну да. Не стал разбираться. Мне за это не заплатили. В смысле в ту пору хватало более важных дел. Честно говоря, обо всех этих древних методах подавления воли собеседника я до сих пор почти ничего не знаю. Могу позволить себе не особо ими интересоваться, благо и так всегда умел договариваться с людьми. К тому же еще в юности, спасибо Махи, освоил несколько надежных способов защиты от всех этих хитрых ораторских приемов. А то бы, конечно, тысячу раз уже влип. Даже до знакомства с серьезными противниками вряд ли дожил бы. Триста лет назад здесь, в Угуланде, со всеми приходилось держаться настороже...

Он осекся, обернулся к нашему гостю, который с непроницаемым

лицом карнавальной маски смотрел в окно:

– Извините. Вам все это неинтересно.

– Напротив, – откликнулся тот. – Я всегда любил разговоры о древних тайнах. Хотя, конечно, предпочел бы присутствовать здесь в качестве равноправного собеседника, а не предмета дискуссии. Но тут ничего не поделаешь, так уж сложилась жизнь. Что касается, вашего вопроса, сэр Макс, боюсь, заморозить меня ритмом речи или дыхания, специальной расстановкой усыпляющих волю слов, да хотя бы и просто взглядом, было очень просто. Магистр Нуфлин Мони Мах имел надо мной огромную власть на протяжении многих лет. Привычку сознания подчиняться воле старшего, к сожалению, одним только гневом не отменишь. Да и связь, существующую между учителем и учеником, он, подозреваю, после моего ухода по всей форме не разорвал; свою часть ритуала я, конечно, провел, а что толку... А проклятие Йарра я разучил по его просьбе еще в конце Смутных Времен. Великий Магистр тогда всех своих приближенных попросил оказать ему такую услугу. Сказал: времена опасные, кого угодно из нас могут убить, и лучшее, что можно сделать, – умирая, утащить с собой одного из злейших врагов Ордена. Или даже не одного, если повезет, и агония будет долгой. Моих соратников эта просьба откровенно напугала. Все шептались: как только мы разучим проклятие, он нас сразу убьет, чтобы принесли пользу. Отказаться прямо никто не решился, но многие притворились, что заклинание оказалось слишком сложным для них. Оно и правда не самое простое, но для мало-мальски опытного мага ничего невозможного там нет. Меня их поведение тогда взбеленило: как можно лгать в настолько важных вопросах? И какой смысл принадлежать к Ордену, если не доверяешь его Великому Магистру? Я даже попытался настоять на их исключении, устроил такую бурю, что Орден потом еще долго трясло, но Нуфлин Мони Мах только посмеялся над моим пылом. Сказал: «Не надо требовать слишком многого от тех, кто гораздо слабее тебя», – и я легко утешился его похвалой. Я, сами видите, был до нелепости пылок и прямодушен; это много хуже, чем просто глуп. С таким складом характера в магии делать нечего. А я долгое время думал – наоборот.

– Совершенно правильно вы думали, – заметил Джуффин. – Именно с таким складом, именно в магии, именно вам – самое место. Просто с учителем не повезло. В Эпоху Орденов такое то и дело случалось. Я бы с радостью прогулялся по Мосту Времени, чтобы не дать вам с Нуфлином встретиться, но, к сожалению... Эй, сэр Макс, не смотри на меня так! Подобные вещи нельзя делать даже для спасения Мира; о чьей-то жизни, включая собственную, речь вообще не идет. До сих пор живы тысячи

человек, которых так или иначе коснулись последствия той состоявшейся встречи. И еще больше тех, кто просто знает, что Клари Ваджура долгие годы был личным секретарем Нуфлина Мони Маха. Думаешь, все готовы внезапно перестать это знать? Мир способен сойти с ума даже от гораздо меньших несоответствий, а жить в обезумевшем Мире то еще удовольствие.

– А с вами и это случилось? – восхищенно спросил Клари Ваджура.

– Хвала Магистрам, нет. Видел один раз краем глаза; тайными знаниями не разбрасываются, но это предпочел бы забыть. Спал бы гораздо спокойней. Впрочем, наш Мир не дурак и просто не даст – ни мне, ни кому-то другому – поставить подобный эксперимент. Думаете, не было желающих изменить ход истории? Еще как были! Все бесследно сгинули по пути, и это лучшее, что могло с ними случиться.

Клари Ваджура не просто слушал, а натурально пожирал каждое слово всем своим существом. Такая алчность всегда была для меня одним из самых восхитительных человеческих свойств и даже предметом зависти. Вряд ли я сам на пороге смерти смог бы столь самозабвенно слушать лекцию об интересных, но больше, увы, не касающихся меня вещах.

Впрочем, черт его знает. Никогда не угадаешь, чего от себя ожидать.

– Поэтому я не смогу теперь, задним числом, изменить к лучшему вашу судьбу, – завершил Джуффин. – Поверьте, мне очень жаль.

– Мне тоже жаль, – откликнулся Клари Ваджура. – С другой стороны, почти пятьсот лет я прожил в полной уверенности, что мне выпала наилучшая судьба из возможных. А злился и горевал меньше сотни. Не так уж плохо, если подвести честный итог.

Похоже, этот ужасный человек решил, что нас пора утешать. И, положив руку на сердце, был прав.

– Нельзя нам его убивать, – сказал я Джуффину. – Это будет означать, что мы проиграли: все вышло, как задумал Нуфлин. Куча народу мертвы, Клари наказан за чужие преступления, мы посрамлены.

– Мы в любом случае уже проиграли, – сухо ответил Джуффин. – Четырнадцать жизней как минимум. Я, как и ты, не хочу это признавать, но в нашем положении нелепо утешаться самообманом. Все, что мы можем сделать, – постараться избежать дальнейших потерь. Или Магистр Клари станет пятнадцатым, и этим дело закончится, или число жертв будет продолжать расти. Причем учти, мы по-прежнему не знаем, кто там еще в списке, можно только угадывать. Магистр Клари не смог вспомнить имен.

Я скрипнул зубами от ярости. Потому что шеф был совершенно прав.

– Спасибо, сэр Макс, – сказал мне Клари Ваджура. – Я уже говорил

вам, что ваше сочувствие приносит ощутимое облегчение? Так оно и есть. Однако не забывайте, что жить мне осталось совсем недолго; какое бы решение вы ни приняли, скоро все так или иначе закончится само. Но я, как и сэр Халли, считаю, что желательно найти и убить мое тело как можно скорей. В противном случае, оно может успеть произнести проклятие Йарра еще несколько раз.

– От вашей воли это совсем не зависит? Даже теперь, когда вы все вспомнили и знаете, как обстоят дела?

– Боюсь, что так. Я, к сожалению, больше не имею власти над своим телом. Никакого намека на контакт сознания с ним. Это моя вина, вернее просто ошибка: когда мне приснилось возвращение в Ехо, я на радостях слишком увлекся и потерял связь со своей подлинной реальностью. Отчасти сознательно: я хотел больше никогда не просыпаться и старался как можно прочней закрепить свое внимание здесь. Но вместо того, чтобы обрести контроль над своим состоянием, утратил его окончательно.

– Помнишь, когда я соблазнял тебя вернуться на службу, рассказывал о сновидцах, которые не могут проснуться и остаются здесь, пока не умрет их оставшееся дома тело? – спросил меня Джуффин. – Я тогда описывал именно этот эффект. Чрезмерная увлеченность реальностью сновидения и возможностями, которые она открывает, обычная опасность для талантливых сновидцев, не обученных специальным приемам контроля над своим сновидением.

Я молча кивнул. У меня в сердце сейчас бушевала такая буря, что я с трудом понимал смысл сказанного. Как разговор соседей за тонкой стеной – по идее, можно напрячься и разобрать каждое слово, но зачем?

– Наибольшая трудность – быстро отыскать мое тело, – сказал Клари Ваджура.

На этом месте мой разум все-таки включился:

– Погодите. А зачем его искать? Вы что, забыли, где лежите?

– А я никогда и не знал. Старый шаман, дед Товуайры, нашел мое тело в предгорьях, чуть ли не в полусотне миль от границы с Пустой Землей Йохлимой – так далеко его отбросили разъяренные ветры. И унес куда-то, спрятал в горной пещере – поди узнай, где именно. Я никогда не спрашивал, как называется это место. В бодрствующем состоянии я не слишком любознателен. И вообще мало на что гожусь.

– Можно отправиться в те места, расспросить людей, наверняка подскажут... – начал было я и осекся под взглядом Джуффина, таким пугающе ласковым, что лучше бы стулом в голову запустил.

– Можно отправиться в убежище магистра Клари Темным Путем, как

ты уже не раз делал, – мягко сказал шеф. – Придется тебе все-таки вспомнить этот прием.

Он не сказал: «Ты в свое время заварил эту кашу, сохранив жизнь Нуфлина вопреки обстоятельствам, здравому смыслу и собственным интересам, тебе и расхлебывать». Готов спорить, он этого даже не подумал. Джуффин Халли не настолько прост, чтобы в любом деле искать главного виновника и перекладывать на него ответственность. Зато судьба настолько проста. Кто начал дело, тому его и завершать, как сумеет. Это было самое первое правило из тех, что мне пришлось здесь усвоить, чуть ли не прежде приветственной формулы «вижу тебя как наяву», которая в связи с массовым нашествием сновидцев в последние годы приобрела отчетливо издевательский смысл.

– Ладно, – кивнул я. – Вспомню. А сейчас прошу меня извинить. Мне необходимо отлучиться. Внезапно. Буквально на четверть часа. А потом сразу займусь этим делом. Не беспокойтесь, магистр Клари, я вас быстро найду. И убью. И буду сожалеть об этом до конца своих дней, как вы того и хотели.

Сказал и ушел от них Темным путем, то есть на самом деле, конечно, просто позорно бежал. Потому что если и существуют специальные магические приемы позволяющие как угодно долго сохранять хотя бы подобие спокойствия, когда тебе хочется даже не рыдать, а рычать и вопить, то я их пока не разучил. Хотя готов согласиться, что при моем складе характера и образе жизни они гораздо нужнее всех остальных.

Впрочем, оказавшись среди песков Красной пустыни Хмиро, которую выбрал как единственное место в Мире, где меня гарантированно никто не найдет, я не рычал, не вопил и даже не плакал. А просто лежал на спине, смотрел в ярко-алое небо и думал, что проиграл эту битву со смертью. Вернее, с одним-единственным мертвецом. Мы все проиграли, а он выиграл, так получилось. Придется теперь с этим жить.

– Да ни хрена тебе не придется! – сердито сказал я вслух.

Поднял себя за шкуру с теплого красного песка, мысленно встряхнул так, что искры в стороны полетели, сказал: «Не ной. Ты знаешь, что делать. Еще утром все решил. Если не выйдет, тогда будешь рыдать, да хоть вешаться, на здоровье, слова поперек не скажу и за веревкой в ближайшую лавку сгоняю. А пока заткнись и не мешай».

Все остальные составляющие моей сложносочиненной личности так обалдели от грубого обращения, что действительно заткнулись, встали по стойке смирно и вежливо осведомились, чем они могут помочь. Даже

насчет перекура никто не пискнул. Вот и молодцы. В смысле я весь, целиком молодец, быстро взял себя в руки. Примерно за три минуты, личный рекорд.

Все-таки не зря я провел утро в библиотеке. А то пришлось бы читать этот грешный старинный трактат прямо сейчас, в спешке перелистывая страницы, продираясь через архаичный язык, тщетно пытаюсь уловить ускользающий смысл. Иногда я бываю на диво предусмотрителен. Примерно пару раз в год. Но этого, как ни странно, хватает.

* * *

Одно из самых неотразимых достоинств сэра Джуффина Халли – он точно знает, когда кого-то из нас следует оставить в покое. И умеет это делать. Не утешать, не учить уму-разуму, не торопить, не спрашивать, нужна ли помощь, а просто выбросить тебя из головы и заняться другими делами. Я так, наверное, никогда не научусь.

Я до сих пор благодарен Джуффину за то, что он тогда не прислал мне зов. Ни через четверть часа, чтобы спросить, собираюсь ли я заняться делом, ни через час, чтобы предложить перестать маяться дурью, ни через полтора – напомнить, что, пока я прохлаждаюсь неведомо где, куча народу находится в смертельной опасности. Это я и без него знал. А он знал, что я знаю. Ну и чего тогда мельтешить.

Чего я по-прежнему не знал – так это как вернуть себе умение приходить Темным Путем не на заранее выбранное место, а к нужному мне человеку. Как избавиться от уверенности, что это невозможно? И куда девать опыт многочисленных неудач, быстро перевесивший воспоминания об успехах?

Джуффин мне в этом деле был не помощник. Все что мог он уже сделал: припер меня к стенке и выразил непоколебимую уверенность, что с остальным я справлюсь сам. Отличный способ, когда имеешь дело со мной, но, увы, сейчас он не сработал.

Первая попытка оказаться рядом с телом спящего Клари Вайдурь привела меня на крышу Мохнатого Дома, где мы с ним встречались, вторая – в его кабинет в Иафахе; к счастью, я там никого не застал и немедленно ретировался. В результате третьей попытки я оказался у высокой городской стены; архитектура походила на классическую чангайскую, и я предпочел быстро оттуда убратся, пока не явились суровые стражи империи и не принялись выяснять, от какого оружия я обычно предпочитаю погибать

после обеда. Позже, внимательно изучив карту, я решил, что это был город Джавура на границе Чангайи и Кангона, по крайней мере, более близких фонетических совпадений не нашлось. В любом случае, пещерой в горах это место явно не являлось, так что и черт бы с ним.

А четвертой попытки я предпринимать не стал. И так ясно, что одного упрямства тут недостаточно. Для начала мне нужна светлая голова. Недоразумение, зачем-то выросшее у меня на плечах, не предлагать.

Обычно за светлой головой можно пойти к сэру Шурфу, он охотно одалживает мне свою. Но только не сейчас. Очень уж убедительно он в свое время объяснил мне, почему именно невозможно прийти Темным Путем к неизвестно где обретающемуся человеку. Было бы странно теперь просить его доказать обратное.

Поэтому я отправился не к Шурфу, а домой. Решительно постучал в дверь кабинета Базилио, сказал: «Привет», – и услышал в ответ жизнерадостный девичий голос:

– Проваливай к Темным Магистрам, Макс, я занята!

– Молодец, – похвалил ее я. – Ты очень быстро учишься, я тобой горжусь. Но сегодня номер не пройдет. Мне нужна помощь леди Тайяры. Срочно. А ее призрак сейчас наверняка у тебя.

Сияющий силуэт появился в коридоре прежде, чем я успел договорить. Потом приоткрылась дверь, и оттуда осторожно высунулась Базилио. Вид она имела до крайности виноватый.

– Я не... – начала было она.

– Ты молодец, все правильно сделала, – поспешно сказал я. – Леди Тайяра попросила тебя хранить ее присутствие в секрете, ты выполнила просьбу. На твоём месте я бы тоже так поступил. Просто я уже в курсе. Так получилось, мы ночью случайно встретились. А она, как я понимаю, забыла тебе об этом рассказать. В общем, не переживай.

И добавил, обращаясь к леди Тайяре:

– Спасибо, что оторвались ради меня от работы. У меня задача из области практической магии. Чтобы найти решение, нужна голова вроде вашей. Беспредельно ясная голова, обученная логическому мышлению.

– Очень интересно! – воскликнула леди Тайяра. – Что за задача? Рассказывайте скорей!

– Сперва зайдите в кабинет, – предложила Базилио. – В коридоре задачи не решают.

Ну да, ну да. А еще в кабинете не спят. И в спальне не едят. И в кухне не читают.

Но я не стал пререкаться. Пропаганда бытовой анархии среди

домочадцев дело хорошее, но не самое срочное. Займусь как-нибудь потом.

– Очень интересно, – повторила леди Тайяра после того, как я закончил объяснять условия задачи.

Теперь ее голос звучал не столько торжествующе, сколько растеряно. Ну или мне просто показалось. В комнате повисла пауза, такая долгая и звонкая, что уши хотелось заткнуть. Теоретически я был к этому готов. И первые две минуты сохранял некоторую видимость спокойствия. Потом, конечно, начал нетерпеливо ерзать и сверлить ее огненным взглядом. Но молча. Нервы нервами, а сбивать мыслителя с толку себе дороже.

Шли годы. В смысле ползли минуты. По ощущениям, миллиард, а на самом деле, наверное, десять. А может, вообще пять.

– Значит, так, – вдруг сказала леди Тайяра. – Я не стала учитывать в своих рассуждениях ваши индивидуальные особенности, о которых в любом случае ничего не знаю. Я искала теоретическое решение, которое подойдет для любого человека, обученного ходить Темным Путем. Нашла.

Обладай она хоть каким-то подобием плотности, я бы уже висел на ее шее, хотя ничего еще толком не было сказано. Просто на радостях, что мне не пришлось услышать: «Решения нет». К счастью, повиснуть на шее призрака невозможно, поэтому леди Тайяре удалось продолжить объяснения без помех.

– То, что добраться Темным Путем до человека, чье местонахождение неизвестно, аксиома. Однако тот факт, что вы это уже неоднократно проделывали, тоже приходится считать аксиомой. Следовательно, искать разгадку надо в формулировке. Для успешного перемещения тела необходимо установить связь с прочной опорой, то есть участком земли; связь между двумя сознаниями способствует только установлению Безмолвного диалога, рождению идеи или пророчества, иногда подчинению воли, не более того. Предполагаю, в тех случаях, когда вам удавалось добиться успеха, вы назначали целью не самого человека, а участок земли рядом с ним. Не «хочу прийти к Икс», а «хочу оказаться на территории рядом с Икс», – где «Икс» имя вашего визави, а вместо слова «территория» желательно подставить уточняющее определение: «остров», «сад», «город», «лес». А в тех случаях, когда подробности неизвестны, хотя бы просто «земля».

– Ну да! – воскликнул я. – Слушайте, именно так я и говорил! «На побережье рядом с Иксом», «в доме, где находится Игрек». А потом меня сбили с толку собственные сомнения и чужие объяснения, и я, сам того не заметив, изменил привычную формулировку... Дырку в небе над моей

головой, как же все оказалось просто – после того, как вы объяснили. Поскольку расцеловать вас технически невозможно, просто знайте, что теперь я ваш вечный должник.

– Сперва версию нужно проверить экспериментально и только потом... – начала было леди Тайяра.

Но что, по ее мнению, следует делать потом, я так и не узнал. Потому что уже торопливо писал в темноте перед закрытыми глазами, большими огненными буквами, как в те дни, когда только учился ходить Темным путем: «Хочу оказаться в пещере рядом с телом человека по имени Клари Ваджура». А дописав, сделал шаг.

* * *

Здесь пахло, как в раю. Ну, то есть я понятия не имею, существует ли рай и пахнет ли там хоть чем-нибудь, но если все-таки существует, то эта смесь ароматов мокрой земли, примятой травы и горького дыма села бы на райские декорации как влитая. Заодно можно сэкономить на других атрибутах вечного блаженства, зачем они нужны. И так уже все хорошо.

– Ты демон смерти?

– Демон жизни, – огрызнулся я.

Не то чтобы я окончательно повредился умом и возомнил себя невесть чем. Просто когда перед тобой внезапно появляется практически километровый... ладно, всего-то трех с половиной метровый великан, о существовании которых ты до сих пор знал сугубо теоретически, и задает крайне неожиданный вопрос, риск спорить с перепугу какую-нибудь феерическую глупость довольно велик.

Впрочем, великана мой ответ совершенно удовлетворил. Словно он с детства ждал твердо ему обещанной встречи с демоном жизни, и все, что теперь оставалось, – внимательно меня разглядывать. С таким характерным выражением юного натуралиста, впервые увидевшего экзотическую зверушку: так вот ты, оказывается, какой.

Боюсь, я здорово подмочил деловую репутацию демонам жизни, если таковые действительно существуют. Вид у меня был тот еще: растрепанный, хмурый, в измятом лоохи, тщательном вывалянном в красном песке, с ошалевшими от избытка переживаний глазами и перекошенным по той же причине ртом. И в довершение всех бед, жалкий тщедушный коротышка. По крайней мере, на фоне моего гигантского визави, атлетически сложенного, рыжеволосого, зеленоглазого и, кажется, очень

юного – хотя кто их знает, этих великанов, может быть, они до самой смерти выглядят почти детьми.

Одет он был так, словно только что вышел из ванной – что-то вроде полотенца на бедрах, и скажите спасибо, на этом все. Тело почти целиком покрывали не то разноцветные татуировки, не то просто рисунки, причудливые, как узоры, возникающие в темноте под закрытыми веками перед сном. С другой стороны, возможно, великаны так и рождаются с пестрой кожей? В «Энциклопедии Мира» об этом ни слова, но сэр Манга живой человек и не мог за несколько лет вызнать о Море и его обитателях абсолютно все. Совершенно не удивлюсь, если на его пути не возникло ни одного голого великана, не всем так везет, как мне.

В общем, если кто-то из нас двоих и был похож на демона, то именно мой новый знакомый. А я мог пройти кастинг разве что на роль начинающего заклинателя, несколько выбитого из колеи собственным профессиональным успехом.

Но великан, как ни странно, остался вполне удовлетворен увиденным. Сказал, подводя итоги осмотра:

– Для демона смерти в тебе и правда слишком много движения и огня. А тишины нет совсем. Не сердись, я ошибся, поскольку ждал, что за моим подопечным вот-вот придет демон смерти, а вместо него почему-то явился ты.

Только тогда до меня окончательно дошло, что все получилось. Я попал, куда хотел: вот пещера, вот юный умпонский шаман, а дивный, с ума сводящий запах – аромат курящихся целебных благовоний, значит, и тело Клари лежит где-то тут, совсем рядом, в дымной темноте. Впору было сперва обрадоваться успеху, потом испугаться предстоящего испытания, обычно со мной именно так и случается, но сейчас я оставался спокоен, как хороший карточный шулер в начале большой игры. Потому что, строго говоря, и был таким шулером. С крапленой колодой за пазухой и дополнительным тузом в рукаве.

Память на имена у меня немногим лучше, чем у леди Тайяры, однако сейчас мне повезло, имя, впервые услышанное пару часов назад, словно бы само прыгнуло на язык, и я сказал:

– Хороший день, Товуайра. Рад с тобой познакомиться. Слышал, ты умелый шаман.

Великан не просто заулыбался, а натурально расцвел. Вероятно, до сих пор ни один демон его еще не хвалил. Даже самозванец вроде меня.

– Дед говорил, что у нашего подопечного, невзирая на его нынешнее жалкое положение, великая судьба, – наконец сказал он. – И обещал, что

однажды эта пещера станет местом удивительных событий. Перед смертью дед сожалел, что уходит, не дождавшись самого интересного, но радовался, что оставил мне хорошее наследство: надежду на приключение, о которых мечтает всякий шаман. Пока дед был рядом, я ему верил. Но, оставшись один, начал сомневаться: время шло, наш подопечный грезил, теряя силу, смерть подбиралась к нему все ближе, какие тут приключения, откуда им взяться, с чего? Я стал думать, что слова деда были просто утешением, призванным скрасить завещанную мне невеселую участь. К счастью, я ошибался. А дед был прав.

Я натурально ссутулился под грузом обрушившейся на меня ответственности. Когда внезапно выясняется, что твое появление должно оказаться достойной наградой за чью-то трудную жизнь, поневоле начинаешь чувствовать себя заурядным ничтожеством. И сразу думаешь: зря я не позвал с собой Джуффина. Он бы сейчас показал, что такое настоящие чудеса! А я – ну что я. Ерунда на постном масле, а не демон. Сам виноват, надо было учиться всякой чепухе, популярной сейчас среди столичных школьников: сыпать горстями разноцветные искры, рождать дыханием недолговечных драконов, выращивать на голове бутафорские огненные рога. Но я, будучи прагматичным лентяем, не желал размениваться на пустяки. Разве что по потолку могу побегать, лицо побыстрому изменить, или испарить над землей на полметра. Но в темной пещере без специальной подсветки эффект от таких трюков нулевой.

К счастью, юный шаман был готов довольствоваться малым. Смотрел на меня с благоговейной заинтересованностью, не сетуя на отсутствие огненных рогов. Наконец спросил:

– Ты дождешься демона смерти и будешь сражаться с ним за этого человека?

Я неопределенно пожал плечами. Потому что и правда собирался сражаться с демоном смерти. Собственно, уже начал. Но не врукопашную и даже не на мечах. На такое представление билетов не продашь.

– А что будет, если ты победишь демона смерти? – взволнованно спросил великан. – Этот человек проживет еще сотню лет? Или больше? Но какой ему толк от твоей победы? Жизнь для него тяжелый труд. Сколько ни уменьшай его боль, полностью она никогда не уходит. И его тело давно уже не пригодно ни для чего, кроме грез. А уж им-то смерть не помеха.

– Что будет, увидишь, – пообещал я. – Не беспокойся, тебе больше не придется здесь оставаться. Ты выполнил данное деду обещание и скоро будешь свободен. А теперь, пожалуйста, слушай, смотри, но не вмешивайся. Что бы ни произошло.

С усилием, преодолевая явственно ощущаемое сопротивление, как будто шел по горло в воде, я сделал несколько шагов, отделявших меня от ложа Клари Ваджуры. К счастью, в пещере было настолько темно и дымно, что даже моими натренированными в последние годы глазами почти ничего не различишь. Только совсем небольшой темный холм под тонким одеялом и серое пятно лица. Все к лучшему, как бы я ни храбрился, а не был готов увидеть, как на самом деле выглядит мой несбывшийся, практически вымышленный друг.

Оказавшись совсем рядом с ним, я содрогнулся от боли, душевной или физической, поди разбери, такой острой, что уже нет разницы. Вот она, обратная сторона способности наслаждаться близостью чужой силы. Рядом с печальной леди Сотофой впору было повеситься, а здесь, возле умирающего Клари Ваджуры, даже вешаться не надо, и так уже практически мертв.

Я инстинктивно отшатнулся, и мне сразу ощутимо полегчало.

– На тебя он тоже так действует? – встрепнулся юный шаман. – Я стараюсь не подходить к нему слишком близко без особой нужды. Раньше было еще ничего, только боль, печаль и ярость, но теперь, где-то с середины весны он до краев переполнился смертью. Смерть выплескивается из него, как вода из бочки после весенних ливней, окажешься рядом, промокнуешь до костей. Несколько раз мне пришлось кормить его добычей, пойманной в мире теней, а для этого человека хочешь, не хочешь, надо обнять. Вот это было по-настоящему тяжело, как будто сам наполовину умер. А под конец кажется – целиком.

– Но ты все равно его кормил?

– Трижды, – кивнул великан. – А куда было деваться. Дед говорил: пока этот человек хотя бы отчасти жив, обязательно надо его кормить на каждой новой луне. Не годится мучить умирающего калеку еще и голодом. Я все сделал, как надо. Но все остальное время ближе, чем на десять шагов к нему не подхожу.

Десять шагов – это он молодец, верно вычислил безопасное расстояние. Но даже в трех шагах от тела Клари Ваджуры оказалось вполне выносимо. Ну и отлично. Значит, не промахнусь.

Что без Смертного Шара на этот раз не обойтись, я понимал заранее. Без моего вмешательства у Клари не было никаких шансов. Но я все равно колебался. Даже сейчас.

Мои Смертные Шары только очень условно можно называть

«смертными», потому что для этого трюка я использую традиционную и вполне общеизвестную технику из области угуландской боевой магии. Если особым образом щелкнуть пальцами левой руки, появляется что-то вроде шаровой молнии. У всех нормальных человеческих колдунов этот светящийся шар – просто эффективное оружие: кого настигнет, убьет, и дело с концом. Однако в моем исполнении Смертный Шар никого не убивает, а лишь поработщает волю того, в кого попал. Настолько качественно поработщает, что жертва по моему приказу может не только выдать все страшные тайны, обняться со злейшим врагом и прирезать родную мать, но и выздороветь от неизлечимой болезни или, скажем, отправиться прямиком в другой мир, не обладая даже намеком на способность странствовать через Хумгат. Знающие люди говорят: это потому, что я очень не люблю убивать, зато сам убиться готов, лишь бы все всегда было по-моему.

Правильно, конечно, говорят.

Всегда иметь под рукой настолько простую возможность заставить всех плясать под свою дудку очень удобно, но я стараюсь использовать Смертные Шары как можно реже. В идеале – вообще о них не вспоминать. Когда для тебя нет ничего важнее, чем свобода воли, совершенно невыносимо слышать покорное: «Я с тобой, хозяин», – и отдавать приказы. А велел жертве навсегда освободиться от моего влияния, я всякий раз заранее содрогаюсь: вдруг именно это у нас не получится, и бедняга останется моим рабом навсегда? Ничего подобного до сих пор, хвала Магистрам, не было, но все когда-нибудь случается в первый раз.

У Клари Ваджуры, понятно, совершенно особый случай. Ясно, что хуже, чем есть, всяко уже не будет. Хуже настолько некуда, что сомневаться даже не смешно, а просто преступно. У него не только большей части тела, но и воли своей не осталось. И времени тоже – совсем. Вообще ничего, кроме последнего счастливого сна о возвращении в Иафах, да и тот безнадежно испорчен нашими следственными действиями. Но я все равно оттягивал, сколько мог. Сидел во тьме, в нескольких шагах от его изголовья, думал: чем, интересно, Клари сейчас занимается? Остался в кабинете Джуффина, мастера светской беседы с приговоренными? Или отправился в Иафах сдавать свои секретарские дела? Или сидит на моей крыше, смотрит на город? Рассвет давно миновал, до заката еще далеко, но зрелище от этого вряд ли намного хуже. Пожалуй, на его месте я бы пошел ждать смерти именно туда.

По идее, я мог бы воспользоваться Безмолвной речью, но поступать так не стал – отчасти потому, что сам на его месте предпочел бы, чтобы

меня разбудили неожиданно, без дополнительных предупреждений. А как больше нравится ему, я выяснить не успел. Поэтому я послал зов Джуффину и спросил: «Магистр Клари сейчас с тобой?»

«Нет, вскоре после твоего ухода попросил его отпустить. Перед этим осведомился, сколько, по моим расчетам, у него времени. Я сказал, навскидку часа три. Получается, угадал. Ты ведь уже добрался до его пещеры? Поэтому спрашиваешь?»

«Все-то ты знаешь».

«Ну что ты. Далеко не все, – откликнулся Джуффин. – В частности понятия не имею, как ты на этот раз собираешься выкручиваться. Лично у меня никаких идей».

«Да ладно тебе – никаких».

«Те, что есть, не в счет. Одна другой хуже. Сомневаюсь, что ты действительно способен поразить беднягу своим Смертным Шаром, приказать прекратить проклятия и уйти восвояси...»

«...страшно довольный, что смог обойтись без убийства и оставил Клари умирать своей смертью? Со всем этим грузом, со сломленной волей, побежденным столько раз, сколько вообще возможно? Красивый ход, кто бы спорил. Но нет. Я, конечно, когда-то сдуру спас Нуфлина Мони Маха. Но вряд ли это накладывает на меня обязательства и дальше во всем ему помогать».

«Именно что-то в таком роде я и рассчитывал услышать. Во всем остальном полагаюсь на твое обычное отсутствие здравого смысла», – сказал шеф. И, не дав мне опомниться, разорвал Безмолвную связь, великодушно избавив от необходимости благодарить за доверие.

Когда ярко-зеленый сияющий шар размером примерно с кулак коснулся головы Клари Ваджуры, тот, по счастью, не стал бормотать: «Я с тобой, хозяин». И вообще не издал ни звука; скорее всего, просто не мог говорить из-за сломанной шеи. Но глаза он открыл – огромные, темные, цвета штормового моря, в точности как у мальчишки, которым старый магистр Клари себе снился. В них было столько боли и отчаяния, что я почувствовал себя палачом и поспешно сказал:

– Я хочу, чтобы вы сейчас перестали умирать. Пусть ваши страдания прекратятся. И еще я хочу, чтобы к вам вернулось сознание, ясное, как в ваши лучшие времена. И память обо всем, что с вами произошло, пусть тоже вернется. Еще я хочу, чтобы моя сила воздействовала только на ваше тело, а ум и воля были полностью свободны от моего влияния. Мне нужны вы сами, настоящий магистр Клари Ваджура, это сейчас важнее всего.

Взгляд умирающего прояснился, стал внимательным. Ресницы дрогнули. Можно было не сомневаться: он меня узнал.

– Примите извинения за то, что я воздействую на вас колдовством, порабощающим волю, – добавил я. – Ненавижу такие штуки, но не сумел придумать иного способа с вами поговорить, а это необходимо. Пожалуйста, не трудитесь произносить звуки, используйте для ответов Безмолвную речь. Я хочу, чтобы у вас были для этого силы.

«Хороший день, сэр Макс, – ответил Клари Ваджура. – Надо же, на вас даже одежда та же, что была в моем сне. Вы пришли меня убить, как обещали. Я вам рад».

И пока я думал, чем ответить на такое сердечное приветствие, он спросил:

«Вы решили отомстить за меня? Уже придумали, как выманить Нуфлина Мони Маха из Харумбы? Или убьете его прямо там? В древней Книге Безумий^[33] сказано, что Вершитель может носить чужую смерть в рукаве, как прирученную птицу. Вас ведь пустят в Харумбу живым, если захотите. Я бы точно пропустил. Вы обаятельный. Невозможно вам отказать».

Я даже не то чтобы удивился. Хотел настоящего магистра Клари Ваджуру – получай. Вот что значит угуландский колдун старой школы. Минуты не прошло, как вынужденно очнулся от лучшего из своих сновидений и фоном сопровождавшей его мучительной агонии, и уже полон отличных жизнеутверждающих идей. Для начала ловим и контрабандой проносим в Харумбу смерть Нуфлина Мони Маха. В моем рукаве. Обаятельно улыбаясь Хранителям. Нет слов.

«У меня самого не вышло, – говорил тем временем Клари Ваджура. – Я, как вы догадываетесь, совсем не случайно увидел сон про Харумбу. И не старый мертвец меня туда заманил. Я сам, по своей воле, ценой огромных усилий отправился прямо к нему в лапы. И был доволен собой, когда до него добрался. Однако, как видите, ничего сделать не смог, только сам угодил в ловушку. Но все равно не жалею, что так поступил. Нет вины на том, у кого не получилось задуманное, но невозможно простить того, кто даже не попытался».

– Мне в голову не приходило, что вы увидели сон про Харумбу нарочно, по собственной воле, – признался я. – Был совершенно уверен, что вас Нуфлин как-то к себе заманил. Он все-таки очень хитрый, и свободного времени у него теперь куча, вообще все время свободное, они же там даже толком не спят. Увидел, что по Харумбе начали шляться сновидцы, изучил вопрос и смекнул, какую пользу можно от этого

получить. Хранители Харумбы клянутся, что их клиенты не могут колдовать и вообще абсолютно беспомощны, но какие из них, к дуримским^[34] лешим, эксперты? Старые кейифайи демонстративно не интересуются нашей магией, а могущественные угуландские колдуны к ним прежде не попадали, Нуфлин Мони Мах за все время первый. Так что опыта у них нет.

«Может, вы и правы, – неожиданно легко согласился Клари. – Заманил, так заманил. Но это совпало с моим желанием. Единственным. Страстным. Все эти годы я жил только надеждой однажды убить Нуфлина Мони Маха. Решил: если у меня не осталось ничего кроме снов, значит буду пытаться убить его во сне, мало ли что говорят – невозможно. Из любого правила случаются исключения, и, может, мне наконец повезет. В конце концов, еще никто никогда не хотел убить так сильно, как я. И справедливость в этом вопросе на моей стороне. Только ради этого я оставался в живых вопреки обстоятельствам и природе. И даже моя немилосердная судьба вдруг сжалилась, прислала помощь, старого колдуна, достаточно искусного, чтобы поддерживать жизнь в моем теле. Но все оказалось зря. К тому времени, как я стал достаточно опытным сновидцем, чтобы приступить к делу, Нуфлин Мони Мах скрылся в Харумбе – от своей смерти и от меня. Я пришел за ним туда, но ничего не смог поделать. Еще и услугу старому мерзавцу поневоле оказал. Так жаль!»

– Мне тоже жаль, – откликнулся я. – Нечестно, что он смог использовать вас в своих интересах. Так не должно быть.

«Но вы в силах это исправить, правда? Вы найдете способ окончательно убить Нуфлина? Сможете за меня отомстить?»

– Вряд ли я стану этим заниматься, – честно сказал я. – Кровавая месть мертвецам плохо вписывается в мой повседневный график. И, боюсь, выходит за пределы моих возможностей. Я таким вещам не учился. И совсем иначе устроен. Просто совсем другого склада человек.

Он так на меня зыркнул, что впору было обеспокоиться, не обучены ли старейшие магистры Ордена Семилистника убивать взглядом. Правильный ответ: нет. По крайней мере, я тогда выжил. А Клари Ваджура отвел глаза и спросил:

«Тогда зачем было затевать этот разговор? Зачем дразнить обреченного надеждой? Убейте меня, как обещали. Бодрствовать в ясном уме, не страдая от боли, в моем положении приятное разнообразие, но им я, будем считать, уже наслаждался. Хватит тянуть».

– Давайте пока не будем спешить с убийствами, – предложил я. – Дурное дело не хитрое, успеется, если что. Я хотел поговорить с вами не

про смерть, а про жизнь.

«Такие разговоры больше не для меня», – отрезал Клари Ваджура.

– Посмотрим. Сколько, вы говорили, надо выстоять против обезумевших ветров Земли Йохлимы, чтобы стать одним из них? От рассвета до сумерек? Так вот, не вопрос. Жаль, конечно, что сейчас снова лето, слишком длинные дни, таково уж наше с вами дурацкое везение. Но на этот раз вы точно справитесь. Я помогу вам выиграть эту битву. Сделаю абсолютно неуязвимым, мне это нетрудно. Но только если вы сами хотите. Об этом я и собирался спросить. Я, понимаете, просто не знаю, насколько можно верить тому, что человек говорил в сновидении. Лично я иногда во сне такую чушь мету, страшно даже подумать, что однажды какая-нибудь добрая душа решит помочь мне осуществить все эти удивительные желания...

Клари Ваджура рассмеялся, не дослушав. То есть, с точки зрения стороннего наблюдателя, его искалеченное тело издало хриплый гортанный звук, не то что на смех, даже на стон не слишком похожий. А Безмолвная речь плохо передает смех, так что у меня в голове прозвучало только странное всхлипывание. Зато он отлично смеялся всеми подручными средствами – заискрившейся темнотой пещеры, пляшущим дымом благовоний, грохотом камней где-то далеко снаружи, задрожавшим под моими ногами земляным полом и заодно безмолвствовавшим до сих пор свидетелем нашего разговора, юным разрисованным великаном, который вдруг содрогнулся и гулким утробным басом отчетливо произнес: «Ха. Ха. Ха».

А когда голос шамана умолк, Клари Ваджура сказал: «Теперь я понимаю, почему вас считают в самом лучшем случае демоном, спятившим от слишком долгой жизни среди людей. Демон вы или нет, дело темное, зато в вашем безумии можно не сомневаться. Но уж мне-то грех жаловаться. Представляете, даже в голову не пришло, что можно попросить вас о таком одолжении. А вы все решили сами. И еще спрашиваете разрешения – уму не постижимо! Никогда заранее не угадаешь, в каком виде к тебе заявится величайшая в твоей жизни, хоть и запоздавшая почти на сотню лет удача».

– Это точно, – согласился я. – Никогда не знаешь, где тебе повезет.

Времени у нас было много. Бесконечно долгий вечер и такая же долгая, хотя формально короткая летняя ночь. Ожидание могло бы стать для меня сущим мучением; оно бы и стало, если бы Клари Ваджура не спросил, откуда я такой чокнутый взялся. Этого вопроса я, можно сказать,

ждал всю жизнь. Ладно, как минимум целых три дня – с тех пор, как полночи развлекал байками Базилио. А перед этим еще живую тогда леди Тайяру. В последнее время я стал слишком много трепаться; с другой стороны, можно считать, что это тоже новый вид магии. Леди Тайяра изобрела специальную магию для призраков, а я – для болтунов. Если мы объединим усилия и прибавим к моим историям ее ритмические хитрости, немедленно завоюем Мир, даже сами того не желая. Старшее поколение магистров Ордена Семилистника не зря беспокоится, я и правда жутко опасен, адское трепло из ада, всем хана.

Но пока до завоевания Мира дело не дошло, и от моей болтовни была только польза – что старому искалеченному магистру, что юному великану, который присел возле нас на корточки, слушал меня, затаив дыхание, и наверняка ежеминутно благословлял покойного деда за оставленное наследство. Не каждому начинающему шаману удастся вызнать подробности повседневного существования демонов жизни, а уж тем более послушать наши жалобы на утомительный график работы, городские сплетни, неудобства Безмолвной речи и возмутительное поведение некоторых девушек, далеко не всегда согласных нас любить. Подозреваю, про девушек ему было гораздо интересней, чем про все остальное, мальчишка есть мальчишка, сколько шаманских бубнов ему в руки не дай.

Но с магистром Клари Ваджурой особо не забалуешь, он то и дело останавливал меня уточняющими вопросами, особенно когда речь заходила про Темную Сторону, Коридор между Мирами и прочие интересные вещи, которые прошли мимо него. Жадно слушал, иногда говорил: «Какое же счастье, что так бывает». А иногда: «Жалко, что это случилось не со мной», – но тут же добавлял: «Ладно, по крайней мере, теперь я об этом знаю. Успел узнать».

Я попросил Товуайру предупредить нас примерно за час до рассвета. Оказалось, юный умпонский шаман – достойная альтернатива наручным часам. Он не подвел, перебил меня прямо посреди захватывающей истории о старом магистре Хруне Майохти и его вставном глазе, который каким-то образом выпал прямо в Хумгате и превратился там в нечто настолько впечатляющее, что куча странников из разных Миров до сих пор небось заикается – те, кому вообще удалось уцелеть при встрече.

И вдруг: «Солнце взойдет через час». Так возмутительно рано, мы, можно сказать, только разыгрались. В смысле, вошли во вкус.

Ладно, что с этим солнцем делать. Его мне, пожалуй, не остановить. Искренне на это надеюсь. Так лучше для всех.

Прежде, чем сделать шаг, отделявший нашу пещеру в недрах горы Олайры^[35] от границы с Пустой Землей Йохлимой, я запустил в лоб Клари Ваджуры еще один ярко-зеленый сияющий шар. Велел тому немногому, что осталось от его тела, обрести абсолютную стойкость и неуязвимость до заката, а потом, что бы ни случилось, избавиться от моей власти навсегда.

Покончив с приказами, привычно перешел к извинениям за грубое вмешательство, без которого, увы, не обойтись. На этом месте Клари неожиданно рассмеялся – снова всей тьмой пещеры, дымом, далеким громом и гулким басом юного шамана Товуайры – а отсмеявшись, сказал: «Да полно вам причитать. Можно подумать, такое великое горе эта ваша власть. Обычные знахарские кристаллы смирения – и те неприятней, я точно помню. Однажды в детстве меня попытались ими уговорить; от отцовского дома камня на камне не осталось, когда я почувствовал, что перестаю быть собой. А с вами – вполне ничего, сразу видно деликатного человека».

Никогда не знаешь, из какого источника получишь утешение, на которое, в общем, никогда не рассчитывал. Думал: обойдешься, таким, как ты, не положено. И вдруг.

Товуайра смотрел на нас снизу вверх, как ребенок на старших братьев, собравшихся на рыбалку; как он умудрялся делать это с высоты своего гигантского роста, ума не приложу. С другой стороны, на то и шаман, чтобы творить чудеса.

На меня подобные взгляды действуют гипнотически, никакой дополнительной ворожбы не надо, так что когда Товуайра попросил разрешения отправиться с нами, смущенно добавив: «Может быть, на границе я вам пригожусь», – я не смог ему отказать. Насчет «пригожусь» я, будучи типичным угуландским выскочкой, в глубине души полагающим все неизвестные мне магические традиции детским баловством, здорово сомневался, зато точно знал, что от его присутствия не будет вреда. В трактате Тейти Макабур Второй Толстой, который я читал все утро, медленно, как первоклассник, водя пальцем по буквам, чтобы ничего важного случайно не пропустить, черным по белому, вернее, бледно-синим по темно-зеленому было написано, что смотреть на человека, вступившего в противоборство с Йохлимыми ветрами, можно сколько угодно. А можно и не смотреть – это я тоже узнал заранее. И кучу других подробностей – например, что безумные ветры окончательно сатанеют, увидев оранжевый

цвет, поэтому в такой одежде вблизи границы с Пустой Землей Йохлимой лучше не шастать, набросятся всей компанией, и привет. Им только повод дай.

Ветры Пустой Земли Йохлимы избирательно кровожадны. Они почти никогда не вредят забредшим на их территорию животным, зато любят убивать людей. Удивительно, но это так. Обычно стихии и губят, и щадят всех без разбору, как повезет. А этим человечину подавай.

Дай им волю, вся Чирухта уже давным-давно стала бы необитаемой, а следом за ней, чего доброго, остальной Мир, но нам повезло: Пустая Земля Йохлима окружена своего рода невидимой стеной. Человек или зверь пройдет сквозь эту преграду и не заметит, зато ветры могут одолеть ее только навалившись всем скопом, да и на это уходят почти все их силы, так что натворить бед неподалеку от границы они еще худо-бедно могут, но далеко потом не улетят.

Самой опасной является граница с Куанкурохом. Испокон века ветры Пустой Земли Йохлимы пытаются нарушить ее именно там. Границы с Чангайей, Кангоном и Умпоном считаются относительно безопасными, хотя время от времени неприятные происшествия случаются и здесь; впрочем, на территориях, граничащих с Пустой Землей Йохлимой, нет ни городов, ни селений, даже скрывающиеся от правосудия преступники предпочитают отсиживаться в других местах. Куанкурохцам и в этом смысле повезло меньше прочих: их государство – узкая длинная полоса на северо-западном побережье Чирухты, уходящая в глубь материка всего на двести, максимум триста миль. То есть весь Куанкурох и есть приграничная территория, отсидеться им при всем желании негде, поэтому приходится постоянно держать оборону. Пограничная служба там является обязанностью всех без исключения взрослых граждан; говорят, искусству заклинания ветров они учатся с раннего детства и достигли в нем немыслимых высот.

А в других местах невидимая стена, затрудняющая продвижение безумных ветров по всему матерiku, прекрасно выполняет защитную функцию – уже в паре сотен миль от границы можно совершенно спокойно строить города и вести беспечную жизнь.

Природа этой стены – дело темное, как, собственно, и само происхождение Пустой Земли Йохлимы. Рассказывают, в глубокой древности на ее месте находилось царство Джангум-Варахан, богатое и процветающее. Оно бы, вероятно, и по сей день процветало, но бесследно исчезло с лица земли по воле величайшего из сновидцев этого Мира по имени Датчух Вахурмах, который был очарован приснившимся ему

гибельными пустошами, захотел, чтобы они стали реальностью, и на горе Джангум-вараханцам оказался настолько могущественным человеком, что это ему удалось ^[36].

Согласно этой версии, абсурдной, как почти всякая неприукрашенная правда, выходит, что Пустая Земля Йохлима – просто овеществленное сновидение. И ее безумные ветры тоже просто овеществленное сновидение. Теоретически они не могут быть серьезной проблемой для бодрствующих. Но кому легче от этой теории. Уж во всяком случае, не куанкурохским заклинателям, круглосуточно дежурящим на границе. И не многочисленным жертвам яростных Йохлимских ветров. Счастье, в общем, что сновидцев вроде Датчуха Вахурмаха в Мире больше никогда не рождалось. А он давным-давно сгинул. Правильно сделал, молодец.

Юного великана я привычным грузицким жестом спрятал в пригоршню; парень уменьшился как миленький, и это окончательно примирило меня с его чудовищным ростом. Удивительно все-таки устроен человек: способен согласиться с чем угодно, как только убедится, что имеет над этим власть. Ну или это только я так устроен, а остальные соглашаются с разнообразием Мира просто так, без всякой власти? Наверное, это и есть настоящая храбрость, мне таким не бывать.

Клари Ваджуру я взял на руки. Вообще-то я совсем не силач, взрослого человека далеко не утащу, но от его тела осталось так мало, что весил он как ребенок. Даже мне – в самый раз.

Страшно, конечно, было к нему прикасаться. Опасение причинить боль или как-то повредить искалеченному обрубку, взяв его не там и не так, смешалось с инстинктивным ужасом тела, не желавшего ничего знать о несчастьях, которые иногда случаются с другими телами – в общем, всего понемножку, вернее, как раз помногу, гораздо больше, чем я привык преодолевать за один присест. Но что еще оставалось делать? Убегать из пещеры с воплями: «Я передумал!» – не вариант.

«Не нужно бояться, – сказал мне Клари Ваджура. – Хуже, чем есть, все равно не сделаете, даже если уроните. Мне сейчас море по колено, спасибо вашему колдовству, наконец-то ничего не болит. Я оказывается забыл, как это бывает. То, что я считал полным отсутствием боли в сновидении, было просто привычным терпимым фоном, который не слишком мешает. Зато теперь стало как надо. Хоть за волосы волоките, все равно хорошо».

– Спасибо, – сказал я. – Отличная идея. За волосы я Темным Путем еще никого никогда не таскал. Надо будет при случае попробовать с новичками, сразу небось научатся, с первой же попытки. Но с вами, если не

возражаете, я все-таки использую старый, проверенный временем классический метод. Пожалуйста, закройте глаза.

Сам я тоже зажмурился и старательно, крупным почерком – иногда лучше перестараться, чем промахнуться – написал во внутренней темноте название места нашего назначения: «Черта границы Умпона с Пустой Землей Йохлимой».

«Вы знаете, что теперь следует делать?» – спросил Клари Ваджура после того, как я аккуратно положил его на густую бледно-голубую траву, которая росла здесь всюду и превращала простирающуюся перед нами бескрайнюю равнину в подобие мелкого моря.

После всего, что я слышал и читал о границе с Пустой Землей Йохлимой, ждал, что здесь будет бушевать буря. Но сейчас не ощущалось ни малейшего дуновения. Полный штиль.

– Я знаю не больше вашего, – признался я. – Но надеюсь, что и не меньше. По крайней мере, записи леди Тейти Макабур я прочитал очень внимательно. А отдельные фрагменты даже выучил наизусть.

«Правда? – удивился он. – Но зачем?»

– Хотел выяснить, могу ли я сразиться с ветрами вместо вас, а потом поменяться местами. Оказалось, нельзя. Зато поприветствовать их по всей форме от вашего имени и объявить начало испытания я все-таки смогу. В трактате, если помните, описан аналогичный случай с одним немым; надеюсь, леди не выдумала его для наглядности, а все действительно было, как она рассказывает...

Клари так удивился, что сперва попытался заговорить вслух, но вышел только отчаянный хрип. Потом он вспомнил о существовании Безмолвной речи и спросил:

«Вы собирались взять на себя это страшное дело, а награду отдать мне?!»

– Ну да, – вздохнул я. – Так мне было бы гораздо спокойней, чем сидеть и смотреть. Я нервный. До вечера совсем изведусь. Впрочем, ладно, как-нибудь потерплю. И вы потерпите. Выстоите, без вариантов. Что-что, а полную неуязвимость мой Смертный Шар вам обеспечит. Вернее, уже обеспечил. Ничего с вами сейчас сделать нельзя. На самом деле я вам даже завидую. Меня бы кто таким шандарахнул и приказал не переживать...

«Станный вы все-таки человек, сэр Макс, – сказал Клари Ваджура. – Знакомы со мной всего несколько дней, ничего мне не должны, ничем не обязаны, не связаны даже формальными узами и обязательствами, а собирались пойти ради меня на такой страшный риск – сами же видели на

моем примере, чем это может закончиться... А теперь беспокоитесь обо мне, как обычно боятся только за близких. Не понимаю!»

– Да нечего тут понимать. Просто мне очень не понравилось, как обошлась с вами жизнь. Такие вещи приводят меня в ярость, причем злюсь я сейчас даже не на Нуфлина Мони Маха, который, конечно, изрядный мерзавец, но сам по себе не имеет значения, он, как и все мы, просто орудие судьбы. Я в таких случаях злюсь сразу на весь Мир: как допустил безобразие? С какой стати? Зачем? И если не придумаю, как все немедленно исправить, свихнусь от ярости и бессилия. Я же тоже помешан на справедливости, в этом мы с вами похожи. И кажется, больше ни в чем.

«Да уж пожалуй», – согласился Клари Ваджура.

– К тому же концепция, что человек может стать ветром, удивительно хороша сама по себе, – добавил я. – Она меня совершенно сразила. По-моему, это так красиво, что обязательно должно случиться. И лучше с вами, чем с кем-то еще. Вам, по-моему, очень подходит такая судьба. И мне такая ваша судьба подходит, вот что главное! Когда вы станете ветром, я примирюсь с Миром и смогу спокойно жить здесь дальше. Для меня это важно: жить в Мире, с которым состоишь в ссоре, довольно тяжело, а у меня пока очень много веских причин его не покидать. Как видите, я забочусь не столько о вас, сколько о себе.

Я умолк, и Клари тоже молчал. Наконец он сказал:

«Красиво – это и правда серьезный аргумент. Если бы этот разговор произошел в моем сновидении, я бы вам улыбнулся. Жаль, что сейчас не могу».

– Если хотите, могу улыбнуться за вас, – предложил я.

Он надолго задумался. Наконец согласился: «Давайте. Улыбка мне сейчас не по силам, а потом, как бы ни сложилось, уже не понадобится. Хорошая идея – завещать ее вам».

Я улыбнулся ему – с ощутимым внутренним напряжением, от которого внутри улыбающегося разгорается свет. Ничего специально для этого не делал, само получилось. Похоже, ослепительная улыбка мальчишки, с которым мы когда-то, два дня, целую вечность назад, трепались на крыше, и правда стала моей.

«А вы нарочно не выпускаете Товуайру, чтобы не мешал, или просто забыли?» – вдруг спросил Клари Ваджура.

– Конечно, забыл. Спасибо, что напомнили. Я до завтра мог бы вот так с ним в пригоршне проходить, – признался я. – Или вообще до осени, если навалится слишком много дел.

«Такая рассеянность нормальна в первые десятилетия интенсивных

занятий магией, – утешил меня он. – Просто внимания на все не хватает. Но оно постепенно тренируется. Лет через сорок – шестьдесят станет нормально».

– Надо же, – удивился я. – Думал, это только я какой-то исключительный придурок.

«Нет, сэр Макс. В этом вопросе – нет».

После того, как я вытряхнул из пригоршни юного великана, он довольно долго молча сидел на траве, держась за голову и ритмично покачиваясь из стороны в сторону. Наконец отнял руки от головы и спросил:

– Что это было? Что ты со мной сделал? Не сон, не смерть и не транс, но совершенно точно не жизнь. Вообще ни на что не похоже!

– Уменьшил и спрятал в кулак, – признался я. – Извини, что без предупреждения. Решил: так будет быстрее и проще, чем учить тебя ходить Темным Путем.

– «Темным Путем»? – заинтересовался Товуайра. – Это как?

Больше всего в людях я ценю любопытство. Но как же оно иногда бывает некстати! Поди в двух словах про Темный Путь объясни.

– Мы сейчас на границе с Пустой Землей Йохлимой... – начал я.

– Это я вижу, – нетерпеливо кивнул он.

– Почти в сотне миль от твоей пещеры...

– Всего в шестидесяти.

– Все равно далеко. Так вот, ходить Темным Путем означает преодолеть это расстояние одним шагом...

– Шагом Муммары! – с энтузиазмом подхватил Товуайра. – Я так тоже умею. Меня дед научил.

– Ого! – присвистнул я. – Знал, что ты хороший шаман, но не догадывался, что настолько.

– Да у нас в горах почти все умеют ходить шагом Муммары, – отмахнулся он. – Без этого трудно, в некоторые места иначе не доберешься. Дед мог, если очень надо, одолеть несколько сотен миль, и у меня тоже получалось, в детстве часто ходил за покупками для соседей аж в Вовулах. Смогу ли сейчас, даже не знаю, слишком долго сидел на месте; ничего, я все помню, быстро заново научусь. Но большинство наших соседей так далеко ходить не умеют, только перешагнуть пропасть или взобраться на очень крутую гору. А в Вовулах за мукой и городскими сладостями уже посылали меня, все-таки почти двести миль, не шутка. И обязательно давали монетку сверху, чтобы я купил себе конфету или билет на карусель.

Я такие прогулки любил больше всего на свете.

Товуайра мечтательно зажмурился и добавил:

– Теперь, наверное, каждый день буду в Вовулах ходить. Ух, как же там красиво и весело!

Я молчал, потрясенный. Все-таки даже у нас, в Ехо, в Сердце Мира, где колдовать начинают раньше, чем говорить, хождение Темным Путем – не самое распространенное умение. Заранее проложенным маршрутом еще туда-сюда, некоторым удается, но таких мастеров, чтобы проложить Темный Путь самостоятельно, раз-два и обчелся. Я сам только осенью научился, года еще с тех пор не прошло. А умпонские горцы скачут Темным Путем через пропасти и горя не знают. Хотел бы я знать, что это за Муммара такая распрекрасная, если у нее был такой шаг. Или у него? Ладно, потом когда-нибудь выясню. Сейчас не до Муммары.

«Рассвет совсем скоро, – напомнил мне Клари Ваджура. – Если вы готовы произнести от моего имени приветствие, пора начинать».

Вот именно.

«Обычно ветры приходят не сразу, – добавил Клари. – При всем их могуществе они не могут быть на всей территории одновременно, а чтобы добраться сюда от Куанкурохской границы, где они чаще всего развлекаются, требуется какое-то время. В прошлый раз я их около часа ждал. Надеюсь, у вас с Товуайрой будет время спокойно уйти. Пожалуйста, воспользуйтесь этой возможностью. То, что вы останетесь по эту сторону границы, не гарантирует вам безопасности. Ветры то и дело ее нарушают, а сегодня они будут в ярости и легко до вас доберутся. Поверьте моему опыту, вам это не понравится. И для дела никакой пользы, если они вас разорвут. Дополнительные жертвы их только раззадоривают».

Есть фразы, которые не стоит произносить вслух. Например, «я вас ни за что не оставлю». Жуткая безвкусица, ужасно звучит. Поэтому я сказал:

– Не стоит беспокоиться о человеке, который в любой момент может сбежать Темным Путем. И Товуайру с собой прихватчу. Но не прямо сейчас. Битвы человека с Йохлимскими ветрами своими глазами никто не видел, разве только в древние времена. Не прощу себе, если упущу возможность хвастаться во всех столичных трактирах, что был свидетелем такого великого события. Звучит ужасно, но это так.

И улыбнулся Клари его ослепительной улыбкой. Чтобы он увидел – наследство в хороших руках, без дела в углу не валяется. Не зря отдал.

Он ничего не сказал, но посмотрел мне в глаза и медленно опустил веки. Такое большое, полновесное «да» – на все сразу.

Я взял его на руки и перешагнул невидимую черту, которая считается границей. Я ее не видел и не ощущал, просто поверил на слово юному великану, который показал, где она проходит. На всякий случай прошел еще несколько шагов. Ничего особенного при этом не почувствовал; впрочем, и не должен был, я же не безумный Йохлимский ветер. Сказал, согласно традиции, вежливо называя будущих противников Клари по именам, по порядку, по принятому среди них старшинству: «Эдорьян, Легери, Алуя, Торайя, Танри, Шайяра, Кирена, Сулайор, Ум-Моррей, Айятарва, Бренайли, Фанна-Ла, Оринава, Гу-Тиризак, перед вами Клари Ваджура, чей дух нестигаем, а сердце свободно, он намерен стать одним из вас. Это его вторая битва, приходите, он ждет».

Если бы не специальные магические приемы для кратковременного укрепления памяти, которые используют столичные студенты перед экзаменами, а некоторые особо легкомысленные преподаватели при подготовке к лекциям, хрен бы я сейчас так красиво выступил, не подглядывая в шпаргалку. Все-таки целых четырнадцать имен, одно другого диковинней. Спасибо хвостатому профессору Дримарондо, вовремя он меня этому фокусу научил.

Я закончил говорить, в глубине души ожидая, что в ответ раздастся какой-нибудь грохот или хотя бы отдаленный вой урагана, но ничего не случилось. Только заросшая голубой травой пустошь озарилась первым лучом восходящего солнца. Что-что, а время мы подгадали идеально. Я сказал себе, что это хороший знак. Все сегодня хороший знак, но вот этот солнечный луч – особенно.

Трусил я, конечно, неописуемо. Нет ничего хуже, чем бояться не за себя.

«Оставьте меня тут и ступайте, – сказал Клари Ваджура. – Если замешкаетесь, будете считаться равноправным участником битвы. И если, не ровен час, сможете выстоять, придется вам тоже становиться ветром. А у вас, в отличие от меня, немало серьезных резонов оставаться тем, кто вы есть».

Я молча кивнул, положил его на землю, зачем-то поправил складки ветхого одеяла, развернулся и пошел обратно – туда, где нетерпеливо похлопывая ладонями по коленям, сидел Товуайра. От волнения лицо его стало пунцовым, а зеленые глазищи – натурально размером с площадки. И давно не стриженные волосы встали дыбом, как шерсть на загривке разъяренного кота. Вот в такие моменты по-настоящему, остро, как в первый день понимаешь, что находишься в другом мире, только на первый взгляд привычном и обжитом, а на самом деле, чужом, неизвестном и

неизученном. И если тебе кажется, будто он населен людьми, так это просто нелепое антропоцентристское заблуждение. Мало ли что у окружающих тебя удивительных существ тоже по две руки и ноги.

– На самом деле ветры совсем рядом, – почти беззвучно сказал мне Товуайра. – Я их чувствую; все, кто вырос возле границы, знают, когда ветры близко. Они могли успеть напасть, но почему-то дали тебе уйти. Так очень редко бывает. На твоём месте я бы их поблагодарил.

Вежливость никогда не помешает, – согласился я. И громко сказал:

– Спасибо вам, Эдорьян, Легери, Алуя, Торайя, Танри, Шайяра, Кирена, Сулайор, Ум-Моррей, Айятарва, Бренайли, Фанна-Ла, Оринава, Гу-Тиризак, что позволили мне уйти.

А в ответ услышал – не голос, и на Безмолвную речь это не слишком походило, скорее на сильный удар, каким-то образом оформившийся в слова: «На здоровье». Ну и дела.

Я ждал начала бури, и Товуайра ждал, придвинувшись ко мне вплотную, готовый в любой момент не то заслонить меня своим гигантским телом, не то, наоборот, спрятаться за мою спину. Похоже, он сам пока не решил, как лучше. И Клари Ваджура, лежащий всего в полусотне метров от нас, за невидимой чертой тоже ждал.

Я откуда-то знал, что сейчас он смеется – беззвучно, не изувеченным телом, а всем своим существом и ещё травой, землей, ясным жемчужно-зеленым небом, бледным утренним солнцем – всем, что нашлось под рукой. Над собой, пальцем пошевелить не способным, но заявившимся на битву, которая и самому крепкому человеку не по плечу, и надо мной, дураком, притащившим его сюда, обещая победу, и над Йохлимской пустошью, поневоле ставшей местом этого абсурдного действия, и над ветрами, которым достался такой вот грозный противник, и над своей немилосердной судьбой, внезапно зашедшей в тупик, откуда нет ни одного достойного выхода. И дороги назад тоже нет.

Это не было ни истерикой, ни безумием, ни вызовом, ни демонстрацией удачи. Клари смеялся от чистого сердца – просто внезапно увидел со стороны себя самого, завернутого в старые тряпки калеку, и нас с Товуайрой, тех ещё великих героев с вытаращенными глазами перепуганных котят, оценил степень нелепости нашей общей затеи, и не смог сдержать смех.

До сих пор я полагал, что у меня обостренное чувство комического, но следует признать, до магистра Клари Ваджуры мне далеко. Как пешком отсюда до «Трехрогой Луны» в старой части города Ехо, в провинции Угуланд, в Соединенном Королевстве, на материке Хонхона; в общем,

ничего так пришлось бы пройтись.

Собираясь сюда, я готовился к драме, буре и натиску, а вместо них получил затянувшуюся паузу, скрашенную каким-то образом передавшимся мне весельем главного героя, но отягощенную томительным ожиданием, с каждой минутой которого наше общее будущее виделось мне все страшней – не зря же эти гады тянут, небось на мою хитрость со Смертным Шаром у них есть своя, и теперь они собираются с силами, чтобы кааааааак...

«Прощайте, сэр Макс, – вдруг раздался в моей голове голос Клари Ваджуры. – Спасибо. Уже все. Ухожу».

После этого голова у меня отключилась окончательно и бесповоротно. Я решил, что «ухожу» означает «умираю», вскочил и рванул к нему, чтобы... чтобы – что? Сам не знаю. Наверное, метать Смертный шар за шаром, приказывая магистру Клари дожить до заката, несмотря ни на что, я же так здорово все придумал, нельзя, чтобы не получилось, я так не...

«Я так не играю, – думал я на бегу, – я так не согласен, не допущу, не позволю, не может этого быть, чтобы ты, гад такой, взял и умер, я так не могу!» Даже не вспомнил о невидимой границе, которую не следовало пересекать, добежал до груды тряпья, в которое был завернут Клари Ваджура, бухнулся на четвереньки, сложил пальцы в щепоть, и лишь тогда понял, что его больше нет. В смысле тела нет, только ветхие одеяла, две штуки, вязаное полосатое, под ним серое, совсем тонкое, когда-то мягкое и теплое, а теперь дыра на дыре, и еще какая-то рвань – одежда, рубаха? – неважно, важно, что Клари там не было. Ни капли крови, ни косточки, ни волоса, вообще ничего.

Умом я еще ничего не понял, но сердце чуть не взорвалось от ликования. Я заорал: «Получилось!» – подпрыгнул, воздев руки к небу, такой благодарственный дикарский танец, достойный восторженного дурака, в которого я превратился. И до сих пор думаю, что давать мне по башке именно в тот момент было нечестно. Грех обижать счастливых беспамятных идиотов. Я бы не стал.

Но ветры Пустой Земли Йохлимы не столь сентиментальны. И набросились на меня, как сироты-берсеркеры на сладкий пряник, выданный им один на всех.

Тогда я наконец понял, почему Йохлимские ветры настолько опасны. Они дуют отовсюду сразу. В том числе изнутри тебя самого. С этого собственно и начинают. И очень быстро достигают нужного им результата. Ураган, который рвется наружу из твоей грудной клетки, любого быстро разорвет на куски.

Ну или почти любого. Тогда же мне стало ясно, почему магистр Клари

Ваджура при первой попытке смог продержаться так долго, почти до самого вечера. Опытный угуландский колдун, достаточно могущественный, чтобы регулярно иметь дело с Очевидной магией высших ступеней, то есть пропускать через себя силу Сердца Мира, оказывается достаточно хорошо подготовленным к встрече с Йохлимскими ветрами. Потому что по ощущениям и правда довольно похоже, только ветры дуют гораздо дольше, чем творится любое, самое сложное колдовство. Сколько ты сможешь вытерпеть – вопрос воли и стойкости, но первые пару минут способен продержаться почти любой из нас.

Я в Очевидной магии пока совсем новичок, но какой-никакой опыт взаимодействия с ее высшими ступенями у меня все-таки есть; строго говоря, в основном с высшими, не с того конца учиться начинал. Это, думаю, и спасло меня в самый первый момент, когда я был счастлив и совсем не готов к битве; впрочем, я вообще никогда ни к каким битвам не готов, если меня предварительно не довести. А это совсем не так просто, как рассказывают городские сплетники. Я, в сущности, мирный человек.

Однако Йохлимские ветры быстро довели мирного человека в моем лице до белого каления. После чудовищной силы удара изнутри и нескольких таких же снаружи, я почувствовал себя преданным, как будто повис на шее лучшего друга, а в ответ получил от него по зубам. Заорал: «Ах вы суки драные! Так нельзя! Ну я вам сейчас устрою!» Уж не знаю, что я собирался устраивать, но пер куда-то напролом, навстречу вздыбившейся земле и рушащемуся на нее небу, по-бычьему наклонив голову, колошматя воздушные потоки сжатыми в кулаки руками, помогая себе проклятиями, настолько непристойными, что большую их часть я, пожалуй, не решусь воспроизвести даже по просьбе ближайших друзей, если им вдруг взбредет в голову осчастливить культурную часть местного человечества ученым трактатом «Наиболее отвратительные фразеологические обороты разных миров», и они обратятся ко мне в поисках фольклорного материала.

Иными словами, я натурально свихнулся от злости и вместо того, чтобы просто покинуть негостеприимную Йохлимскую пустошь Темным Путем, что, по идее, было вполне возможно, топтался на месте наперекор здравому смыслу и бранился, малоубедительно размахивая хлипкими верхними конечностями. Ясно, что долго это продолжаться не могло.

Долго оно и не продолжалось, максимум минуту, на протяжении которой меня разрывала изнутри ярость Йохлимских ветров, помноженная на мою собственную злость, а потом ураган – не внутренний, а тот, что бушевал снаружи, подхватил меня и понес. Но вместо того чтобы швырнуть на землю, предсказуемо расплющив в лепешку, довольно

аккуратно на нее положил. Ну, то есть для урагана аккуратно, так-то все тело потом было одним сплошным синяком.

Я не из тех, кого можно успокоить оплеухой, обычно получается наоборот. Но сейчас удар о землю подействовал на меня вполне умиротворяюще. Во-первых, я осознал, что по-прежнему жив – не только хорошая, но и совершенно неожиданная новость. Во-вторых, вспомнил, что Клари Ваджура исчез, это было по-настоящему необъяснимое чудо, которое случилось с ним, а значит, отчасти и со мной. А в-третьих, я отчетливо услышал, как голос, похожий на удар, или удар, похожий на голос, тот, что уже говорил мне «на здоровье», произнес: «Ну ты и дурак». И как-то сразу с ним согласился: еще какой дурак. Так глупо и неосмотрительно я не вел себя даже в самые первые дни жизни в Ехо, когда был уверен, что попал на вечный праздник, и весь Мир ко мне бесконечно добр. С тех пор я более-менее научился сохранять стойкость в испытаниях, но неожиданная радость, как выяснилось, по-прежнему легко лишает меня контроля над собой.

А потом я подумал, что раз уж остался цел, у меня будет время исправиться. И достаточно счастливых моментов для тренировки стойкости, куда они денутся, сколько суждено – все мои. И не заплакал от облегчения только потому что к этому моменту сил у меня не оставалось вообще ни на что. Даже закрыть глаза казалось слишком тяжелой работой, поэтому я лежал и смотрел в небо. У нас оно всегда бледное, почти белое, над Уандуком – всех оттенков красного цвета, а здесь, над Чирухтой, зеленое. И никто: ни ученые, ни отставные магистры, ни мудрые ведьмы вроде леди Сотофы – не могут внятно объяснить, почему оно так. Может быть, Клари Ваджура теперь узнает? Ветры все-таки поближе к небу, чем мы.

За обдумыванием этого естественнонаучного вопроса меня и застал юный шаман Товуайра. Я успел забыть, насколько он огромный, и теперь удивился заново, когда надо мной навис великан. Рыжий, растрепанный и ужасно довольный тем, что наконец-то меня нашел.

– Ты и правда настоящий демон, если уцелел, – сказал он. – С Йохлимскими ветрами так задираться нельзя, даже когда они хорошие, как сегодня.

– А это они были хорошие? – усмехнулся я.

Товуайра не оценил моего сарказма.

– Еще бы! – подтвердил он. – Заранее знаю, что когда стану рассказывать об этом дне, мне никто не поверит. Даже мой покойный дед не поверил бы, он всегда говорил, что Йохлимские ветры бессердечны, а

старинные легенды об их добрых поступках называл глупыми сказками, от которых один только вред: люди верят им и утрачивают осторожность. Так что может быть лучше мне помалкивать. Но как молчать о том, что своими глазами видел настоящее чудо?!

– Клари стал ветром без дополнительных испытаний, да? – спросил я.

– В том-то и дело! Почему я и говорю: сегодня ветры добры как никогда. Решили, что, если Клари смог выжить после прошлой битвы и отважился явиться к ним снова, без всякой надежды на успех, из одного упрямства, он той же породы, что они сами. В смысле достаточно яростен и безумен, чтобы стать одним из Йохлимских ветров.

– Ты точно знаешь, что именно так и было? Откуда?

– Как – откуда? – развел руками юный шаман. – Я их спросил, как спросил бы духов.

– Ветров? Спросил? Как духов?!

– Ну да. Я бы, наверное, не догадался, что так можно, но покойный дед много раз строго-настрого запрещал мне говорить с ветрами, как с духами, из чего я сделал вывод, что ветры могут меня услышать, если постараюсь. И они слышали. И сразу дали ответ. Это было очень больно! Зато все понятно, как будто и правда словами сказали.

– Словами, похожими на удар?

– Можно и так это описать. Хотя все-таки скорее просто удар, от которого в голове появляются очень четкие, но явно чужие мысли.

– Да, – согласился я. – Именно так. Спасибо, что подтвердил про Клари. Если ветры взяли его к себе просто так, без дополнительной битвы, значит, справедливость в Мире все-таки есть. И она именно такова, как я ее себе представляю. Какой молодец этот наш Мир!

– У духов точно есть справедливость, – подтвердил Товуайра. – Это у людей ее нет. Люди не умеют быть по-настоящему справедливыми, потому что никогда не видят всю картину жизни сразу, только отдельный фрагмент. Для того и нужны мы, шаманы – просить духов заниматься нашими человеческими делами. Без их присмотра люди быстро запутаются и натворят еще больше бед.

– Когда меня все окончательно достанут, обязательно стану духом, – решил я. – Буду устраивать все по-своему, отличная будет жизнь!

– Это ты так шутишь? – укоризненно спросил Товуайра.

– Думаешь, меня не примут в духи? – рассмеялся я.

– Ничего я не думаю, – отрезал он. И строго добавил: – Шамана не проведешь!

Не знаю, как насчет «проведешь», но на ноги юный великан поставил меня не хуже, чем сделал бы мой друг Абилат, лучший знахарь столицы Соединенного Королевства, к которому я собирался обратиться за помощью и как раз прикидывал, можно ли ходить Темным Путем на четвереньках, или все-таки лучше попытаться как-нибудь встать. Это деяние представлялось мне сейчас почти недостижимым вроде легендарных подвигов магов древности. Однако после того, как Товуайра всего четверть часа ритмично похлопал в ладоши над моим ушибленным телом, время от времени издавая угрожающие звуки, очевидно предназначавшиеся моим синякам, я встал как миленький. И пошел. И трижды подпрыгнул. И на всякий случай, чтобы потом не было неприятных сюрпризов, наклонился в разные стороны и потянулся, как кот. Тело функционировало отлично, очень мило с его стороны. Я не настолько дух или демон, чтобы без него обходиться, что бы там ни говорил Товуайра. Вернее, о чем бы он с торжественной многозначительностью ни молчал.

– Не зря говорят, что ты умелый шаман! – сказал я юному великану. – Если еще раз попаду в такую передрыгу, непременно обращусь к тебе. Ты круче всех наших знахарей вместе взятых.

Я, конечно, преувеличивал, но, во-первых, совсем немного. А во-вторых, навсегда усвоил главный педагогический прием сэра Джуффина Халли: новичков надо хвалить, в таком деле лучше перестараться, энергия энтузиазма – топливо, без которого в магии никуда. Собственно, не только в магии, вообще в любом деле.

Вспомнив, как Товуайра рассказывал о прогулках в Вовулах, я тайком проверил карманы, нащупал там какие-то монеты, неясно, какого достоинства, но что-то – уже хорошо. Сказал:

– Я намерен заплатить тебе за лечение.

Он так удивился, словно я предложил нечто совершенно абсурдное и немыслимое. Например, открыть на паях модную лавку на вершине горы Олайры. Или прямо сейчас начать заниматься растяжкой, чтобы однажды сесть на шпагат.

– Это такая примета, – находчиво соврал я. – Заплатить знахарю, чтобы болезнь не вернулась.

– И так не вернется, если сам на Йохлимскую землю снова не полезешь, – заверил меня Товуайра. – Это были вполне обычные ушибы, они бы и без лечения прошли, просто не так быстро. Но если тебе так спокойней, конечно, плати. Вот уж не подумал бы, что ты суеверен!

Я развел руками, всем своим видом показывая, что и рад бы не иметь мелких постыдных слабостей, но уж каков есть. Не зря старался, в кармане

у меня набралось почти четыре короны Соединенного Королевства, а это очень крупная сумма. Если Товуайра обменяет их на местные деньги, все конфеты и карусели Вовулаха его. После долгих лет в темной пещере с медленно умирающим незнакомцем именно то что надо, будь ты хоть сто раз великий умпонский шаман.

Я был рад, как будто мне самому предстоял такой праздник. Впрочем, в Ехо тоже неплохо с конфетами. И даже карусели, говорят, где-то есть.

Но на карусели мне пока было рано. Сначала в Харумбу. Я себя знаю: любое неприятное дело, отложенное до завтра, на следующий день начинает казаться вовсе не нужным. А сейчас так нельзя.

* * *

Харумба, таинственный город мертвых, в древности построенный бессмертными кейифайями для своих смертных потомков от смешанных браков, куда обычный человек может попасть только за огромные деньги^[37], находится на северном побережье материка Уандук, так далеко от Великой Красной Пустыни Хмиро, что небо здесь почти белое, как у нас, с едва различимым лиловым оттенком.

Когда я шел сюда Темным Путем, пожелал оказаться у самого входа в Харумбу, но здешнюю систему безопасности не проведешь, так близко меня не пустили. Спасибо хоть не угодил прямо в море, шагнул на берег, у самой кромки воды, на твердый мокрый песок.

Чуть поодаль зеленела роща низкорослых пышных деревьев, на ветвях которых теснились стаи крупных черных птиц, грузных и малоподвижных; когда я увидел их впервые, много лет назад, птицы показались мне зловещими. Теперь я точно знал, что это за птицы, но ничего особо зловещего в их облике больше не находил. Даже удивительно, что такое огромное сборище смертей, навек разлученных со своими потенциальными жертвами, может выглядеть настолько безобидно. «Прийти бы сюда с рогаткой, вот был бы переполох», – насмешливо подумал я и тут же устыдился своих живодерских фантазий. Беднягам и так несладко от всей этой древней кейифайской магии, о которой нервным угуландским супергероям в моем лице лучше вообще ничего не знать.

А совсем вдалеке, за деревьями клубился туман, не настолько, впрочем, густой, чтобы скрыть белизну стен и изящество башен Харумбы.

Можно было отправиться туда, обогнув рощу, но я попер напролом. Даже не потому, что решил вести себя вызывающе, демонстрируя

воинственный настрой, а просто поленился обходить. Немного опасался, что дремлющие на ветвях смерти-изгнанницы накажут меня за беспокойство – по старой доброй птичьей традиции, дружно нагадив на голову, но, хвала Магистрам, пронесло. Правда, настроение во время прогулки изрядно испортилось. Раздражение, вызванное необходимостью разбираться еще и с Нуфлином, превратилось в настоящую злость. Но вряд ли следует винить в этом птиц. Я и сам не подарок. Особенно в тот момент, когда дело уже благополучно завершено, а я еще не успел забыть, как долго и мучительно все висело на волоске. И вопрос только в том, от чего именно меня теперь будет запоздало трясти: от страха или от злости. Ничего удивительного, что обычно я выбираю второй вариант.

Хранители Харумбы ждали меня на границе между рощей и туманной стеной. Пришли не вдвоем, не вдесятером даже, а здоровенной толпой. Хотя, честно говоря, чтобы силком выдворить меня со своей территории, одного за глаза хватило бы. Эти бессмертные эльфы, хвала Магистрам, не великаны, но исключительные здоровяки. Сборная Харумбы по дзюдо, тяжелая весовая категория, хоть с криком от них беги.

Но я, конечно, не убежал. А напротив, ускорил шаг. Приблизившись, поздоровался: «Хорошего дня». И выдал им сияющую улыбку, наследство магистра Клари. Не то чтобы действительно был рад обстоятельствам нашей встречи, просто люблю демонстрировать обновки, как всякий пижон.

Но в ответ мне никто не улыбнулся. Даже на приветствие не ответили. Только еще больше насупились. Понятно почему. Родичи моего друга Иллайуни чувствительны к чужому настроению ничуть не меньше, чем он. Поэтому улыбками их не проведешь, даже такими неотразимыми, как моя.

– Ты, конечно, пройдешь в Харумбу, если захочешь, – сказал один из Хранителей. – Без нашей помощи и даже согласия. Городу ты понравился еще в прошлый раз, когда привез к нам старого колдуна.

– Приятно, что вы меня помните, – вежливо ответил я. И снова улыбнулся. Иногда просто невозможно держать себя в руках.

– ...но обратно ты уже не выйдешь, – не слушая меня, продолжил он. – Ни по своей воле, ни при нашем участии. Даже если мы очень захотим от тебя избавиться – лично я уже хочу этого больше всего на свете! – ничем не сможем тебе помочь. Скорее сами уйдем куда глаза глядят, не выдержав такого соседства. А это безответственно по отношению к людям, которые здесь гостят.

«Гостят» – это, конечно, сильно сказано. Потрясающий эвфемизм.

– Погодите, – попросил я. – С какой стати я должен ломиться в Харумбу? Что я там забыл?

Хранители Харумбы озадаченно переглянулись. Похоже, ожидали от меня совсем других вопросов.

– Но ты же пришел за... – начал один и замялся, явно не желая произносить вслух имя Нуфлина Мони Маха.

– Если ты думаешь, будто мы сами его к тебе выведем, ты ошибаешься, – твердо сказал другой. – Не будем сейчас говорить об этической стороне вопроса, но это просто физически невозможно. Харумба не выпускает своих жителей. Ни на каких условиях. Никогда.

– Это просто к вам еще никто никогда не заходил с Темной Стороны, – усмехнулся я. – Уверен, с этого входа Харумба меня и впустит, и выпустит как миленькая. С Нуфлином Мони Махом под мышкой в том числе.

Я, конечно, блефовал. Но в глубине души подозревал, что действительно смог бы повернуть такую операцию, если бы очень захотел. И Хранители Харумбы тоже это подозревали. И явно не жаждали проверить гипотезу экспериментальным путем. А я сейчас, честно говоря, был совсем не прочь попробовать. Потому что – какого черта? Что творит этот их подопечный, неугомонный старый психопат? Думает, спрятался в Городе Мертвых, и теперь можно безнаказанно делать все, что в безумную голову взбредет?

Но я твердо решил не давать себе воли. В этом Мире любителей вендетты и без меня несколько больше, чем требуется для самобытного разнообразия нравов. Вот пусть и наказывают друг друга, хоть с утра до вечера. А мое дело маленькое – по мере сил исправлять то, что они натворят.

– Однако я не за тем к вам пришел, – примирительно сказал я Хранителям Харумбы. – Извините, что явился в таком настроении. Я знаю, что для вас оно невыносимо; с другой стороны, исправится мое настроение еще нескоро. А дело спешное. Вы должны знать, что как минимум один из ваших так называемых гостей способен околдовать человека, увидевшего Харумбу во сне. И уже сделал это. Заставил беднягу читать Проклятие Йарра – знаете, что это? Ладно, неважно, просто одно из множества смертных заклятий, которых у нас в Угуланде сочинили куда больше, чем способов исцелять.

– И этот сновидец послушался? – изумленно спросил один из Хранителей, явно выражая общее недоверие. – Проснулся и выполнил приказ?

– А куда деваться, когда тебя заморозили ритмической речью, которая,

как выяснилось, прекрасно работает и в устах мертвеца. Кучу народу успел убить, сам о том не зная; убил бы еще больше, если бы мы не приняли меры. Теперь с этим делом покончено, но в Харумбе наверняка будут появляться и другие сновидцы. Никто, кроме вас, не сможет их защитить.

– Но как? – нестройным хором откликнулись Хранители.

Нашли кого спрашивать.

– Понятия не имею, – честно ответил я. – Откуда мне знать, как у вас все устроено. Вряд ли в Харумбе есть тюрьма для особо опасных преступников. Лично я бы постарался задрать все входы и выходы, чтобы Харумба больше никогда никому не снилась, как было в прежние времена. Но если бы вы знали, как это сделать, наверняка сами прикрыли бы лавочку, не дожидаясь моих советов. Как вариант – сторожите теперь вашего гостя по очереди; понимаю, что занятие невеселое, а что делать? Куанкурохцы вон против Йохлимских ветров на границе по очереди стоят, тоже не сахар, но ничего, привыкли, жизни себе без этих дежурств уже не представляют. Впрочем, можно просто найти хорошего отставного полицейского, совсем дряхлого, собравшегося помирать, и предложить ему бесплатную вечную жизнь в Харумбе в обмен на работу – присмотр за Нуфлином. В идеале нанять хотя бы двоих, а лучше троих, чтобы следили посменно, даже у мертвых людей должны быть радости кроме работы, тем более, кода впереди вечность, а работа – Нуфлин Мони Мах. Я бы, честно говоря, на второй день спятил, но старого грыза такой ерундой не проймешь...

Пока я говорил, с лиц Хранителей явственно уходило напряжение. Похоже, идея нанять надзирателей пришлась им по душе.

– В общем, дальше думайте сами, – завершил я. – Уверен, в ваших же интересах приструнить Нуфлина. Магистры его знают, кого он завтра речами заморозит. А я, пожалуй, пойду. Устал. На моей родине в таких случаях говорят «как собака». Но у меня дома сейчас живут два пса, поэтому я точно знаю: так сильно собаки не устают.

– Извини за плохой прием, – сказал один из Хранителей, тот самый, который предупреждал меня, что в Харумбу лучше не лезть. – Когда ты появился на побережье, мы были уверены, что без крупных неприятностей не обойдется. Твое желание получить голову Нуфлина Мони Маха звучало как колокольный набат. Вообще-то оно и сейчас звучит. Но говоришь ты при этом вполне разумные вещи.

– Да, – согласился я, – рядом со мной бывает непросто, я знаю. Вон один ваш родич недавно чуть куманским медовым ножом меня не прирезал, а я только тем и провинился, что навестил его в не самый свой

радостный день...

Вместо того чтобы вежливо выразить сожаление в связи с невыдержанным поведением своего родственника, Хранители Харумбы дружно расхохотались. Видимо, вообразили эту сцену. Ну или просто обрадовались, что рассорившемуся с ними Иллайуни не так уж прекрасно живется, как он им расписывал. Как минимум одна серьезная проблема у него точно есть.

– Извини, – сквозь смех пробормотал тот, что стоял ближе всех ко мне. – На самом деле, надо бы тебе посочувствовать, но Горда Ойян Цан Марай! С куманским ножом! Гоняется за тобой! Вот это история!

И расхохотался еще громче, да так заразительно, что даже я расплылся в улыбке. Не новой сияющей, а в старой, своей. Кривой и вообще довольно дурацкой, но уж какая есть.

Спасибо Иллайуни, сам того не ведая, помог разрядить обстановку. Теперь я его должник. Знать бы еще, чем рассчитываться. Оставить в покое до конца года? Нет, так не пойдет, я буду скучать.

Я развернулся, чтобы уходить, но Хранители меня остановили.

– Мы не читаем чужих мыслей, по крайней мере, очень стараемся избежать такого несчастья, но человеческие желания похожи на громкий, хоть и неразборчивый крик, – сказал один из них. – Игнорировать этот шум невозможно, особенно когда его источником становится человек могущественный и несдержанный вроде тебя. Поэтому мы знаем, ты хотел что-то от нас потребовать. И собирался настаивать любой ценой. Но почему-то не стал. Передумал? Обиделся? Рассердился? Извини за настойчивость, но с такими, как ты, лучше расставаться без недомолвок. Чтобы потом не гадать, что у тебя на уме и каких сюрпризов ждать наутро.

– Что вы, я не рассердился. Наоборот, перестал. Я действительно хотел попросить вас: «Передайте Нуфлину Мони Маху, что Клари Ваджура стал одним из Йохлимских ветров, такая ему выпала великая судьба. А Магистр Хонна в голос хохотал, обнаружив, что его пытались извести примитивным старинным заклятием. Скажите ему, что сэра Шурфа я лично избавил от проклятия Йарра на Темной Стороне, а Джуффин с моей легкой руки спас еще целую кучу народу. Ничего не получилось, зря старался старый дурак, пусть знает». Очень этого хотел, со вчерашнего дня подбирал обидные формулировки, чтобы его проняло. И аргументы, чтобы убедить вас передать мое послание, слово в слово. Но потом передумал.

– Почему?

– До меня вдруг дошло, что впереди у Нуфлина целая вечность и никаких интересных дел, чтобы отвлечься от мыслей о поражении. Так

долго никто не должен страдать. Пусть лучше думает, будто месть удалась, других радостей у старика все равно нет, и это само по себе такое суровое наказание, что дополнительных, пожалуй, уже и не надо. Так что, если сочтете нужным, можете рассказать Нуфлину Мони Маху, как я рыдал у вас под забором от бессильной ярости, пока не прогнали. Мне не жалко, а для дела так лучше: глядишь, угомонится на радостях, займется выращиванием фиалок, вам же легче будет его сторожить.

Хранители растерянно молчали. Похоже, я снова их удивил. Я и сам себя удивил, чего уж.

– Спасибо, что выслушали, – сказал я. – И даже с ножами не гонялись. Хотя, может, и стоило бы. Когда уже научусь держать себя в руках.

Договорил, развернулся и пошел обратно, в сторону берега, через рощу, полную черных птиц. Хотя мог бы прямо отсюда уйти домой Темным Путем. Но какое-то дурацкое чувство, сродни скорее дремучему суеверию, чем настоящей интуиции, настойчиво требовало, чтобы я пересек эту грешную рощу дважды, туда и обратно, а не в один конец.

Глупо повиноваться предрассудкам, но спорить с собой еще и на эту тему у меня не было сил. И так уже напорился на сто лет вперед.

Знать бы еще, кто именно в этих спорах победил.

* * *

– Деньги на бочку, – сказал я сэру Джуффину Халли. Заодно озарил его сиянием своей новой улыбки, решив, что такое начало ни одной беседе не повредит. – Ты проиграл сто корон, гони. Мне как раз позарез нужны деньги, я на знахаря поистратился. В смысле на шамана. Все, что было в карманах, ему отдал.

– На шамана? – нахмурился Джуффин.

– Ага. На умпонского. Обожаю экзотику. Если бы не это, мог бы и обойтись. В смысле, ничего страшного не случилось, просто несколько синяков, не о чем говорить. Прости, я еще не в себе, мету что попало вместо того, чтобы по порядку рассказывать. Но сто корон все равно за тобой. Я честно их выиграл, прошел Темным Путем прямо в пещеру, где спал Клари Ваджура. С помощью призрака профессора математики, но она теперь мой домашний призрак, так что вряд ли это было жульничество.

– Да жульничество, конечно, – ухмыльнулся шеф. – Как вообще все, что ты делаешь. Но я не в обиде – при условии, что узнаю метод.

Выкладывай давай.

– Метод – проще не бывает. И подойдет кому угодно, а не только мне. Достаточно правильно сформулировать: «Хочу оказаться там-то рядом с таким-то». А не просто «рядом с таким-то». Вот и все.

– Интересно! – обрадовался Джуффин. – Сейчас проверим. Если...

И, не закончив фразу, исчез.

– Ты опять пришел без гостинцев, – сказал Куруш, с укором взирая на меня с верхней полки книжного шкафа.

– Без, – подтвердил я. – И мне даже не стыдно, потому что я совершенно не виноват. С утра сидел в пещере в Умпонских горах, потом гулял по Пустой Земле Йохлиме, а сейчас пришел сюда прямо из-под стен Харумбы. Ни в одном из этих мест нет ни кондитерской, ни завалящей пекарни. Даже жареные орехи на улицах не продают. Да и откуда бы там взяться улицам.

– Какие печальные места оказывается есть в Море! Зачем они нужны? – изумился буривах, вылупившийся из яйца в Столице Соединенного Королевства, а потому о родине своих предков, диких арварохских лесах имеющий сугубо умозрительное представление.

– Понятия не имею. Видимо, просто для разнообразия. И в качестве декораций к некоторым драматическим событиям они подходят лучше, чем площади больших городов.

– Зачем нужны драматические события, я тоже не понимаю, – проворчал Куруш.

– Целиком разделяю твою позицию. Лично я бы без них обошелся. Легко.

– И правда работает, – сказал Джуффин, снова появившись в своем кресле. – Надо же, как просто: достаточно изменить формулировку, и дело в шляпе! Понимаю теперь, почему женщины Ордена Решеток и Зеркал так держались за леди Тайяру и прощали ей больше, чем собственному Великому Магистру. И тебе теперь придется держаться и прощать. Смотри, не вздумай с ней рассориться! Ее голова нам нужна.

– Даже если мы поссоримся, леди об этом тут же забудет, – усмехнулся я. – Я, впрочем, тоже забуду. Двум рассеянным идиотам поладить очень легко. Особенно когда один из них призрак, а второй почти не появляется дома. Кстати, Клари сказал, рассеянность в моем положении это нормально. Внимания не хватает, все уходит на магию. Потом пройдет.

– Естественно нормально, – согласился Джуффин. – Просто в твоём исполнении рассеянность может оказаться слишком опасной. Поэтому я не спешил тебя успокаивать, в надежде, что ты научишься с ней справляться,

не дожидаясь, пока сама пройдет. Только не говори, что надежда глупое чувство. Это будет цитата из старика Махи. Практически плагиат.

– Я и не собирался...

– Лучше рассказывай, чем кончилось дело с Клари Ваджурой, – перебил меня шеф. – Как ты выкрутился на этот раз?

– А то ты не знаешь.

– Понятия не имею, – очень серьезно сказал Джуффин. – Я уже давно не лезу в твои дела. Много раз тебе это говорил, а ты все никак не поверишь; впрочем, я не обидчив и никуда не спешу. Однако об этом деле я знаю только, что тебя следовало оставить в покое, пока сам не объявишься. Кстати, скажи мне спасибо, что за целые сутки тебе никто даже зов не прислал: я запретил тебя дергать, сказал, что это вопрос жизни и смерти, даже более-менее убедительно доказал. А желающие встать на твой след и оттащить тебя за уши от магистра Ваджуры, сам понимаешь, были.

– Больше одного? – изумился я.

– Представь себе. У сэра Шурфа тоже сдали нервы. Хотя, казалось бы, взрослый рассудительный человек...

– На его счет я как раз не сомневался. В смысле, без перерыва молил всех Темных Магистров и на всякий случай арварохского Мертвого Бога, чтобы пронесло. Второй-то кто?

– Не «второй», а первая. Леди Сотофа горела желанием избавить тебя от дурной компании, раз и навсегда. К счастью, в отличие от тебя, они оба мне верят. И когда я сказал, что наилучшая помощь – выбросить тебя из головы и заняться своими делами, спорили очень недолго. Всего каких-то несчастных полтора часа. Не о чем говорить.

– Спасибо, – сказал я. – Ты натурально спаситель Мира. Если бы нам пришлось всю ночь отбиваться от Шурфа и леди Сотофы, из Клари получился бы совсем уж бешеный ураган. А так есть шанс, что с ним вполне можно будет иметь дело, когда...

– Что? – переспросил Джуффин. – Я внезапно перестал тебя понимать. Почему именно ураган?

На его лице было написано столь неподдельное изумление, что я наконец-то поверил: шеф Тайного Сыска и правда больше не в курсе моих дел. И даже мысли читает примерно в том же режиме, что Хранители Харумбы – только когда они слишком громко звучат. Слов нет, как я ему за это благодарен. Но сто корон все равно сдеру. Пари есть пари.

Я подробно рассказал Джуффину, что случилось с Клари Ваджурой. И как благородно повели себя Йохлимские ветры. И каким идиотом оказался

я сам, тоже рассказал. Скрыл бы с большим удовольствием, но он все-таки начальство, ему свои кадры следует знать. Впрочем, именно этому эпизоду шеф удивился гораздо меньше других. Мне показалось, ему даже понравилось, что я – все тот же старый добрый сэр Макс, с двумя задницами. Одна в форме человеческой головы.

Меня и самого это утешало. Трудно слишком стремительно становиться кем-то другим. Даже если этот кто-то другой и есть настоящий ты.

– Поступил ты, на мой взгляд, стратегически верно, – сказал Джуффин, выслушав заключительную часть моей истории, о переговорах с Хранителями Харумбы. – Если Нуфлин поверит, что его план удался, и успокоится, нам же лучше – меньше проблем. Но откуда вдруг в тебе столько милосердия? Прежде оно не было тебе свойственно. И только не говори, что это не милосердие, а сухой расчет, не поверю. Все-таки я с тобой не первый день знаком.

– Не расчет, конечно, – согласился я. – Но и не то чтобы милосердие. Скорее последствия контузии от удара о землю. Или просто усталости. Я вдруг понял, что наказывать мертвеца – абсурд. К тому же, стремясь во что бы то ни стало наказать зло, мы преувеличиваем его значительность, а значит, косвенно способствуем его торжеству, таким образом нарушая извечный баланс и расшатывая сам фундамент Мира, как говорил магистр Клари Ваджура, правда, по ровно противоположному поводу, но какое мне дело до заблуждений юных Йохлимских ветров?.. Хотя если бы я мог заставить Нуфлина бесследно исчезнуть, не подвергая опасности ни остальных обитателей Харумбы, ни в идеале себя, сделал бы это, не задумываясь. Не в наказание, а чтобы гарантированно больше не навредил. Но нет, так нет, все равно вышло неплохо.

– Идея насчет охранников отличная, – заметил шеф. – Обязательно сегодня же поговорю с Кофой. Многие из тех, кто с ним когда-то работал, теперь глубокие старики. И думаю, не откажутся от Харумбы даже на таких условиях.

– Лишь бы Хранители Харумбы от них не отказались.

– Я им откажусь, – усмехнулся Джуффин. – Это по их недосмотру у нас произошло множество убийств.

– Боюсь, для них это недостаточно убедительный аргумент, – вздохнул я. – В суд-то их не потащишь.

– Это правда. Но суд нам без надобности. У меня найдется аргумент получше.

– Ого. Будешь их шантажировать?

– Именно. Пригрожу, что, если не согласятся взять наших охранников, я снова пришлю под стены Харумбы тебя.

* * *

Когда Джуффин практически силой выгнал меня из Управления Полного Порядка домой, отдыхать, был совсем ранний вечер, даже сумерки еще толком не начались. Устал я и правда зверски, глаза на ходу закрывались, но, зная себя, был уверен, что, если пойду в спальню и лягу в кровать, ни за что не усну. Встать, впрочем, не смогу тоже, поэтому буду лежать в полумраке, пялиться в потолок, вспоминать события последних дней, содрогаясь от запоздалого ужаса в соответствующих местах, то есть почти во всех, будем честны. Именно так я представляю себе ад, которого при всех своих недостатках явно не заслужил. Просто плохо старался.

Поэтому я отправился в кабинет. Дураку понятно, что если улечься там с книжкой на неудобном диване, поставив перед собой задачу домучить злосчастный том до конца, собрав в кулак несгибаемую волю и заодно открыв бутылку осского аша, которая совершенно не зря вторые сутки меня дожидается, книжка вывалится из рук буквально через минуту. А я, соответственно, усну.

С такими оптимистическими мыслями я появился в башне Мохнатого Дома, месте настолько неприкосновенном, что я совершенно не ожидал кого-то тут застать.

Однако диван мой был занят. Я бы сказал, Занят, с большой буквы. Потому что на нем каким-то образом разместился новый Великий Магистр Ордена Семилистника, Благостного и Единственного. По совместительству мой друг, как только что выяснилось, гораздо более близкий, чем я до сих пор по наивности полагал – если уж отважился столь дорогой ценой спасти меня от мучительных попыток уснуть на неудобном диване. Я такие самоотверженные поступки очень высоко ценю.

Не знаю, какую ступень магии использовал сэр Шурф, чтобы устроиться на этом ложе. Но подозреваю, одну из наивысших. Диван и для меня-то короток, а при его росте это все равно, что улечься на табурете. И при этом уснул он настолько крепко, что не услышал, как я вошел. Вообще-то у опытных магов такие вещи по умолчанию под контролем. Спит, не спит, а мышь не проскочит, призрак не пролетит.

Мышей в моем кабинете, хвала Магистрам, не водится, а что касается призрака, он как раз кружил под потолком. То есть она. Леди Тайяра Ката.

Вид она имела чрезвычайно довольный – насколько я разбираюсь в выражении эмоций у призраков. По крайней мере, мои гажинские коллеги на радостях обычно становились больше и ярче, а леди Тайяра именно такой и была.

– Наконец-то вы вернулись! – воскликнула она. – Ваш друг очень о вас беспокоился. Он даже попросил меня высчитать вероятность вашего благополучного возвращения. И чрезвычайно огорчился, когда узнал, что она не превышает семи процентов...

– Сколько-сколько процентов?

– Семь! – торжествующе повторила леди Тайяра. – Но на самом деле это не так уж и мало. На моей памяти случались даже события, вероятность которых стремилась к нулевой. И ничего, все равно происходили как миленькие. Я это и вашему другу объяснила. Он со мной согласился. У него вообще удивительно светлая голова. Очень жаль, что он совсем не интересуется точными науками и склонен к неумеренному пьянству, из него мог бы выйти толк!

– К чему он склонен? – опешил я.

Но тут мой взгляд наконец наткнулся на пустую бутылку из-под осского аша, стоящую на столе. И я сразу понял, что не ослышался. И почему Шурф до сих пор не проснулся, тоже стало ясно. И как он уснул на моем диване. Похоже, обошелся без магии высших ступеней. Народными, так сказать, средствами.

От моего изумленного взгляда сэр Шурф все-таки проснулся. По крайней мере, приоткрыл один глаз. Пробормотал с явным облегчением:

– Голову оторву.

Закрыв глаз и умиротворенно добавил:

– Но потом.

И снова уснул.

А я, будучи по природе своей человеком компанейским, зверски зевнул и принялся оглядываться по сторонам, прикидывая, что бы такое постелить на пол. Который в качестве походного ложа ничуть не хуже этого грешного дивана. Еще и ноги можно вытянуть, повезло.

* * *

Не то чтобы я всерьез ждал Клари в гости. По крайней мере, не в ближайшие годы. А что окна в доме всегда оставлял открытыми настежь, так они у меня даже зимой нараспашку, ничего необычного в этом нет.

Но когда в самом начале осени в распахнутое окно моего кабинета влетел ветер, чей горький запах – дым, земля, сухая степная трава – совсем не походил на привычный аромат речной воды, который приносят наши ветры с Хурона, я сразу понял, с кем имею дело. И ослепительно ему улыбнулся. И сказал вслух:

– Привет.

В такой момент что ни скажи, все равно будет слишком мало. А просто «привет» – в самый раз.

Он сперва дунул мне в лицо с такой силой, что чуть голову не оторвал, но быстро вспомнил о свойственной людям хрупкости и уgomонился – насколько вообще способен уgomониться ураган.

Условно утихнув, юный Йохлимский ветер, вырвавшийся на свободу согласно им же самим заранее составленному плану, прошелся по моему кабинету, листая книги и роняя на пол отдельные мелкие предметы. Я решил – черт с ними, разобьет, так разобьет, пусть творит, что хочет, все-таки долгожданный гость. Нельзя же всерьез требовать от ветра полного штиля. И страшно гордый своим великодушием, принялся рассказывать ему, как у нас тут дела. В частности о шестерых секретарях сэра Шурфа, которые, честно поделив обязанности, более-менее справляются примерно с половиной дел, а это совсем неплохо. Уж точно лучше, чем ничего.

Только несколько минут спустя я понял, что творит этот негодяй. Мои книги к тому моменту уже стояли на полках, по, мать его четырежды, алфавиту, письменные принадлежности были аккуратно размещены на столе, а разбросанная всюду одежда ввиду отсутствия в кабинете специального шкафа, укоризненно ровной стопкой лежала в углу. На столь идеальный порядок даже смотреть больно, не то что в нем жить. Но я не рассердился на такое самоуправство.

Ну, почти не.

notes

Примечания

Харумба – город мертвых в Уандуке. Был основан несколько тысячелетий назад коренными обитателями этого материка – кейифайями. Сами кейифайи живут так долго, что считаются практически бессмертными, но их потомки от смешанных браков смертны. Именно для них была изначально создана Харумба – город, за стенами которого прошедший через специальные ритуалы мертвец может продолжать вести привычное существование. При этом его личность остается неизменной, а телесные ощущения и эмоции похожи на прижизненные. Свободный вход в Харумбу открыт только прямым потомкам хранителей Харумбы – небольшого закрытого сообщества очень старых кейифайев. У остальных людей тоже есть шанс попасть в город мертвых, но он невелик. Два основных условия – личные достоинства и огромные деньги. Высокая плата за вход справедлива: поскольку хранители Харумбы дарят своим подопечным бессмертие, но не могут предоставить им свободу передвижения, они берут на себя обязательства содержать их с максимальным комфортом в течение бесконечно долгого промежутка времени.

Подробности этого дела изложены в повести «Обжора-хохотун».

Имеются в виду светильники, представляющие собой прозрачные сосуды, в которые помещают особенные светящиеся грибы. Эти грибы начинают светиться, когда их что-то раздражает, так что выключатель приводит в движение специальные щеточки, которые осторожно, но назойливо щекочут шляпки грибов. Те немедленно реагируют – светятся.

То есть гнома. Гномы (крёггелы) бывают горные и равнинные. Горные крёггелы уживчивы и чрезвычайно общительны, в чем можно убедиться, посетив княжество Кебла, где живет большинство из них. А вот равнинные обладают весьма сварливым характером, по природе одиночки и крайне редко селятся среди людей. Что, наверное, только к лучшему.

Йопс – название рыбы, в изобилии водящейся в прибрежных водах Великого Крайнего моря; в пищу обычно употребляют ее плавники, которые считаются деликатесом.

В вашей математике «совершенное число» – это натуральное число, равное сумме всех своих собственных делителей (то есть всех положительных делителей, отличных от самого числа). Подозреваю, что в математике Мира этот термин имеет аналогичное значение, но доподлинно мне это пока неизвестно.

Об этом (и многом другом) сэр Кофа Йох рассказывает в повести «Горе господина Гро».

Речь о событиях, описанных в повести «Магахонские лисы».

Речь об Ордене Водяной Вороны, наводившем ужас на Соединенное Королевство в Смутные Времена.

Фэтан – очень опасное чудовище. Строго говоря, это обитатель иного мира, посредством магии призванный в Мир и обученный некоторым вещам. Фэтаны не имеют телесной оболочки. Чем дольше фэтан живет, тем сильнее он становится, со временем обретает способность подчинять своей воле оказавшихся рядом людей и постепенно полностью разрушать их сознание. Питаются фэтаны человеческой жизнью, нападают, как правило, на спящих, но, войдя в силу, могут убивать и бодрствующих. Довольно много о фэтанах рассказывается в повести «Джуба Чебобарго и другие милые люди».

Подробно эта история описана в повести «Мастер ветров и закатов».

Великий Магистр Махлилгл Аннох в конце Смутных Времен был заключен в Холоми. Желая обрести бессмертие, он умер в тюрьме, а потом пытался воскреснуть, для чего забирал жизненную силу заключенных, оказывавшихся в той камере, в которой он умер. Этому безобразию был положен конец, однако в ходе борьбы я сам едва уцелел и (вероятно, это следует считать «осложнением») стал ядовитым, точнее, обзавелся ядовитой слюной, чему, положив руку на сердце, совсем не рад и стараюсь как можно реже использовать это полезное, но неприятное мне самому оружие. Подробно эта драматическая история рассказана в повести «Камера № 5-хох-ау».

В море, между материками Хонхона и Уандук, существует остров под названием Земля Скорбного Хлеви Макката. Вероятно давая название своему трактиру, его владелец имел в виду, что его еда и обстановка способны обрадовать даже скорбящего. До известной степени это действительно так.

Речь о давних событиях, описанных в повести «Сладкие грезы Гравви».

Заклинание Бахамгаму действует на жертву таким образом: человек переживает ощущения, которые, как ему кажется, должен испытывать умирающий. «Как кажется» – это ключевой момент. Поскольку люди, как правило, боятся смерти и позволяют своему воображению рисовать чудовищные картины умирания, многие под воздействием закливания Бахамгаму проходят через настоящий кошмар; наиболее впечатлительные сходят с ума.

То есть пятнадцати-шестнадцатилетней, если переводить в привычную читателям систему координат.

«Десять негритят» (англ. *Ten Little Niggers*) – детективный роман английской писательницы Агаты Кристи, написанный в 1939 году. В основе сюжета лежит серия убийств, совершенных отставным судьей, который сумел расправиться с преступниками, в свое время оправданными судом присяжных

Зеленый огонь – магическое оружие, способное уничтожить все, что пожелает уничтожить применивший его колдун. Однако воспользоваться им шансов немного, для его применения требуется наивысшая, 234-я, ступень Белой (Очевидной) магии. Джуффин, конечно же, просто дразнит слушателей, упоминая этот метод убийства в ряду самых примитивных.

О Смертных Шарах более-менее подробно рассказывается в повести «Магахонские лисы».

А об этом эпизоде – в повести «Возвращение Угурбадо».

Эхлы – великаны. Средний рост эхла от двух с половиной до трех с половиной метров. В Ехо и других городах Соединенного Королевства эхлы не живут и крайне неохотно их посещают, даже не столько потому, что им там довольно некомфортно, сколько опасаясь помешать «худосочным» по их выражению людям. Природное добродушие эхлов делает мучительной для них даже мысль о возможности причинения вреда другим. Большинство эхлов Хонхоны живут сейчас в княжестве Кебла, интересно, что примерно половину населения этой страны составляют крёггелы, то есть гномы. Однако гений местных инженеров и архитекторов сумел создать среду, удобную для совместного проживания столь разных существ.

Подробности этой истории изложены в повестях «Корабль из Арвароха и другие неприятности», «Тень Гугимагона», «Дорот, повелитель манухов» и некоторых других.

Это возмутительное медицинское событие описано в повести «Корабль из Арвароха и другие неприятности».

Этот эпизод подробно описан в повести «Белые камни Харумбы».

Вершитель – человек с особым устройством воли, в силу которого все его желания, включая мимолетные и даже неосознанные, рано или поздно осуществляются; в отличие от просто волевых, настойчивых людей, Вершители могут вообще ничего не делать, все равно однажды обстоятельства сложатся как-нибудь так, что все получится. Это вовсе не так удобно, как может показаться. В Море Вершители рождаются редко, а выживают еще реже, поскольку обычное детское желание умереть в ответ на незаслуженную обиду может привести к фатальному исходу. Самым знаменитым Вершителем был Король Мёнин, который благодаря суровому дворцовому воспитанию сумел взять свой дар под контроль в очень раннем возрасте, правил Соединенным Королевством на протяжении многих столетий, совершил бесчисленное число невероятных чудес, а потом бесследно исчез, оставив по себе тысячи легенд, правдивых и не очень. После того, как мне объявили, что я Вершитель, и объяснили, что из этого следует, я стараюсь ежедневно несколько минут кряду страстно хотеть, чтобы мои бесчисленные мимолетные желания никогда не осуществились. Похоже, этот метод работает, но рано утверждать наверняка. Через тысячу лет, если буду жив, запатентую.

Грыз – жаргонное презрительное название полицейского, что-то вроде русского «мент» или английского «коп».

Отсылка к некоторым персонажам и событиям повести «Магахонские лисы».

Этот эпизод рассказывается в повести «Обжора-хохотун».

Об особенностях устройства Стража тоже подробно рассказывается в повести «Обжора-хохотун».

Подразумевается, конечно же, чистокровный кейифай; известно, что им нельзя даже пробовать спиртное, тяжелейшая неизлечимая зависимость возникает буквально после первого глотка, деградация личности наступает мгновенно; с учетом бессмертия кейифайев, результат выглядит по-настоящему ужасно. Некоторые подробности изложены в повести «Дорот, повелитель манухов».

Подробности можно узнать из повести «Дар Шаванахолы».

О судьбе этого удивительного призрака рассказывается в повести «Обжора-хохотун».

В той же Книге Безумий говорится, что «Вершители рождаются, когда мертвые занимаются любовью, а звезды гаснут, глядя на это бесчинство». Так что вряд ли стоит так уж ей доверять.

Великий Дуримский лес находится на окраине Гугланда, по ту сторону Гугландского залива, то есть, настолько далеко, что тамошние лешие могут успешно заменять чертей в соответствующих фразеологических оборотах.

Зачем я выяснил название горы, куда не собираюсь возвращаться, и каким чудом сохранил его в памяти до сих пор, отдельный вопрос, на который лично у меня нет ответа.

Некоторые (немногочисленные, впрочем) подробности биографии Датчуха Вахурмаха и исчезновения царства Джангум-Варахан можно найти в повести «Тубурская игра».

Средняя плата за вход в Харумбу составляет примерно миллион корон Соединенного Королевства; обладателям особо хорошего характера, великого ума и других достоинств иногда делают скидку ради удовольствия находиться в их обществе, а людям с неоднозначной репутацией приходится платить гораздо большие суммы. Точный размер суммы, которую заплатил Хранителям Харумбы Нуфлин Мони Мах, неизвестен, но по приблизительным подсчетам казначеев Ордена Семилистника, проводивших ревизию опустевшей незадолго до кончины (отъезда) Великого Магистра казны, никак не меньше четырех дюжин миллионов корон. Сумма даже по меркам правящего Ордена богатейшего государства Мира совершенно невообразимая.